ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А.Н. БАБИЙЧУК

ЧЕЛОВЕК, НЕБО, КОСМОС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

За время Великой Отечественной войны автор прошел путь от старшего врача авиационного полка до главного врача 4-й воздушной армии Он участвовал в битве за Кавказ, в освобождении Крыма и Белоруссии, мобилизуя медиков на обеспечение активной боевой деятельности авиационных частей. После войны А. Н. Бабийчук возглавлял медицинскую службу ВВС. Работая над диссертацией он внес большой вклад в развитие космической медицины, а также в практику отбора и подготовки космонавтов.

- Александр Николаевич Бабийчук
  - В годы войны и мира
  - Глава первая
    - ■
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцать
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Александр Николаевич Бабийчук
Человек, небо, космос

В годы войны и мира

В обширной военно-мемуарной литературе о Великой Отечественной войне особый интерес, на мой взгляд, представляют книги, рассказывающие о сложнейшей, поистине титанической работе, которую вели различные службы (инженерная, медицинская и т. д.) по обеспечению боевых операций войск. Вдвойне интересна книга, не заканчивающаяся войной, а показывающая работу такой службы и в послевоенный период, на новом, несравнимо более высоком этапе.

А. Н. Бабийчук, в годы войны флагманский врач 4-й воздушной армии, а в недавнем прошлом — начальник медицинской службы ВВС — заместитель начальника Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР по авиации, освещает деятельность авиационных медиков.

Медицинская служба ВВС имеет свои особенности. Ее структура сложилась не сразу. Во время войны работу авиационных медиков отличали не только мужество и самоотверженность, но и постоянный поиск новых форм и методов быстрой и эффективной помощи раненым и больным из летного состава.

Каждый летчик, сражавшийся с врагом в военном небе нашей Родины, — я могу это засвидетельствовать — сохранил благодарную память о своих друзьях и помощниках — авиационных врачах, фельдшерах, медсестрах. Они не только лечили раненых и больных, но и заботились о нашем отдыхе, быте, вносили свой вклад в совершенствование рабочего места летчика.

С большой теплотой автор пишет о медработниках 4 ВА, не щадивших сил и времени в своем благородном труде, о их поистине героических делах, о командующем воздушной армией генерале К. А. Вершинине, постоянно проявлявшем внимание к медицинской службе.

Окончилась война. Военная авиация стала реактивной. Многократно увеличились перегрузки, переносимые летчиками, усложнилась их работа. Новые задачи встали и перед авиационной медициной. Автор рассказывает о совершенствовании медслужбы ВВС, о подготовке авиационных врачей, об огромной заботе партии и правительства об организации отдыха летного состава. Мы снова встречаемся со многими офицерами медслужбы, знакомыми нам по первой части книги, с К. А. Вершининым — теперь Главным маршалом

авиации, главкомом ВВС, узнаем новых людей.

В конце пятидесятых годов из числа военных летчиков был создан первый отряд космонавтов. Генерал-майор медицинской службы А. Н. Бабийчук, работавший в то время над докторской диссертацией, получил возможность вплотную заняться вопросами медико-биологического обеспечения полетов человека в космос.

Научным исследованиям, проводившимся под руководством Академии наук СССР, посвящены заключительные главы книги. Там же рассказывается о встречах с космонавтами, о Главном конструкторе космических систем Сергее Павловиче Королеве.

Я хотел бы обратить внимание читателей на два момента. А. Н. Бабийчук вкрапливает в текст своих воспоминаний сведения и факты из истории возникновения и развития советской авиационной медицины, и мы получаем цельную картину, обогащающую наши знания. Автор также достаточно полно раскрывает деловые дружеские связи, медслужбы советских ВВС с медслужбами ВВС стран социалистического содружества. В этом, безусловно, одно из достоинств его труда.

Уверен, что читатели по достоинству оценят своеобразную, новую и богатую по содержанию книгу А. Н. Бабийчука.

Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Н. П. Каманин.

Глава первая
Начало испытаний

В темноте на поле аэродрома лишь в двух-трех местах ненадолго появлялись синие и красные огоньки — появлялись и гасли, как только взлетал или садился самолет. Ноябрьская ночь была пронизывающе-холодной. Казалось, это ветер срывал с земли сердито трещавшие моторами невидимые машины. Садились же они, когда, покружив и найдя в небе опору, перебарывали его силу.

654-й ночной легкобомбардировочный авиационный полк закончил формирование, и теперь летчики выполняли программу тренировки. На должность старшего врача полка я прибыл всего несколько часов назад и засветло успел лишь представиться командованию.

Различив в темноте группу людей, я направился к ним. С трудом отрывал ноги от липкого чернозема.

Командира полка капитана Бочарова я узнал по высокому росту и раскатистому голосу. Этот человек, казалось, не умел говорить тихо. С ним находились комиссар Савенков, начальник штаба капитан Гаврилов, штурман майор Доленко и старший инженер воентехник первого ранга Эпов.

Как только я подошел, командир полка повернулся ко мне и спросил:

— Это вы, доктор?

Мне еще днем подумалось, что его широко расставленные карие глаза с крупными зрачками, должно быть, и ночью видят, как днем. Было в них что-то от зоркой птицы.

— Хотите посмотреть, как ребята ведут себя в воздухе? Сейчас ушло звено из эскадрильи Морозова бомбить цели на полигоне.

Разговаривавшие между собой командиры выжидательно примолкли. Некоторое время спустя в отдалении послышались разрывы бомб.

— Пойду к телефону, — сказал командир полка и оставил нас.

— Вы, доктор, в авиации служили? — спросил майор Доленко.

Он, согреваясь, переступал с ноги на ногу.

— Пять из десяти лет военной службы, — ответил я.

— Тогда вам нечего объяснять, Александр Николаевич. Днем летаем под колпаком, по приборам, ночью отрабатываем взлет и

посадку при минимальной освещенности, выполняем задачи на бомбометание.

— В полку двадцать одна машина, — продолжил разговор старший инженер, каждая прошла два — четыре восстановительных ремонта. У экипажа от полутора до двух тысяч часов налета. Своими силами подготовили аэродром к полетам в зимних условиях.

— Да, на солдатском языке наши машины БУ, то есть боевые-учебные.

Эту фразу Доленко произнес с горькой иронией.

Никто не думал до войны, что учебные аэропланы У-2, принадлежность авиаклубов Осоавиахима и школ первоначального обучения летчиков ВВС, простые и безотказные в управлении, но тихоходные, построенные из дерева и перкаля, в жестоких сражениях с врагом обретут судьбу боевых самолетов.

Сначала острая нехватка самолетов других типов заставила использовать их только для выполнения вспомогательных задач: для связи между штабами и войсковыми частями, эвакуации раненых, доставки боеприпасов, горючего и медикаментов. Затем «летающие этажерки» стали применять и для корректировки огня дальнобойной артиллерии и для ведения разведки в ближнем тылу противника. Со временем, учась и набираясь опыта в ходе войны, летчики выявили новые возможности боевого использования У-2. Так в конце 1941 года в Красной Армии начали создаваться ночные легкобомбардировочные полки. В частности, наша часть сформировалась здесь, на Ставропольщине, на базе 25-й Невинномысской военной авиационной школы. В нее влился и резерв ВВС Южного фронта.

Мне было понятно недовольство летчиков своими «этажерками», к тому же старыми. Ведь они готовились и страстно желали летать на ЛаГГ-3, Як-1, И-16, СБ…

И дело тут не в ущемлении самолюбия. Просто каждый из них мечтал нанести врагу как можно больший урон.

Возле нашей группы снова возникла высокая фигура командира полка.

— Хорошо отбомбились ребята! — прогремел он звучным баритоном. И, первым уловив среди всхлипов ветра звук самолетных моторов, добавил: Возвращаются.

Во мраке вспыхнули сигнальные огни. Выше их, в воздухе, зажглись и поплыли книзу посадочные фары самолетов.

Полеты продолжались до утра. Командир части, комиссар, начальник штаба, штурман полка и старший инженер не покидали аэродрома. Не уходил и я. За время летной тренировки, как мне сказали, не было несчастных случаев. Меня удерживало

здесь другое: стремление войти в ритм жизни моих новых сослуживцев, определить степень физической и психической нагрузок, переносимых летчиками.

С холодом и порывистым ветром я свыкся, усталость же к рассвету стала сказываться, А пилоты и техники, естественно, должны были испытывать во много раз большее утомление. Я подумал, что одной из важных моих задач будет наблюдение за их правильным и, по возможности, достаточным отдыхом в дневное время.

В мой предвоенный послужной список входили два года работы старшим врачом 15-й отдельной разведывательной авиаэскадрильи в городе Борисполь и без малого три года — старшим врачом авиаэскадрильи в Одесской авиационной школе имени Полины Осипенко. Там я одновременно исполнял обязанности начальника кабинета авиационной медицины.

Война потребовала эвакуации авиашколы сначала в Конотоп. Оттуда ее истребители летали на прикрытие станции Бахмач. Затем мы перебазировались дальше на восток Украины. Наши самолеты базировались на аэродромах, которыми пользовались и строевые авиационные части.

Постепенно обнаруживались серьезные просчеты в медицинском обеспечении авиационных частей. Главный из них, на мой взгляд, состоял в том, что военно-воздушные силы не имели своих госпиталей. Раненые летчики направлялись в глубокий тыл. Их связь со своей боевой частью или полностью обрывалась, или до крайности осложнялась. После выздоровления летчик попадал в тыловой запасный полк. Проходило много времени, прежде чем он возвращался к боевой деятельности. Причем не всегда его бывшее командование могло добиться, чтобы он вернулся в свою часть.

Так уменьшалась эффективность использования летных кадров, получивших боевое крещение, приобретших боевой опыт. На другом месте человек должен был как бы опять «притереться» к новым боевым товарищам. Да и командование, в свою очередь, присматривается к нему. Это также замедляло возвращение летчика в строй.

Другим большим недостатком являлось отсутствие хирургов в большинстве лазаретов батальонов аэродромного обслуживания (БАО). Штатное расписание мирного времени их просто не предусматривало. А теперь мы вынуждены были оставлять у себя часть раненых и нередко оперировать их.

В мирное время санитарная служба авиации мало занималась и разработкой вопросов поиска сбитых летчиков и оказания им медицинской помощи. Розыск летных экипажей, совершивших

вынужденную посадку вне своих аэродромов, целиком возлагался на командование части. Практика напряженных боевых действий показала, однако, что врач должен не только заботиться об оказании медицинской помощи раненым летчикам, но и нести значительную долю ответственности за своевременно отданный приказ на поиск. С психологической точки зрения чрезвычайно важно, чтобы летчик, штурман, стрелок-радист были уверены: в перипетиях боя о них не забудут, не замедлят прийти на помощь, если она им понадобится.

Я дал себе слово: поставлю работу так, что мои товарищи-летчики будут во всех случаях уверены в своем полковом враче. И правильные действия в воздухе, осмотрительность, самочувствие будут в большей степени зависеть от меня. Если же случится несчастье на фронте, куда мы скоро вылетим, приложу все силы, чтобы раненый получил в медпункте полка и в лазарете БАО эффективную медицинскую помощь…

Небо по-предутреннему помутнело, потом на восточной его стороне разлился бледно-желтый свет холодной зари.

Ко мне подошел молодой лейтенант.

— Товарищ военврач третьего ранга, — сказал он, — командир полка и комиссар просят вас зайти в штаб.

Поблагодарив, я направился к стоявшим в отдалении двухэтажным домам.

Я застал капитана и батальонного комиссара уже раздевшимися. В комнате было тепло. Сержант-писарь снимал с окон черные бумажные шторы.

— Наш день — ночь, — сказал комиссар, растирая ладонями скуластое лицо.

Под небольшими, глубоко посаженными глазами его виднелись тени. На лоб спадала прядь светлых волос. В худощавой невысокой фигуре комиссара, в его жестах и мягком говоре было что-то домашнее. Он откровенно радовался тому, что в ближайшее время не надо снова выходить на холод.

— Николай Тимофеевич, — окликнул его комполка. Переходя от одного канцелярского стола к другому, он с треском выдвигал ящики: что-то искал. Поинтересуйтесь у доктора, нет ли у него связей в высших медицинских и хозяйственных сферах?

— Константин Дмитриевич одержим иллюзорной мечтой достать для летного состава шоколад «кола», — улыбнувшись, пояснил мне Савенков вопрос командира. — Для наших «совушек» он был бы, конечно, кстати. Но ведь его, должно быть, дают только истребителям перед ночными полетами и экипажам дальних бомбардировщиков.

Кола — средство, повышающее работоспособность, особенно

в ночное время, употребляется обычно в смеси с шоколадом.

— Да, — согласился я. — К сожалению, там необходимого знакомства у меня нет.

— С чего думаете начинать работу, Александр Николаевич? — обратился ко мне Бочаров. Он нашел бумагу, которую искал, стоя прочитал, сложил и спрятал в карман гимнастерки.

— С освидетельствования всего личного состава, — ответил я. — Налажу также занятия по оказанию первой медицинской и доврачебной помощи в боевых условиях.

— Хорошо, — одобрил комполка. Писарь принес жестяной чайник.

— Садитесь, — пригласил меня к столу батальонный комиссар. — Это у нас традиционное утреннее чаепитие. Вот только начальник штаба задержался в первой эскадрилье.

Заговорили о последних известиях с фронтов, о тяжелом положении под Москвой. В речи Верховного Главнокомандующего, произнесенной 7 ноября на параде, было сказано, что скоро и на нашей улице наступит праздник. Все поняли это так, что немцам под Москвой, очевидно, будет нанесен сокрушительный удар и они покатятся с советской земли.

Савенков поинтересовался, откуда я родом, какое учебное заведение окончил. Я коротко рассказал о себе. Родился в 1911 году в Казани, четырех с половиной лет остался круглым сиротой, воспитывался у теток. Одна из них была медсестрой, у другой муж был врачом, и это потом в какой-то степени определило мой выбор профессии. Шестнадцати лет подал заявление в киевскую медпрофшколу, но семилетнего образования у меня тогда не было. Пришлось сдать экзамены экстерном. После медшколы работал совхозным фельдшером и затем помощником районного санитарного врача. В 1930 году попросился добровольцем в армию. Отказали. Поступил на вечернее отделение Киевского медицинского института. Снова пошел в военкомат. И хотя мой год еще не призывали, просьбу мою на этот раз удовлетворили. С разрешения командования 138-го стрелкового полка 46-й дивизии учебу в институте продолжал. Потом меня перевели в радиороту, стоявшую в двенадцати километрах от Киева. Днем военная служба, вечером институт. Тут я чаще всего ходил пешком. Позже был переведен в танковую часть. Но и там получил разрешение совмещать военную службу с учебой. В 1936 году после окончания института меня назначили врачом. Сначала служил в воздушно-десантных войсках, затем в авиации.

Посмеялись над одним из работников отдела кадров. Всякий раз, когда я приходил к нему проситься в авиацию, заставал его

стоящим возле конторки, спиной к двери. Обычно он узнавал меня по голосу и, не оборачиваясь, сильно гнусавя, тоскливо спрашивал: «Опять явились канючить, товарищ Бабийчук?»

— Где ваша семья? — спросил Бочаров.

Я оставил жену Шуру и маленькую дочку Инну в Грозном, куда в конце концов эвакуировалась Одесская авиационная школа. Приказ об откомандировании меня в действующую армию получил неожиданно и не мог как следует позаботиться о них.

— Ну, вам пора отдыхать, — сказал командир полка. Выпрямился и шагнул к другому столу, где стоял полевой телефон.

— Да, не будем терять время, — отозвался комиссар, снимая шинель с вешалки. — Я сказал, что наш день — это ночь, но обычно днем дел у нас еще больше.

За два месяца до начала войны в Одесском военном округе был проведен массовый призыв молодежи в воздушно-десантные войска. Очевидно, это происходило и в других военных округах. Тучи над нашими западными и дальневосточными границами сгущались. Партия и правительство принимали срочные меры для усиления наиболее современных родов войск.

Я был назначен председателем врачебно-летной комиссии, которой предстояло провести медицинское освидетельствование будущих десантников. Директива установила чрезвычайно жесткие сроки. В помощь нам прибыла большая группа медиков из Харькова во главе с военврачом 1 ранга А. Д. Вайнштейном. Это позволило создать еще четыре нештатные ВЛК. Мы работали без отдыха, с утра до вечера. За две недели перед нами прошло 5000 человек, в подавляющем большинстве своем — хорошо развитых физически молодых людей. Члены комиссии были строгими, даже придирчивыми, темп работы не отражался на тщательности всестороннего медицинского освидетельствования.

В те дни я многому научился у своих коллег. Мне, терапевту, было интересно и весьма полезно работать в тесном контакте с невропатологами, хирургами, окулистами.

При освидетельствовании кандидатов, отбираемых в авиацию и воздушно-десантные войска, приходится учитывать не только их общее физическое развитие и состояние здоровья, но и индивидуальные психологические качества, необходимые летчикам и десантникам.

Работу в той комиссии я вспомнил, готовясь к освидетельствованию летчиков полка. Но прежде пришлось заняться другим.

За несколько военных месяцев резко ухудшилось санитарное состояние быта людей. Личный состав полка размещался в

казармах, через которые летом и осенью прошла не одна воинская часть.

Перед заселением очередной партии людей помещения не подвергались сколько-нибудь серьезной обработке. Близкий к нам город Невинномысск и окрестные станицы были заполнены эвакуированными, жившими скученно, часто по нескольку семей в одной квартире или хате. Это тоже усиливало угрозу инфекционных заболеваний.

Я заручился обещанием командиров подразделений, что они ежедневно будут проводить медицинский осмотр, запретил чистку грязного обмундирования в жилых помещениях, взял под контроль просушивание утепленных комбинезонов и обуви, проглаживание нательного белья горячим утюгом в специальной комнате. Было проведено и несколько бесед на санитарно-гигиенические темы.

Летчики надо мной подшучивали. Однажды в стенной газете 1-й эскадрильи я увидел карикатуру: человек, оставляя в моих руках меховой комбинезон, вырывается, чтобы бежать к самолету, я же кричу (это было написано у моего рта): «Тебе нельзя бомбить, ты не прошел осмотр на форму двадцать!» Но они, конечно, понимали, что я стараюсь для общей пользы.

В эти дни я перезнакомился почти со всеми. Командные должности в нашей части занимали люди среднего возраста, коммунисты, призванные в авиацию в 1931–1933 годах. Тогда же развернулось усиленное строительство наших военно-воздушных сил. Летчики, штурманы, техники, авиационные специалисты были молоды — не старше двадцати пяти лет. Да и мне было всего тридцать. Может, потому я быстро и легко сошелся с ними.

Вскоре по моей просьбе капитан Гаврилов отдал приказ всему личному составу пройти медицинское освидетельствование.

По штатному расписанию помощника у меня не было. Во фронтовой обстановке мне предстояло опираться на санслужбу батальона аэродромного обслуживания. Тогда я прибег к помощи 25-й военной авиационной школы, договорился, что буду к ним направлять тех летчиков, здоровье которых вызовет у меня сомнение. Попросил на несколько дней прикомандировать ко мне медсестру.

И вот в мой медпункт потянулись люди.

Отстранение от полетов или направление на лечение они рассматривали как тяжелый удар. Я видел, как беспокойно поглядывают летчики на стетоскоп и молоточек. Но волновались они напрасно. Всего двух человек направили мы в санчасть авиаучилища, да и то из числа механиков.

С результатами освидетельствования сразу же ознакомил

командира полка. Бочаров поблагодарил меня и пожал руку.

…Ноябрь кончился. Сырая погода сменилась легкими морозцами. На дорогах острыми гребнями застыла грязь.

Полеты усложнялись. Теперь необходимо было многое учитывать: образование конденсата воды в бензо — и маслосистемах, загустевание масла, быстрое охлаждение мотора при работе на малых оборотах во время планирования над целью и при заходе на посадку.

Я проводил ночи на аэродроме. Как-то майор Доленко шутливо спросил:

— Не покатать ли вас? Как чувствуете себя в воздухе?

— Нормально, — ответил я. — Только в кабине предпочитаю сидеть за штурвалом.

Штурман полка и находившийся рядом с ним командир первой эскадрильи капитан Кузнецов переглянулись.

— Управляете самолетом? — удивился один из них.

— Вот это у нас медицина! — воскликнул другой.

Еще в 1936 году, будучи старшим врачом 15-й разведывательной авиаэскадрильи, я прошел курс штурманской подготовки и летал в качестве летчика-наблюдателя на машинах Р-5 и Р-Z. Затем изучил У-2 и летал самостоятельно. Насколько позволяло свободное время, знакомился и с другими типами самолетов. Считал, что военный авиационный врач обязан прочувствовать, как человеческий организм реагирует на высоту и скорость, переносит перегрузки.

Я вспомнил, как в первую же ночь, когда я прибыл к ним, Доленко без воодушевления отозвался о материальной части полка. Улучив минуту, спросил:

— Александр Петрович, как вам видятся перспективы боевой работы полка?

Невысокий широкоплечий человек, спокойный и слегка насмешливый, не любивший ничего принимать на веру, он после небольшой паузы очень серьезно ответил:

— Люди на этих старых машинах будут делать все возможное и невозможное. Не пожалеют жизни, чтобы выполнить поставленную задачу. Пуще всего они боятся, что их будут придерживать, не доверять им серьезных дел. Думаю, полк себя не посрамит.

…Не забыть мне ночь на 7 декабря. Небо было усеяно звездами. Под светом луны заиндевелая степь казалась матово-серебряной.

В воздух взлетел на У-2 лейтенант Карасев. За ним отправился на задание экипаж летчика Мишичева и штурмана Гончара.

— Что-то комполка и комиссар не появляются, — заметил старший инженер, когда я к нему подошел.

— А вот они, легки на помине, — ответил я, увидев шагающих от штаба Бочарова и Савенкова.

— Товарищи! — сказал командир. — Сейчас по радио передали «В последний час», наше наступление под Москвой!

И он распорядился построить людей.

Через минуту все, кто находился на аэродроме, уже стояли в строю. Комиссар Савенков срывавшимся от волнения голосом громко пересказывал услышанное по радио сообщение: в первый день наступления наши войска продвинулись на столько-то километров… Освобождены города Наро-Фоминск, Можайск, Малоярославец… Разгромлено столько-то вражеских дивизий…

— Ура! — гремело после каждой такой фразы.

Короткую речь произнес командир полка. Потом выступили командир 2-й эскадрильи капитан Морозов, техник Миронов, механик Баклайкин. Все говорили об одном: о первом крупном наступлении Красной Армии.

Победа советских войск под Москвой окончательно развеяла миф о непобедимости германской армии. Каждый из наших авиаторов испытывал небывалый душевный подъем и прилив новых сил. На следующее утро только и слышалось:

— Скоро ли пошлют нас на фронт?

Такой приказ поступил в тот же день.

Посыльный вызывал меня в штаб часов в одиннадцать. В это время нам еще полагалось отдыхать. На улице сыпал мелкий колючий снег. Взглянув на мутное небо, невольное подумал: «Ночью полетов не будет…»

По выражению лиц командиров, собравшихся в одной из комнат двухэтажного дома, понял: долгожданный час пришел. Все были заметно возбуждены. Начальник штаба сидел за столом, склонившись над расстеленной картой. Бочаров медленно вышагивал, о чем-то размышляя. Комиссар вполголоса обговаривал какой-то вопрос с помощником начальника штаба по оперативной части старшим лейтенантом Ментовым.

— Убываем в распоряжение командующего ВВС девятой армии. Конечный пункт — Новочеркасск, — посвятил меня в содержание приказа капитан Гаврилов. — Самолеты будем перегонять по воздуху, остальную технику, штабное имущество и нелетный состав — по железным и шоссейным дорогам. В какой из этих двух потоков вас включить?

— В первый, — ответил я. — Врач должен прибыть туда вместе с летчиками.

— Хорошо, — согласился начальник штаба.

К передислокации было все готово. Но каждый из командиров боялся что-либо забыть или не учесть.

Я проверил бортовые аптечки на самолетах. Уезжавших по железной дороге должен был сопровождать старший лейтенант Ментов. Ему и передал коробку с медикаментами.

Медслужба авиашколы снова нас выручила: предоставила возможность для помывки личного состава. Баня была построена по-деревенски: в парной плескали горячую воду на накаленные камни. Все авиаторы получили чистое белье, прожаренное в дезкамере.

— После такой бани без самолетов можно лететь, такая легкость во всем теле, — говорили довольные воины.

В последний день почтальон унес на узел связи целую сумку писем. Я тоже послал жене весточку. О перемещении полка не обмолвился ни словом. Но по общему тону письма она должна была догадаться, что мы отправляемся на фронт.

Прошел, однако, еще месяц, прежде чем полк приступил к боевым действиям. На Новочеркасском аэродроме экипажи продолжали учебно-тренировочные полеты.

16 января 1942 года наш полк из 9-й армии передали 37-й. В тот же день мы перебазировались под Лисичанск. Новый аэродром был не более 50 метров в ширину и около 500 в длину. Им стал заснеженный луг на берегу Северского Донца, около деревни Сиротино.

— Нравится место, Николай? — спросил я у лейтенанта Будакова, когда вылезли из кабин. Я прилетел на его машине.

— Вообще-то подходящее, — оглядевшись, ответил он, поднимая воротник мехового комбинезона: стоял свирепый мороз. — Неподалеку вон роща, будем там маскировать самолеты. Но есть и неудобства, — указал Будаков на линию высоковольтной передачи и деревенские постройки по обоим концам луга. Взлетать и садиться придется весьма осторожненько.

Я обошел деревню и бывшую усадьбу крупного совхоза. Жителей там почти не осталось, и мы могли занять пустовавшие хаты. Выбрал те, что почище и покрепче.

В одной из хат, куда уже протянули телефонный провод, разместился Бочаров. Как только сел последний из наших У-2, он доложил командующему ВВС армии генерал-майору авиации В. И. Шевченко о том, что хозяйство полностью перебазировалось на Лесную дачу. Это было условное название аэродрома. Разговор происходил в моем присутствии. Отвечая на какой-то вопрос, Бочаров заверил: «Да, можем. Нет, не больше суток…»

— У нас сутки для подготовки к боевым полетам, — сказал

капитан, положив трубку. Находившиеся в хате командиры эскадрилий и штурман полка молча кивнули.

Фронт проходил примерно в двадцати пяти километрах западнее Лисичанска. Как говорили Бочаров и Доленко, в аэронавигационном отношении район боевых действий оказался несложным. Надежными ориентирами в полете будут служить река и железная дорога Купянск — Ворошиловград.

Но легко представить себе, как волновались неопытные летчики 18 января, когда впервые увидели под крылом самолета передовую, озаряемую всплесками разрывов, трассами ракет и трассирующих пуль. За ней лежала территория, занятая гитлеровцами. Требовалось собрать свою волю в кулак, чтобы отыскать нужную цель, как можно точнее сбросить бомбы, не угодить в лучи прожекторов и не попасть под огонь вражеских зениток.

Возвращения экипажей с первого боевого задания ждут все. Ночь звездная, морозная. Под ногами гулко поскрипывает снег. Брови и ресницы у всех заиндевели. Уже не спасают от холода ни полушубки, ни меховые куртки. Но никто не уходит.

Стрекотание У-2 услышали задолго до появления их над аэродромом. Вскоре одна за другой машины стали садиться. Кинулись к ним, чтобы поздравить летчиков и штурманов с боевым крещением. Первый полет потребовал от них огромного нервного напряжения. Доложили командиру полка, что задание выполнено. Бочаров, не стеснявшийся проявлять эмоции, каждого потискал в своих объятиях. Штурманов он сразу повел в штаб, чтобы подробно расспросить о полете и посмотреть карты. Все остальные поспешили в клуб послушать рассказы летчиков обо всем виденном.

В последующие две ночи боевое крещение приняли все остальные экипажи. Полеты за линию фронта постепенно становились менее напряженными, более привычными. Экипажи совершали теперь по два и три боевых вылета за ночь. Многие из них открыли свой боевой счет. За несколько ночей наши легкие бомбардировщики уничтожили пять артиллерийских батарей противника, около десяти автомашин, разбомбили несколько казарм. Лейтенант А. И. Попов, выполняя полет на разведку, обнаружил немецкий аэродром и на нем четыре «хеншеля». Об этом он сразу же сообщил в штаб армии. Рано утром на штурмовку цели были посланы истребители. Они сожгли вражеские самолеты на земле.

Днем в клубе или какой-нибудь натопленной хате (с дровами было плохо, и топить печки удавалось не везде) летчики разбирали каждый полет, обменивались мнениями о способах и

методах прицельного бомбометания, приемах стрельбы из пулемета.

А положение в полку сложилось довольно тяжелое. Из Новочеркасска на Лесную дачу на самолетах вместе с летчиками прибыло всего пять техников. Остальной технический состав, работники штаба, все службы с имуществом должны были приехать в Лисичанск по железной дороге. Прошли все сроки, а нашего эшелона не было. Потом узнали: железная дорога три дня не имела возможности его сформировать. Его отправили в путь только в ночь на девятнадцатое. Тринадцать дней эшелон тащился через Шахты, Зверево, Лихую, Ворошиловград, Старобельск и Валуйки. В Лисичанск ему не удалось пробиться, и он вернулся в Старобельск. Там простоял еще несколько суток…

Командир полка потерял и сон и аппетит, ходил мрачнее тучи. Не знал покоя и комиссар, хотя все его видели неизменно бодрым, улыбающимся. Шуткой и теплым словом он подбадривал каждого.

Оставшись без аэродромной техники и с небольшим количеством специалистов, летчики сами разогревали масло в бочках — «гончарках», заправляли самолеты вручную, бомбы подвозили на лошади, которую удалось раздобыть в деревне, или на салазках, сделанных из самолетных лыж.

Излишне говорить о том, что я участвовал в этих работах. Одновременно следил, чтобы вспотевшие люди не расстегивались, не ели снег, не обмораживали лица и руки, долго находясь под открытым небом. Но ведь не все можно было делать в рукавицах. А термометр, как назло, изо дня в день показывал тридцать градусов мороза.

К вечеру 20 января небо прояснилось. Экипажи возобновили боевую работу.

Но около полуночи на аэродром внезапно опустился густой туман. Не стало видно сигнальных огней, даже звуки увязали, словно в вате. Бочаров принял решение временно прекратить полеты.

На аэродром не вернулись командир первой эскадрильи капитан Кузнецов со штурманом Шурыгиным, летчики Шаповаленко и Красненков со штурманами Гончаром и Щелкуном. Они улетели еще при хорошей видимости.

Всю ночь ждали какого-нибудь сообщения о них. Радиостанций У-2 не имели. Если летчики благополучно посадили машины в расположении наших войск, они непременно из ближайшей воинской части свяжутся по телефону со штабом армии, а оттуда позвонят нам.

Я ни на минуту не выходил из комнаты командира полка.

Смотрел на телефон, а сам думал о своих трудностях. БАО еще не подтянулся; где его лазарет, неизвестно; медикаментов в моем медпункте осталось мало, хирургических инструментов совсем нет. Немного утешало то, что я успел разузнать, где находится ближайший медсанбат.

Вид санитарной сумки с красным крестом, которую я положил на один из столов, видимо, раздражал Бочарова, иногда он бросал на нее сердитые взгляды. Заметив это, я ее убрал. Савенков заглянул на минуту к командиру и снова ушел: видимо, направился к летчикам, собравшимся в клубе.

Только утром стало известно, что Шаповаленко и Красненков при слепой посадке в степи поломали свои машины. Хуже сложились дела у Кузнецова: его самолет был подбит, сам капитан ранен в руку. Перетянуть через передний край ему удалось, но при приземлении уже на нашей стороне, он угодил в занесенную снегом балку. Машина разбилась, комэск и штурман получили тяжелые ушибы.

Узнав об этом, я попросил у командира полка разрешения отправиться в тот медсанбат, куда пехотинцы доставили летчиков.

— Вы уже сутки на ногах, Александр Николаевич, отдохните, — попытался отговорить меня Савенков. Но, подумав немного, сказал: — Степанов и Пахомов пусть собираются к Шаповаленко и Красненкову. А вы поезжайте к Кузнецову и Шурыгину.

Через несколько минут я с двумя воентехниками отправился к шоссе, чтобы поймать попутную автомашину. Подкинуть нас по воздуху Бочаров не мог: днем наши У-2 не летали. На этот счет был строгий приказ командующего ВВС армии.

Нагруженные вещмешками с инструментами, воентехники на ходу совещались, чем можно заменить сломанные деревянные лонжероны в грузовой части фюзеляжа. Если им удастся это сделать, то поврежденные самолеты можно будет ночью перегнать на свой аэродром.

Я же размышлял о другом: в каком состоянии Кузнецов и Шурыгин, смогу ли забрать их из медсанбата? Если у комэска ранение легкое, обеспечу уход за ним в своем медпункте. Если же он попадет в эвакогоспиталь, то по выздоровлении может и не возвратиться в родной полк.

На шоссе остановили полупустой военный грузовик. Командир в белом полушубке, сидевший рядом с водителем, разрешил залезть в кузов. Километров через двадцать я сошел с машины, а воентехники поехали дальше.

Деревня, в которой размещался медсанбат, показалась мне

слишком разбросанной. Словно ее только начали строить, и с разных концов. Но, увидев развалины на месте некоторых домов, сообразил, что почти половина населенного пункта разрушена. Должно быть, ее бомбили летом или осенью прошлого года.

Во дворах стояли побеленные для маскировки санитарные автобусы, двуколки и длинные фуры. Из хаты в хату перебегали медсестры в накинутых на плечи полушубках. По улице строем шла команда пожилых красноармейцев с топорами и пилами.

Мне указали хату, где можно узнать о доставленных ночью раненых летчиках. После долгих переговоров хмурый военврач 2 ранга велел молодому военфельдшеру проводить меня к Кузнецову и Шурыгину. И тут же заметил: у капитана раздроблена плечевая кость, о его перевозке из медсанбата не может быть и речи. Лейтенанта же, если не подтвердится, что у него сотрясение мозга, можно будет отпустить. Но не раньше, чем через три дня.

В хате, где находилось хирургическое отделение, лежало кроме наших товарищей еще пять раненых.

Капитан был бледен, ночью он потерял много крови. Левая рука уложена в шину, забинтована. У лейтенанта лицо в ссадинах. Когда он откинул одеяло и поднял нижнюю рубаху, я увидел на теле его кровоподтеки.

— Двигаться могу, да вставать не велят. Что-то меня все время подташнивает, — сказал штурман.

— А я из-за сломанной руки, кажется, надолго выбыл из строя, — уныло произнес командир эскадрильи.

Я пробыл в палате часа полтора. Капитан продиктовал мне рапорт командиру полка о ночном происшествии. Его заботило, будет ли вывезена разбитая машина. Возможно, ее еще удастся восстановить.

Пообещав через три дня снова приехать, я зашел еще раз к хмурому военврачу 2 ранга и отправился в обратный путь.

До Лесной дачи на попутных автомашинах и пешком добрался поздно вечером. На краю аэродрома увидел несколько красноармейцев и летчиков. Они снимали с грузовиков какие-то тюки и на салазках отвозили их в рощу.

— Приказано доставить боеприпасы и другие грузы нашим частям, окруженным в районе Ореховатки, — посвятил меня в тайну Савенков, руководивший работой.

Я доложил ему о своем прибытии, о состоянии здоровья Кузнецова и Шурыгина.

— Жаль, жаль, что комэск выбыл из строя… Идите, отдохните с дороги.

— Нет, я помогу.

…Выполнить новое боевое задание было поручено Попову, Константинову и Шевченко. Они вылетели без штурманов. Им предстояло идти на малой высоте, используя для маскировки овраги и леса.

Последним взлетал Шевченко. На прощание лейтенант помахал нам рукой. Не думал я, что в последний раз вижу этого красивого жизнерадостного парня. В эту ночь он пропал без вести.

3 февраля прибыли наконец техники, мотористы и работники штаба. Из Старобельска они за полтора дня прошагали 75 километров. Имущество полка под охраной небольшой команды осталось на железнодорожной станции. Из-за снежных заносов ни автомобильный, ни конный транспорт не мог доставить его на Лесную дачу.

Морозы не ослабевали. С наступлением сумерек по-прежнему разжигались «гончарки», самолетные моторы подогревались бензиновыми лампами. Холодно было и в хатах. Но с прибытием людей трудности уменьшались. Под руководством воентехника В. Ф. Филиппова специально созданная бригада занялась ремонтом неисправных самолетов. В одном из ближайших к аэродрому домов оборудовали обогревательный пункт, где в любое время можно было выпить горячего чая или кофе.

Я получил возможность съездить в пригород Лисичанска в санитарный отдел 37-й армии. Необходимо было добыть лекарства и медицинское имущество, чтобы обеспечить помощь летному составу в отсутствие медпункта и лазарета ВАО.

Мне повезло. Начальник санслужбы армии оказался на месте. Он только что вернулся из частей.

Андрея Ермолаевича Соколова я знал еще по предвоенным годам. Он был флагманским врачом ВВС Одесского военного округа. Кадровый авиационный врач, руководивший теперь санитарной службой общевойсковой армии, он, конечно, как никто другой, мог с пониманием отнестись ко мне, медицинскому работнику авиаполка.

Соколова я помнил изысканно вежливым, представительным, с полным, без единой морщинки лицом. Он умел слушать внимательно, не перебивая, отвечал обстоятельно, не торопясь.

Заранее решил, что буду краток, не стану отнимать много времени у крайне занятого делами начсанарма. За месяцы войны Андрей Ермолаевич мог измениться внешне, но характер не переделаешь. Сам он не оборвет, не скажет, что ему некогда.

Однако с Соколовым произошло обратное. Я не заметил в его лице и фигуре перемен, но в обращении он стал значительно суше. Военврач 1 ранга выслушал меня и тут же написал

несколько записок, по которым я мог получить многое из того, что просил. Не отрывая пера от бумаги, он задавал лаконичные вопросы: несет ли полк потери, нет ли обмороженных, каково санитарное состояние.

В торопливом разговоре коснулись специфических сторон работы авиационных медиков.

Я сказал, что, по моему мнению, следовало бы создать при эвакогоспиталях специальные отделения, куда направлять летчиков, штурманов и стрелков-радистов, «вылавливая» их из общевойсковых этапов эвакуации. Привел пример с комэском Кузнецовым: его, например, не целесообразно отправлять в тыловой госпиталь.

— При случае я доложу о вашем соображении, — пообещал Соколов. Кстати, помощник начальника сануправления фронта но ВВС вам знаком. Это Александр Дмитриевич Вайнштейн, тот самый, что перед войной приезжал с группой врачей из Харькова, когда шел призыв в воздушно-десантные войска.

Зазвонил телефон. Я встал. Начсанарм жестом удержал меня. Поговорив по телефону, спросил:

— Вы прибыли без машины. Как же думаете увезти все, что получите?

Он выписал носилки, сумки, медикаменты и хирургические инструменты в специальной укладке. Лишь бы получить все это! Свет не без добрых людей, на «перекладных» доставлю в полк имущество.

Я так и сказал.

— Дам вам санитарный автомобиль.

«Может быть, он будет щедрым до конца?» — мелькнула у меня мысль. И я попросил у него препарат «кола» в шоколаде.

— Знал, что этим кончится, — сдвинув брови, сказал Соколов, но все-таки написал еще одну записку.

Я представил себе, как обрадуется капитан Бочаров.

Февраль принес с собой метели и туманы. Приходилось круглосуточно вести борьбу с сугробами. Летчики с шести часов вечера находились в готовности номер один. Как только видимость улучшалась, они немедленно отправлялись на боевое задание.

Такие вылеты не всегда кончались благополучно. На обратном маршруте потерпел катастрофу и погиб летчик В. В. Вальков. При заходе на посадку во время внезапно начавшейся метели повредил машину и получил тяжелые травмы Н. В. Будаков.

— Помните, товарищ военврач, я говорил, что нам будет мешать эта чертова высоковольтная линия? За нее и задел, —

сквозь зубы процедил Николай, когда его принесли в медпункт.

Он оказался моим первым серьезным пациентом. Штурман Шурыгин, которого я привез из медсанбата, был уже на ногах. Правда, в воздух его пока не пускали. У Будакова выявились не только сильные ушибы, но и перелом бедра.

Для обеспечения неподвижности поврежденной ноги наложил ему шину Дитерихса. Однако оставлять его в части с такой тяжелой травмой было нельзя.

Делать перевязку мне помогал Шурыгин. Побывав в медсанбате, он считал себя больше других сведущим в медицине. Было бы неплохо, если бы все посмотрели, как накладываются шины. Но я не хотел несчастье Николая превращать в показательное занятие.

Когда лейтенант забылся во сне, я снова отправился на аэродром. Издали меня увидел командир полка. Подошел и с беспокойством в голосе спросил:

— Как решили с Будаковым?

— К сожалению, — ответил я, — с переломом бедра оставить его здесь не могу. Придется эвакуировать в ближайший хирургический госпиталь.

— Жаль, очень жаль… — задумчиво отозвался командир.

Все в полку с напряжением ждали каких-либо вестей о Шевченко. Летая в район Ореховатки, товарищи не переставали искать место падения самолета. Но обнадеживающих результатов пока не было.

За время боевых действий мастерство наших летчиков и штурманов заметно возросло. В ночь на 18 февраля все самолеты полка участвовали в налете на сильно укрепленный узел обороны противника в Переездной. Летчик Н. В. Ваниковский и штурман А. Ф. Пальваль, умело маневрируя в зоне зенитного огня, точным попаданием бомбы взорвали склад боеприпасов. На следующие сутки экипажи У-2 подавили батарею вражеской дальнобойной артиллерии, которая обстреливала наш аэродром в Лоскутовке, 20 февраля летчики П. Ф. Мишичев и М. И. Карасев по заданию разведотдела фронта дважды в течение ночи забрасывали наших парашютистов в глубокий тыл врага. 23 февраля, в двадцать четвертую годовщину Красной Армии, мы поздравили с высокими правительственными наградами Карасева, Попова и техника Филиппова.

В Лесную дачу прибыло наконец подразделение БАО. Его лазарет и медпункт расположились в деревне возле другого аэродрома. Солнечным морозным днем я на лыжах отправился познакомиться с коллегами. Ехал и мысленно перечитывал полученное сегодня утром письмо от жены. Она, как и я, врач.

Теперь и ее призывали в армию. Даже не представлял, на кого она оставит нашу маленькую дочку…

Минут за сорок прошел всего восемь километров. А если ехать на подводе, путь окажется вдвое длиннее: напрямик по целине на санях не пробьешься.

На окраине деревни вспыхнула пальба зениток, укрытых в снежных капонирах. В небе появился немецкий разведчик. Через минуты две стрельба прекратилась.

Весь медперсонал был занят переездом лазарета с одной улицы на другую. В земле под сугробом случайно обнаружили неразорвавшуюся бомбу. Из хат, стоявших поблизости от этого места, всех временно выселяли.

Старший врач БАО военврач 3 ранга Иваницкий буквально на ходу рассказал, какое у них положение. Лазарет переполнен: двое раненых, обгоревший летчик-истребитель и несколько человек с травмами. Хирурга нет. Правда, в экстренных случаях оперирует он сам. Вернее — оперировал в прошлом году, в дни отступления. С осени всех нуждающихся в хирургической помощи отправляют в медсанбат.

— А у тех двух что за ранения?

— У одного — осколочное в мягкие ткани бедра, у другого — пулевое касательное.

— Значит, на вас особенно рассчитывать не приходится?

— Почему же… Но лучше сразу отправляйте раненого в медсанбат.

Вернувшись в полк, я доложил Савенкову обо всем увиденном и услышанном.

— Неплохо бы, Александр Николаевич, вам самому постажироваться у хороших хирургов в каком-нибудь медсанбате или госпитале, — высказал мысль комиссар. — Впрочем, ведь для операций нужны и условия…

Весна в тот год запаздывала. Даже в середине марта держались пятнадцати — двадцатиградусные морозы.

Когда же подули теплые ветры и стало пригревать солнце, на аэродроме сложилась еще более тяжелая обстановка. Теперь приходилось привозить снег для засыпки плешин оттаявшей земли на взлетно-посадочной полосе. Летчики с тревогой поглядывали на потемневший лед на реке. Если паводок будет дружным, луг, то есть аэродром, может затопить.

В конце марта меня вызвали в санитарное управление фронта. Оно находилось в Лисичанске. Из телефонограммы понял, что должен прибыть к военврачу 1 ранга А. Д. Вайнштейну.

Снова я оказался в полуразрушенном городе. Кругом

громоздились кучи битого кирпича и исковерканного железа. Горожане и красноармейцы расчищали улицы. Только здесь мне бросилось в глаза, что на деревьях набухли почки. У себя в Сиротино я как-то не обратил на это внимания.

Сануправление размещалось в трехэтажном доме. Поднимаясь на второй этаж, я невольно подумал, зачем меня вызвал Вайнштейн. Может быть, он пригласил к себе всех старших врачей авиационных частей. Или просто решил повидаться со мной, узнав от Андрея Ермолаевича Соколова о том, что я работаю в 654-м ночном легкобомбардировочном полку. Ведь накануне войны мы две недели работали с ним вместе в Конотопе.

Получасовая беседа была ничем не примечательной. Горбоносый, смуглый, худощавый, очень подвижный, военврач 1 ранга задавал мне вопросы, все время расхаживая по комнате. Этой привычкой напоминал командира нашего полка. Иногда Вайнштейн сцеплял на груди свои тонкие, длинные пальцы. Я знал, что он прекрасно играет на фортепьяно и невольно поглядывал на его руки.

— Вы проводите занятия с летчиками и штурманами? — спросил он.

— Да, — ответил я, — регулярно, с группами по четыре человека. Люди собираются охотно.

— Как с санитарной обработкой?

— У нас неплохая баня и дезкамера.

Задав еще несколько вопросов, Вайнштейн, пожелав доброго пути, успешной работы, отпустил меня. Но только взялся я за ручку двери, как он остановил вопросом:

— Вы знаете военврача второго ранга Павла Константиновича Быкова?

Быкова я не знал.

— Это начальник санитарной службы двадцать восьмого района авиационного базирования нашего фронта. Очень опытный авиационный врач. До войны возглавлял санслужбу ВВС Первой Отдельной Краснознаменной армии на Дальнем Востоке, а на фронте до недавнего времени — санслужбу авиадивизии… Ну хорошо, счастливого пути!

Я терялся в догадках, почему помощник начальника сануправления фронта по ВВС так подробно рассказал мне о неизвестном начальнике санслужбы одного из районов авиабазирования. Встретившись на улице с Соколовым, поприветствовал его и спросил, зачем, собственно, вызывал меня Вайнштейн.

— Такие беседы обычно предшествуют перемещению по

службе, — улыбнулся начсанарм. Он, видимо, не захотел посвятить меня в известные ему планы. Поэтому и я, вернувшись в полк, ни слова не сказал о намеке начальника санслужбы армии.

В степи началось бурное таяние снега. На нашем аэродроме взлет и посадка стали почти невозможными. Часть экипажей вместе с техниками перелетела в Красный Лиман и продолжала там боевую работу вместе с 655 нлбап. Предполагалось, что полк перебазируется в Новую Ахтырку. Так оно и вышло.

В начале апреля поступил приказ на перебазирование. Обживать новый аэродром улетели те экипажи, которые находились в Красном Лимане. Самолеты, оставшиеся на Лесной даче, ремонтировались и перекрашивались.

В этот раз я тоже задержался на старом месте. Нескольких больных нельзя было оставить. Решил уехать наземным транспортом вместе со штабом.

В это время на имя командира полка Бочарова, только что ставшего майором, поступила телефонограмма: «Старшего врача 654 нлбап военврача 3 ранга Бабийчука А. Н. откомандировать в распоряжение штаба ВВС Южного фронта».

В армии не скажешь «не хочу» или «не желаю». Грустно было расставаться с майором Бочаровым, батальонным комиссаром Савенковым, капитаном Гавриловым, майором Доленко, летчиками и техниками. На прощание я попросил не забывать меня.

Глава вторая
Весной сорок второго

— Быков, — назвал себя рослый, лет тридцати пяти, с мягкими чертами лица военврач 2 ранга и протянул мне руку. — Это наш кабинет, — продолжал он, уставившись на меня карими глазами. Мы стояли в узком проходе между двумя столами, заполнившими почти всю крохотную комнатку. — Тут и будем работать.

Прибыв в Лисичанск, я узнал о своем новом назначении. Помимо существовавшей должности помощника начальника санитарного управления фронта по ВВС, тогда ввели еще две: флагманского врача ВВС и его заместителя. На последнюю утвердили меня.

— Снимайте шинель, и приступим к работе, — сказал флагманский врач, усаживаясь за стол. — Наша первая задача — составить план медицинского обеспечения предстоящих боевых действий.

Я извинился и вышел в коридор забрать свои вещи — чемодан и вещмешок.

— Так вот, — снова заговорил Быков, когда я вернулся. — В связи с распутицей на фронте сейчас временное затишье, но в недалеком будущем ожидается активизация противника, возможно, его новое наступление. Говорю со слов начальника штаба ВВС фронта. Что нам необходимо предпринять? Своего авиационного госпиталя мы не имеем, нет его и в ВВС других фронтов. Основную массу тяжелораненых, а также летчиков, получивших ранения средней тяжести, будем эвакуировать в общевойсковые госпитали. Надо заранее уточнить, где они находятся, и сообщить об этом в авиационные части. В нашем подчинении лазареты БАО. В некоторых из них имеются неплохо оборудованные хирургические блоки, но таких, к сожалению, мало. Нужно самим развернуть ускоренную подготовку хирургов для батальонов аэродромного обслуживания.

Отобранных для учебы врачей прикомандируем к полевым подвижным госпиталям и лучшим медсанбатам. Недавно сануправление приняло решение организовать при эвакогоспиталях авиаотделения с длительными сроками лечения. Нам необходимо взять их под контроль. Следует, наконец, помочь лазаретам БАО медикаментами, перевязочными средствами и по возможности медицинскими специалистами среднего звена.

Перечисляя стоящие перед нами задачи, Быков иногда

заглядывал в раскрытый блокнот. Видимо, все, о чем говорил, было заранее согласовано с Вайнштейном. Об авиационных отделениях при эвакогоспиталях с длительным сроком лечения мы не так давно говорили с Соколовым. Значит, тот разговор не остался без последствий. Именно я предложил тогда укрепить лазареты БАО.

— Да, — согласился Быков, когда я вскользь напомнил об этом. — И вы, Александр Николаевич, возьмете лазареты на себя. Остальные участки работы поделим между собой. Теперь же, — сказал он в заключение, — сформулируйте все мероприятия по пунктам и отпечатайте в нескольких экземплярах.

Часа через два я представил Быкову план.

— Спасибо, — поблагодарил Павел Константинович. — Я еще раз его просмотрю, не упустили ли мы чего-нибудь. А вы пока пойдите и представьтесь помощнику начальника сануправления фронта по ВВС.

Тепло поприветствовав меня, Вайнштейн сказал, что едет в штаб и попросил меня сопровождать его.

— Недавно вступивший в должность командующего ВВС Южного фронта генерал-майор авиации Константин Андреевич Вершинин, — сообщил Александр Дмитриевич, — придает санслужбе большое значение и непременно примет вас по случаю назначения заместителем флагманского врача ВВС фронта.

Из разговора с Вайнштейном в дороге я уяснил себе довольно сложную структуру санитарной службы в авиационных частях. В полосе, занимаемой фронтом, имеются семь районов авиационного базирования. Каждый из них насчитывает от шести до девяти БАО, Их старшие врачи непосредственно подчинены начальнику санслужбы РАБ, а оперативно и начмеду общевойскового соединения. В шести армиях фронта есть флагманские врачи ВВС. Им подчинены санслужбы авиационных дивизий и врачи отдельных авиаполков. А сами они подотчетны начальнику санслужбы общевойсковой армии и флагманскому врачу ВВС фронта…

— Что за человек Вершинин? — поинтересовался я, испытывая вполне объяснимое волнение перед встречей с ним.

— Прежде всего умный человек с широким взглядом, — ответил Вайнштейн. Как мне кажется, он и талантливый военачальник. Я встречался с ним еще до войны, в Харьковском военном округе. Уже тогда он выделялся среди других своей эрудицией и энергией, хотя был еще молод. Отличный летчик. Умеет ценить инициативных и решительных людей, сразу располагает к себе. Вы, надеюсь, сами скоро убедитесь в этом.

Старый особнячок, где работал командующий, находился в

глубине сада. Генерал принял нас без задержки. Высокий, подтянутый, он встал из-за стола и крепко, по-дружески пожал нам руки. Лицо у него было волевое, открытое, взгляд прямой. Темные волосы зачесаны назад, на висках аккуратно подстрижены.

— Садитесь. — Вершинин жестом указал на стулья и сам сел за стол. Внешностью и манерой обращения он действительно сразу же располагал к себе. — Скажите, — спросил он у меня, — вы были начальником кабинета авиационной медицины Одесской авиашколы?

— Да, только нештатным, — уточнил я.

— Это неважно, — заметил генерал. — Главное, чтобы у вас было желание работать. — В его светлых глазах мелькнула улыбка. Позже мне не раз приходилось замечать, как он улыбается одними глазами. Это оживляло его лицо. — Чем вы намерены заняться в первую очередь? — спросил командующий, пристально посмотрев на меня.

— Считаю нужным побывать в батальонах аэродромного обслуживания, чтобы получить ясное представление о боеготовности санслужбы, — ответил я. — Думаю на месте выяснить и конкретные нужды, и наши возможности.

— В ваше распоряжение я выделю самолет. Написав записку, командующий ВВС фронта добавил:

— Но летать будете не сами, с летчиком. — И он переглянулся с Вайнштейном. Ему, оказывается, известно о том, что я сам вожу самолет. Видимо, не желая смущать меня, генерал продолжал: — Жду от вас, товарищи врачи, ощутимых результатов в улучшении работы санслужбы. Это крайне важно. Бои предстоят тяжелые.

Отпуская меня, Вершинин снова пожал мне руку и посоветовал представиться дивизионному комиссару Алексееву.

Я вышел из кабинета окрыленным, чувствуя, что как-то включился в работу.

Комиссара Управления ВВС фронта я застал за чтением документов. Плотный, большелобый, с густыми бровями, он показался мне человеком, привычным к кабинетной работе. «Обстоятельный, неторопливый, несколько флегматичный», — так про себя определил я характер дивизионного комиссара. Но ошибся. Как это нередко бывает, за внешней невозмутимостью и медлительностью у Василия Ивановича Алексеева скрывался бурный темперамент. Он любил живую работу с людьми, за письменный стол садился лишь в случае крайней необходимости. Но об этом я узнал позже.

— С какого года вы в партии? — спросил дивизионный

комиссар, когда я коротко рассказал, откуда прибыл и где служил до войны.

— С тысяча девятьсот тридцать девятого.

— Мы, коммунисты, несем особую ответственность за боеспособность частей. Приходите ко мне в любое время, если понадобится помощь или совет. Сообща легче преодолевать трудности.

Я от души поблагодарил комиссара.

Санитарная служба относилась к числу тыловых. Я, однако, видел необходимость установить самый тесный контакт с оперативным отделом штаба. Важно было постоянно знать об изменении обстановки на фронте, о возможных перемещениях наших авиационных частей.

Оперативный отдел возглавлял подполковник К. Н. Одинцов. Я попросил уделить мне несколько минут. Несмотря на занятость, он проявил ко мне большое внимание и в дальнейшем никогда не отказывал в оперативной информации, что значительно облегчало мою работу.

На следующее утро я явился в штаб за командировочным предписанием. Его оформили без задержки. В оперативном отделе получил карту. Маршрут проложил с таким расчетом, чтобы в каждом из районов авиационного базирования побывать хотя бы в двух БАО. Самолет мне выделили всего на пять дней.

В городе был так называемый штабной аэродром. Там и находился мой У-2.

Летели мы на высоте пятьдесят — семьдесят метров. Летчик и я внимательно наблюдали за воздухом. Из облаков мог вывалиться «мессершмитт» или «фокке-вульф».

Приземлились на аэродроме Константиновка. Там базировался 210-й штурмовой авиаполк. Он готовился получить самолеты Ил-2 с мощным вооружением и бронезащитой, но пока летал на СУ-2, машинах устаревшей конструкции, с деревянным фюзеляжем.

718 БАО, приданный 230-й штурмовой авиационной дивизии (в нее входил 210-й полк), имел лазарет, который А. Д. Вайнштейн посоветовал взять за образец.

— Лазареты других БАО, — сказал он, — должны быть оснащены и укомплектованы, во всяком случае, не хуже, чем этот.

Поэтому мне и хотелось побывать прежде всего в Константиновке.

Прилет У-2 на фронтовой аэродром всегда вызывал повышенный интерес. Может быть, это нагрянуло начальство, или доставлен пакет с важным приказом, или прибыла почта… Неудивительно, что нас с летчиком, как только мы вылезли из

кабин, окружила толпа любопытных.

Потом мне сказали, что в полку немало экипажей, не имеющих машин. Большую часть дня они проводят на аэродроме, помогая техникам и механикам.

Только я хотел спросить, где находится медпункт, как ко мне подошел уже немолодой военврач 3 ранга. Это был Анатолий Алексеевич Широков. Вместе с ним мы направились к майору Ильенко, исполнявшему обязанности командира полка. Тот распорядился отвезти нас на полуторке в соседнее село, где находился лазарет БАО.

В кузове резво бежавшей машины Широков рассказал мне о боевых действиях полка. Самолеты нередко возвращаются на аэродром сильно побитыми. Хвалил он лазарет БАО: он довольно быстро возвращает в строй легко раненных летчиков.

Вскоре мы были на месте.

Штатное расписание санслужбы БАО в то время предусматривало начальника лазарета, старшего и зубного врачей, начальника аптеки, пять фельдшеров и столько же медсестер. Зубного врача, как правило, старались заменить еще одним терапевтом или переучивали.

Старший врач Л. Роман встретил «начальство» спокойно, Ему было что показать. Хирургический блок, размещавшийся в большом прочном строении, имел перевязочную, операционную и послеоперационную палаты. В перевязочной стояли два стола. Столик в операционной был оснащен всеми необходимыми хирургическими инструментами.

При лазарете были баня и дезкамера.

Начальник лазарета военврач 3 ранга А. А. Милославский, спокойный, несколько замкнутый человек, провел меня в палату, где вместе с двумя ранеными летчиками в это время находился еще один молодой человек в белом халате. Им оказался зауряд-врач, то есть не закончивший институт, Н. Мандельгейм. Его постоянно консультировали Милославский и Роман.

Затем мы втроем снова вышли на свежий воздух и, примостившись на бревнах, продолжили разговор. Хотелось не только выявить нужды лазарета, но и узнать, где и как Роман и Милославский проходили хирургическую практику. Терапевты по образованию, они делали довольно сложные операции. Настоящего хирурга санслужба БАО не имела.

Роман и Милославский рассказали о том, как они использовали для приобретения хирургических навыков ближайшие полевые подвижные госпитали. В прошлом году лазарет БАО частенько сталкивался с ними на дорогах отступления.

— Нет худа без добра, — с грустной улыбкой развел руками военврач 3 ранга Роман.

Пример этих врачей был еще одним подтверждением моей мысли: хирургов можно и нужно готовить из числа врачей других специальностей. Стажировку они должны проходить в хирургических ППГ и медико-санитарных батальонах.

Но все в Константиновке оказалось безупречным. Внимание старшего врача я обратил на то, что у них мало внимания уделяется занятиям с личным составом по оказанию доврачебной помощи. Санслужба БАО пока не имела своего автомобиля. Между тем ПАРМ[1] могли бы оборудовать под санитарную машину одну из полуторок.

В целом же у меня осталось хорошее впечатление от пребывания на этом аэродроме. Уезжая, я невольно подумал: «Если бы везде дело ограничивалось только такими недостатками!»

Следующим на нашем пути был аэродром Голубовка. Здесь размещался один из полков 217-й истребительной авиационной дивизии. Старший врач 431 БАО, энергичная смуглая женщина с черными глазами, к моему удивлению, не имела воинского звания. Между тем в ее подчинении находились военврач 3 ранга и фельдшер с «кубиками» в петлицах. Она назвалась Эсфирью Марковной Назаровой. Медпункт и лазарет располагались рядом со взлетно-посадочной полосой, в десяти минутах ходу.

Начальник лазарета был квалифицированным хирургом. Операционная, однако, нуждалась в более полном оснащении, не хватало многих хирургических инструментов. Я пообещал помочь в этом.

Во время беседы Эсфирь Марковна, державшаяся независимо, но приветливо, заговорила о том, что летчики-истребители делают по нескольку боевых вылетов в день. Во время воздушного боя нервно-эмоциональное напряжение у них достигает предела. Для них необходим профилакторий, какой-то краткодневный фронтовой дом отдыха. Этот вопрос надо продумать и решить.

Я сказал Назаровой, что доложу ее соображения флагманскому врачу. Мы еще не знали, каким тяжелым для нас окажется лето этого года. Лишь глубокой осенью, вышвырнув гитлеровцев с Северного Кавказа и перейдя к наступательным действиям, мы снова вспомним о фронтовых домах отдыха для летчиков. Тогда появится и возможность организовать их.

Описывать посещение мной других аэродромов не вижу смысла. Полеты в Сватово под Изюмом, Лагутово, Ирмиво, Алмазное, Рубежное, Славяно-Сербское, Краснодон, Красный Лиман и Острую Могилу, в сущности, походили один на другой.

Везде я знакомился с медицинским персоналом батальонов аэродромного обслуживания, самым внимательным образом осматривал лазареты и пункты медпомощи. Мой блокнот пополнялся все новыми записями. Они должны были составить основу докладов флагманскому врачу и помощнику начальника сануправления фронта по ВВС.

Значительно лучше, чем у других, была поставлена санитарная служба в 471 БАО (старший врач Ястребов), в 435-м (старший врач Евфимец) и в 464-м (старший врач Чередниченко).

В ряде же батальонов и не помышляли оборудовать в лазаретах хирургические блоки. Да что там! Кое-где было плохо даже с помывкой личного состава, сменой белья и дезинфекцией обмундирования. Неприятные разговоры пришлось мне вести с командирами этих БАО.

В Красном Лимане аэродром и службы БАО находились в зоне обстрела артиллерии противника. Около часа наблюдал я из окна медпункта, как то там, то здесь вырастали черные столбы разрывов. Даже пришлось помогать фельдшеру перевязывать нескольких легко раненных осколками красноармейцев. На пятые сутки к вечеру я вернулся в Лисичанск.

Быков добился, чтобы нам дали машинистку. Она поместилась в нашем же кабинетике. Я продиктовал ей доклад об итогах своей поездки. В нем излагались конкретные предложения по устранению недостатков в работе санслужбы каждого из проинспектированных мной БАО.

А. Д. Вайнштейн назначил время, когда мы должны собраться и решить, кого из врачей БАО прикомандировать к тому или иному армейскому ППГ для прохождения хирургической практики. Готовился соответствующий приказ начальника санитарного управления фронта бригадного врача Л. М. Мойжеса.

В конце следующего дня меня вызвал к себе генерал К. А. Вершинин. Я уже слышал, что он старается все узнавать из первых уст.

У командующего ВВС оказался дивизионный комиссар.

— Рассказывайте, в каком состоянии наша медицина, — без лишних вопросов распорядился Вершинин, предложив мне сесть.

Ничего не утаивая, я доложил обо всем, называя при этом аэродромы и БАО.

— Достаточно ли в частях жилых палаток? — спросил Алексеев. — Время наступает теплое, и мы не будем так, как зимой, привязаны к населенным пунктам.

Я интересовался и этим. Ответил, что вместительных и крепких палаток в распоряжении санслужб мало.

— Ими и другим имуществом интендантская служба

обеспечит, — заметил Вершинин. — Вайнштейн, Быков и вы должны главное внимание сосредоточить на подготовке и расстановке медицинских кадров. — Постучав карандашом по столу, он добавил: — Вижу, командировка в части оказалась для вас полезной…

В последние дни апреля было принято решение созвать совещание руководящего медицинского состава ВВС фронта. Провести его намечалось в Ворошиловграде, где находилась госпитальная база фронта. Этот город меньше других в Донбассе пострадал от бомбежек: его хорошо прикрывали истребительная авиация и зенитная артиллерия.

Мы с Быковым подготовили программу, которую и утвердили генерал Вершинин, дивизионный комиссар Алексеев, бригадный врач Мойжес и комиссар сануправления полковой комиссар Гласов. В нее вошли следующие вопросы:

— очередные задачи санитарно-эпидемиологического обслуживания войск. Докладчик главный эпидемиолог фронта бригадный врач Акинфиев;

— о работе врачебно-летных комиссий. Докладчик председатель ВЛК фронта военврач 1 ранга Любарский;

— медико-санитарное снабжение частей ВВС. Докладчик начальник 4-го отдела санитарного управления фронта интендант 1 ранга Петров;

— порядок комплектования, учета и аттестации медсостава. Докладчик начальник 2-го отдела СУФ военврач 1 ранга Барбетов;

— о задачах санитарной службы ВВС на весенне-летний период. Докладчик помощник начальника СУФ по ВВС военврач 1 ранга Вайнштейн;

— особенности лечебно-эвакуационного обслуживания частей ВВС Южного фронта. Докладчик флагманский врач Быков;

— фронтовая конференция токсикологов. Сообщение военврача 1 ранга Вайнштейна.

На совещание вызвали флагманских врачей ВВС общевойсковых армий: 57-й военврача 2 ранга В. Н. Фадеева, 56-й — военврача 1 ранга А. Е. Мазина, 37-й — военврача 1 ранга М. В. Царькова, 18-й — военврача 2 ранга Я. А. Кизельштейна, 12-й — военврача 1 ранга М. П. Малаева, 9-й — военврача 1 ранга М. Н. Жилина. Пригласили также начальников санитарных служб районов авиационного базирования, некоторых старших врачей БАО и авиационных частей.

Совещание открылось 4 мая.

Учитывая, что в ряде районов авиационного базирования были вспышки сыпного тифа и туляремии (опасные заболевания

отмечались среди гражданского населения), совещание сделало упор на разработку соответствующих профилактических мероприятий. Флагманский врач 12-й армии Малаев доложил, что в ряде населенных пунктов, близ которых размещаются аэродромы, проведен подворный обход всех домов. Выявленные больные с помощью гражданских органов здравоохранения были немедленно изолированы, проведена массовая помывка населения в банях с одновременной дезинфекцией одежды, организована санитарно-просветительная работа. Благодаря этим мерам заболеваемость среди гражданского населения во второй половине апреля снизилась. Флагманский врач ВВС 56-й армии Мазин рассказал о мерах, принимаемых по предупреждению туляремии: водоисточники, которыми пользуются авиационные части, очищаются, возле них выставлена охрана, вода для питья обязательно кипятится или хлорируется. Заслушаны были флагманские врачи ВВС и других армий. Подводя итог обсуждения этого вопроса, А. Д. Вайнштейн призвал строго наказывать тех командиров, в частях или подразделениях которых будут замечены случаи вшивости, пренебрежения санитарными правилами.

В мирное время летный состав каждый год обязательно проходил врачебно-летную комиссию. С начала войны были введены ежемесячные медицинские осмотры. После ранения, а также болезни летчик или штурман обязан был пройти ВЛК. Дело это оказалось нелегким, поскольку в общевойсковых госпиталях отсутствовали квалифицированные специалисты. В данный момент при двух эвакогоспиталях Южного фронта (№ 3419 — в Ворошиловграде и № 1767 — в Ростове-на-Дону) были созданы коллекторы соответственно на сто и пятьдесят коек, а при них — постоянно действующие ВЛК. Туда и следовало направлять раненых после выздоровления. Это разъяснил военврач 1 ранга Любарский.

Командование Красной Армии не исключало возможности применения противником химического оружия. После провала гитлеровского плана «молниеносной войны» угроза такого нападения возросла. По опыту первой мировой войны было известно, что газы и другие отравляющие вещества особенно опасны в летний период. В задачу санслужбы входило обеспечение личного состава индивидуальными противохимическими пакетами, проведение занятий по оказанию пострадавшим первой помощи и принятие зачетов. Выяснили, как ведется эта работа.

Главное же внимание мы уделяли вопросам лечебно-эвакуационного обеспечения, поставленным в докладе Быкова.

Помогая ему готовить это выступление, я внимательно проанализировал отчеты начальников санслужб районов авиационного базирования. Важно было обобщить опыт десяти месяцев Великой Отечественной войны, учесть недостатки и промахи, допущенные в трудное лето 1941 года.

Когда началось обсуждение доклада Быкова, Вайнштейн предложил заслушать начальников санитарных служб РАБ и старших врачей БАО. Выступления, естественно, не стенографировались. Теперь их можно восстановить только по памяти. Но фамилии, номера частей и некоторые цифры сохранились в моей записной книжке.

Первым выступил начальник санслужбы 28 РАБ Поляков. Невысокий, подтянутый, с короткой бородкой, он говорил негромко, глуховатым голосом:

— Нас с первого дня войны захлестнула текучесть кадров. За три месяца, с июля по сентябрь сорок первого, санслужба получила, а затем вынуждена была снова откомандировать двести двадцать медицинских работников. Прибывавшие по мобилизации врачи и лица среднего медперсонала в большинстве своем не имели лечебной практики и военно-административного опыта. Надо было отбирать из них лучших, обучать, воспитывать. Подготовленных же специалистов зачастую переводили в стрелковые, танковые, артиллерийские части…

В первые месяцы войны батальоны аэродромного обслуживания нашего района либо вообще не получали со складов медицинского имущества, либо эпизодически и в малом количестве. Кое-как удавалось сводить концы с концами за счет того, что оставалось от гражданских лечебных учреждений, спешно эвакуирующихся при приближении линии фронта. Санслужба не всегда знала, где находятся эвакогоспитали, отправляла раненых в тыл бессистемно, на попутном транспорте, зачастую без сопровождения. Все время испытывалась нехватка перевязочных средств, антибиотиков, спирта, витаминов, общеукрепляющих средств…

В процессе налаживания санслужбы выявились волевые организаторы, которые добились серьезных успехов в постановке лечебной и санитарной работы. Это старшие врачи БАО Волосевич, Логачев, Свержинский, Голубенке. Восемьдесят операций успешно выполнил в лазарете четыреста семьдесят первого БАО врач Хризман, по нескольку десятков их сделали врачи Павлов, Клейзер и Паренаго в лазаретах других БАО. Товарищ Паренаго был награжден медалью «За боевые заслуги».

Поляков отчитывался за район авиационного базирования, хотя в первые месяцы войны он был сначала начальником

санслужбы 2713-й авиабазы Одесского военного округа, а затем старшим врачом 449 БАО, входившего в 28 РАБ.

Вспоминая о своей работе, он рассказывал:

— Авиабазу сформировали в марте. Обеспечили наилучшей техникой. Санслужба тоже получила много медицинского, санитарно-технического и хозяйственного имущества.

Не торопились лишь с комплектованием штата медработников. Из кадровых авиаврачей был один я. В период с марта по июнь прибыли врач Джафаров, только что окончивший Бакинский медицинский институт, старший военфельдшер Григорьев, ранее служивший в кавалерии, молодые фельдшеры Цоколев, Чередниченко, Савченко, Шухман и Храпченко, зубной врач Олейник, начальник аптеки техик-интендант Попов, медсестры Швачкова и Змиева. С этим небольшим составом надо было обеспечить медицинское обслуживание более десяти аэродромов, рассредоточенных от Измаила до Кишинева.

Находившаяся у нас авиадивизия тоже не имела полного штата врачей. Товарищ Фадеев, — назвал Поляков фамилию флагманского врача ВВС 57-й армии, — может подтвердить все это. Он был тогда начальником санслужбы дивизии. Конечно, война застала нас неподготовленными.

…С первого дня базовый аэродром стал использоваться истребителями и бомбардировщиками Черноморского флота, а также авиацией дальнего действия, наносившей удары по Плоешти, Варне и другим портам. Это внесло неразбериху и путаницу. Командиры «чужих» авиачастей, не считаясь с нашими рекомендациями и указаниями, в то же время постоянно требовали помощи от нас, поскольку у них появились раненые.

Из Одессы в базу продолжали прибывать большие группы техников и других специалистов. Ей было также приказано задерживать команды мобилизованных, направлявшиеся к границе. У нас скопилось несколько сот необмундированных людей. Скученность грозила возникновением эпидемии, поскольку автодуши и дезкамеры работали на пределе. Я взял на себя ответственность и реквизировал в местной больнице старую военную сухожаровую камеру, выявил и мобилизовал в ближайших населенных пунктах всех парикмахеров. Закрыл и опечатал все дворовые колодцы, оставив для пользования тщательно проверенные водоисточники. Важной задачей стал у нас контроль за ассенизацией.

Лазарет переполнился уже в первые дни. Терапевту Джафарову стал помогать зубной врач Олейник. Очень был нужен хирург. Выручал нас медсанбат стоявшего неподалеку танкового соединения. Всех тяжело раненных он брал себе. Но вскоре

танкисты ушли. Армейские госпитали девятой и восемнадцатой армий свою дислокацию тоже изменили. Мы стали отправлять раненых летчиков без конкретного адреса, просто в тыл, в надежде, что на пути им встретится какой-нибудь медсанбат или госпиталь…

Из Одессы, — продолжал свой рассказ Поляков, — нам сообщили, что в адрес базы отправлено два вагона с санитарным имуществом, в том числе укладки с хирургическим инструментарием. Вагоны застряли где-то возле Бендер. Я послал на их поиск Григорьева. Через четыре дня он их пригнал. Сам был оборван и с ожогами, три раза попадал под бомбежку.

В это время санслужбу авиабазы поделили между двумя БАО. Базовый аэродром перестал функционировать. Обстановка на участках девятой и восемнадцатой армий осложнилась, войска отходили на восток. Передовые и временные аэродромы ежедневно меняли свое местонахождение, и санслужба БАО рассыпалась на мелкие медпункты-комендатуры.

Раненых становилось все больше. Одесские госпитали их уже не принимали, все пути на север враг тоже перерезал. Тысячи беженцев запрудили дороги, мешая движению военного автотранспорта.

Когда мы находились в районе Березовки, к нам с предписаниями пришли три врача: невропатолог Широков, зубной врач Эпштейн и хирург Елена Константиновна Зотова. Все они были еще в гражданской одежде. Зотову встретили особенно восторженно. Она сразу взялась за организацию хирургического блока.

Медицинские работники проявляли смелость и мужество. Во время одной из бомбежек Березовки Джафаров, не имея сил оттащить за капонир тяжело раненного авиатехника, закрыл его собой и спас от повторного поражения осколками. Сам он получил ранения в спину, но остался в живых. Из БАО Джафаров не уехал. Из пламени пожара выносили раненых Цоколев, Григорьев, Олейник и другие.

Из Березовки мы двинулись дальше, к Днепру. Начальник аптеки Попов сопровождал обоз с медимуществом. Немцы бомбили переправы. Обоз из тридцати подвод более суток ждал возможности втиснуться в поток войск, переправлявшихся по мосту у Берислава. Повозочные из мобилизованных гражданских лиц разбежались. С Поповым осталось пять бойцов. Они решили проскочить переправу под бомбежкой. Едва оказались на противоположном берегу реки, как мост рухнул. С трудом собрав лошадей, Попов и бойцы наскоро починили сбрую, телеги, связали подводы цугом и девять дней пробирались по ярам и

балкам, укрываясь от непрерывно круживших в воздухе вражеских самолетов. Все тридцать подвод благополучно прибыли на новое место.

Елена Константиновна Зотова выходила много раненых. Оперировала она в немыслимых условиях: в сараях, полуразбитых хатах, даже в часовне. С согласия командиров авиаполков, она не стала эвакуировать раненых летчиков Морозова, Кабанова, Загорулько, штурмана Фокина и других. Все они вернулись в свои части из нашего лазарета.

В сентябре весь мужской медперсонал, исключая меня, внезапно направили в общевойсковое соединение. Это был тяжелый удар. В труднейших условиях того времени мы наладили учебу молодых работников. С учетом специфики медицинского обеспечения авиационных частей врачей Джафарова и Широкова еще в августе послали на должность старших врачей авиаполков. Когда пришли малообученные девушки, лазарету пришлось надолго отказаться от лечения у себя раненых летчиков. Ухудшилась деятельность аэродромных пунктов медпомощи…

Военврач 3 ранга Зотова сидела в зале. Это была женщина средних лет, круглолицая, с русыми волосами. При каждом упоминании ее имени или фамилии она опускала голову. На гимнастерке у нее поблескивала медаль «За боевые заслуги».

Затем мы выслушали начальника санслужбы 33 РАБ военврача 2 ранга К. И. Александровича.

— Во время отхода из Буденновска, — рассказывал он, — семьсот шестой БАО не успел вывезти свое имущество. Его спас старший врач этого батальона товарищ Абозин, собравший весь попавшийся под руку транспорт. Он покинул аэродром последним.

Старший врач четыреста сорок первого БАО, входившего в наш район, товарищ Грунский, — продолжал он, — при бомбежке станции Раздельная не только сумел вывезти и имущество, и своих подопечных. Он собрал до двухсот пятидесяти раненых пехотинцев, оказал им первую врачебную помощь и многих эвакуировал. В четыреста шестьдесят восьмом БАО начальник лазарета Степан Сергеевич Лыга за первые шесть месяцев войны сделал свыше пятисот операций раненым из авиационных частей и сухопутных войск.

— Мы в начале войны обслуживали сто сорок шестой истребительный авиационный полк в Бессарабии, — начал свой рассказ чернявый, небольшого роста старший врач 448 БАО 32 РАБ Денбург. — На аэродроме развернули медпункт. В нем постоянно дежурили врач, фельдшер и медицинская сестра. Они располагали комплектом Б-1, рассчитанным примерно на сто

перевязок, комплектом ВБ-1, хозяйственными предметами и хирургическим инструментарием, войсковой аптекой ВБ-2.

Мы наскоро оборудовали лазарет на пятнадцать коек с операционной, все палатки тщательно замаскировали. Начальником лазарета был хирург «военврач второго ранга Кривда.

В хуторе Загорье во время воздушного боя наш летчик-истребитель получил тяжелое ранение. Ему раздробило левую лопатку, но машину он посадил. Через десять минут раненый уже лежал на операционном столе. В Молочанске другой летчик-истребитель возвратился с задания с открытыми переломами рук и ног. Транспортировка ему была противопоказана, да и некуда было эвакуировать. Раненому сделали первичную обработку ран, удалили костные обломки, иммобилизировали конечности и через сутки на санитарном самолете эвакуировали в тыл в удовлетворительном состоянии. За полгода было сделано двадцать две операции, три из них полостные.

Наш военфельдшер Червоненко во время артобстрела аэродрома вынесла восемь раненых и оказала им медпомощь. Она и хирург Кривда были отмечены правительственными наградами…

Обстановка, в которой работали мы, — продолжал Денбург, — мало отличалась от той, которую обрисовали в своих выступлениях Михаил Николаевич Поляков и другие товарищи.

Далее мы заслушали начальника санитарной службы 34 РАБ военврача 2 ранга В. А. Демченко.

— Самое страшное, с чем нам пришлось столкнуться, — сказал он, — это потеря связи с полевыми подвижными и эвакогоспиталями, а также отсутствие подготовленных хирургов в лазаретах большинства БАО.

К этому надо прибавить острую нехватку медикаментов и перевязочного материала. В частях быстро иссякли запасы пантоцида.[2]

Люди же вели себя героически, работали, не считаясь ни с чем. Могу назвать начальников лазаретов четыреста пятидесятого БАО Ермолина и четыреста двадцать восьмого БАО Высоцкого, которые даже во время бомбежек не отходили от операционных столов, врачей Штерна, Горохода, Гуревича, фельдшеров Болотникова, Отрошко и Белого, спасших не один десяток жизней. Фельдшер четыреста пятьдесят девятого БАО товарищ Герман, когда часть попала под Очаковом в окружение, не только самоотверженно исполнял свой долг медработника, но и нередко брал в руки оружие, чтобы сражаться с фашистами. Он награжден медалью «За отвагу»…

С рассказами о событиях лета 1941 года выступило еще человек десять. Почти все они подчеркивали необходимость иметь в лазарете каждого БАО хирурга, приветствовали план их подготовки из числа терапевтов и врачей других специальностей. Многие ставили вопрос об авиационном госпитале. Мысль о его необходимости не оставляла и меня с первых же дней войны. Авиаотделения при эвакогоспиталях (ЭГ) были не более чем полумерой.

Участники совещания осмотрели крупные ворошиловградские госпитали, присутствовали при прохождении выписанными из них летчиками врачебно-летной комиссии.

В последний день совещания Быков предложил мне слетать в 56-ю армию. Она имеет специальную авиаэскадрилью, насчитывающую 14 санитарных самолетов. Как доложил флагманский врач ВВС армии Мазин, это подразделение работало с большой нагрузкой. Только за апрель санитарная авиаэскадрилья выполнила 130 рейсов. Ее опыт следовало распространить в других армиях.

Утром 10 мая я вылетел из Ворошиловграда на аэродром 56-й армии. Там познакомился с людьми санитарной эскадрильи, мужественными, умелыми, настоящими энтузиастами своего дела. За отвагу, проявленную при выполнении заданий, летчики Самородский, Павлов и Бурмистров были награждены орденом Красной Звезды, а техник Шитик — медалью «За боевые заслуги».

Аэродром принадлежал 81-му авиаполку дальних бомбардировщиков. Из разговора со старшим врачом тов. Алексеевым выяснил, какую большую роль играют полковые врачи. Они дают заявки на вызов санитарных самолетов, обеспечивают их прием на аэродроме и немедленную загрузку или разгрузку. Узнал фамилии таких инициативных товарищей, как военврач 3 ранга Алиев из 585-го авиаполка, легких ночных бомбардировщиков, военврачи 3 ранга Леверт и Звонков из 653-го и 590-го истребительных авиационных полков.

Военврач 2 ранга Алексеев разрешил при встрече одно мое недоумение. В Ворошиловграде, когда Быков сказал Абраму Ефимовичу Мазину, что я собираюсь навестить его хозяйство, тот вдруг начал уговаривать меня прибыть к ним не раньше чем через три-четыре дня. Тогда я так и не понял, почему мне не следует вылетать завтра. Но отложить эту однодневную командировку не мог: нам с Вайнштейном и Быковым надо было возвращаться в Лисичанск.

Объяснилось все весьма неприятной причиной. Выступая на совещании, флагманский врач ВВС 56-й армии говорил, что санитарная работа у них поставлена на должную высоту. На

самом же деле она находилась в запущенном состоянии. Алексеев, в частности, доложил о высокой вшивости. Мазин намеревался за три-четыре дня принять какие-то меры, чтобы скрыть все это. Так иногда слова расходились с делами.

Вопреки тревожным прогнозам первая половина мая давала повод надеяться, что летом мы будем вести не оборонительные, а наступательные боевые действия. Правда, 8 мая в Крыму немецко-фашистские войска захватили очень важный в стратегическом отношении город Керчь. Однако 12 мая перешли в наступление войска Юго-Западного фронта в общем направлении на Харьков. Их удар из района Барвенкова поддержали две наши армии — 9-я и 57-я.

Это были дни всеобщей приподнятости. В штабе ВВС фронта работа кипела круглые сутки. Много дел свалилось на флагманского врача ВВС фронта и меня, его заместителя.

К 12 мая из лазаретов БАО в различные госпитали уже было направлено для хирургической подготовки около тридцати врачей. В связи с событиями на правом фланге фронта начальники санслужб ряда РАБ тотчас отозвали своих врачей. По нескольку раз в сутки связывались с нами по телефону флагманские врачи ВВС 9-й и 57-й армий Жилин и Фадеев. По их просьбам мы принимали меры, чтобы с фронтовых складов незамедлительно отправлялось различное медицинское имущество.

Разговаривая по телефону с Фадеевым и Жилиным, я, в частности, настаивал, чтобы они без промедления добились у командования организации санитарных авиаэскадрилий по примеру 56-й армии. Специальное авиаподразделение могло осуществлять санитарные перевозки более целенаправленно и эффективно, чем распыленные по аэродромам самолеты.

Вечером 17 мая, войдя после непродолжительной отлучки в наш кабинет, я увидел на своем столе записку: «Военврачу 2 ранга Бабийчуку (мне присвоили очередное звание) звонил подполковник Одинцов». В этот день я дважды пытался проникнуть к начальнику оперативного отдела С утра распространился слух, что на правом фланге фронта не все благополучно. Одинцов меня не принял.

Поэтому теперь его звонок я расценил как приглашение прийти: по телефону он все равно ничего не мог сказать. Я тотчас же отправился к нему.

— Немцы перешли в наступление против девятой и пятьдесят седьмой армий, — хмуро произнес подполковник, развернув карту. — Прорвали оборону, продвинулись уже километров на тридцать и заняли целый ряд аэродромов. Сдержать противника

там будет трудно. Делайте из этого выводы.

32-й и 28-й районы авиационного базирования, которые находились в полосе этих армий, в целом имели неплохо поставленную санитарную службу. Однако то, что для отдельных БАО этих РАБ мы не успели подготовить хирургов, вызывало у меня сильное беспокойство.

Особенно переживал я захват противником аэродромов Константиновка и Сватово, куда летал в апреле. Перед глазами стоял лазарет 718 БАО с его отличным хирургическим блоком. Вспоминал врачей Романа, Милославского, Мандельгейма. В ту ночь не успокоился до тех пор, пока не выяснил, что 718 БАО отошел в полном порядке.

В последующие дни в штабе можно было услышать, что и на других направлениях противник, видимо, готовится к наступлению. Быстро идет концентрация наземной военной техники и авиации немцев против нашего фронта. Так, утром 19 мая воздушная разведка обнаружила на аэродроме в Сталино 102 вражеских самолета, на аэродроме в Мокром — 54, хотя еще накануне там их были единицы. Да, приподнятое настроение, вызванное наступлением наших войск на Харьков, держалось недолго…

22 мая стало известно, что по решению Ставки Верховного Главнокомандования на базе ВВС фронта сформирована 4-я воздушная армия. Ее командующим назначен К. А. Вершинин. Одновременпо он утвержден членом Военного совета и заместителем командующего Южным фронтом по авиации.

В состав 4-й воздушной армии вошли: 216, 217, 229-я истребительные авиационные дивизии (командиры соответственно генерал-майор авиации В. И, Шевченко, полковники Д. П. Галунов и П. Г. Степанович), 230-я штурмовая (командир Герой Советского Союза подполковник С. Г. Гетьман), 219-я бомбардировочная (командир полковник И. Т. Батыгин) и 218-я ночная бомбардировочная (командир полковник Д. Д. Попов), а также семь отдельных смешанных авиаполков (446, 647, 655, 718, 750, 762 и 889-й).

Во главе отделов и служб штаба остались энергичные опытные генералы и офицеры: А. З. Устинов, П. В. Родимов, К. Н. Одинцов, Г, А. Дроздов, К. А. Коробков, В. И. Суворов и другие.

Построение санитарной службы претерпело некоторые изменения. В общевойсковых армиях упразднялись должности флагманских врачей ВВС. Почти все товарищи, занимавшие их, были назначены начальниками санитарных служб авиационных дивизий. Повышалась роль и расширялись полномочия флагманского врача воздушной армии. В его непосредственное

подчинение переходили санслужбы авиадивизий и старшие врачи отдельных авиаполков. Непосредственное руководство санитарными службами БАО и частей специального назначения (отдельные ПАРМ, различные авиационные склады и т. д.) оставалось за помощником начсанупра фронта по ВВС.

А. Д. Вайнштейн вызвал меня и предупредил, что я по-прежнему отвечаю за выполнение той части плана медицинского обеспечения боевых действий, которая касается санслужб БАО. Надо сказать, что работа санслужб летных и обслуживающих их наземных частей настолько тесно смыкалась, что разница в подчиненности была чисто формальной.

23 мая противник замкнул кольцо окружения вокруг 6-й армии Юго-Западного, а также 57-й и части сил 9-й армий нашего фронта. Несколько дней спустя мы узнали о гибели командующего 57-й армией генерала К. П. Подласа и заместителя командующего Юго-Западным фронтом генерала Ф. Я. Костенко.

Наши летчики вели ожесточенные бои, стремясь прикрыть и поддержать окруженные наземные войска. В районе Изюма воздушные сражения достигли самого большого накала за все пять месяцев этого года. Вражеская авиация несла большие потери, хотя все еще сохраняла в воздухе господство. Ведь наша 4-я воздушная армия располагала тремястами самолетами, из которых почти треть составляли У-2.

В те тревожные дни я то и дело мысленно возвращался к совещанию в Ворошиловграде. Тогда мы были уверены, что тяжелая обстановка 1941 года больше не повторится. Но теперь, две недели спустя, перед нами опять появился призрак прежних бед. Лазареты ряда БАО снова оказались в изоляции, потеряв представление о том, где находятся эвакогоспитали. Да и сами госпитали и медсанбаты в условиях окружения не имели возможности эвакуировать раненых. Полеты мизерного количества санитарных самолетов не могли поправить положения.

Быкову и мне приходилось трудиться с полным напряжением. Мы выкраивали на сон не более трех-четырех часов в сутки. Какими наиболее важными вопросами мы занимались в те дни? Первое — проверкой лечебно-эвакуационной готовности аэродромных медпунктов и лазаретов БАО. Второе — приемом с армейских складов медицинского имущества, его распределением и обеспечением немедленной доставки по назначению. Третье — контролем за санэпидемиологическим состоянием в частях и соединениях (Мазин преподал урок!), за повсеместным строительством бань и простейших дезкамер (землянок, бочек). Четвертое — организацией мест отдыха для летного состава.

Чаще всего это были заботливо оборудованные землянки с библиотечкой и настольными играми. Пятое — контролем за питанием летного состава, обогащением пищи витаминами. Шестое — передачей информации санслужбам о базировании полевых подвижных и эвакогоспиталей. Не следовало упускать из виду и многое другое.

Сидеть в кабинете, разумеется, было некогда. Мы почти забыли туда дорогу, хотя и в эти трудные дни разной писанины накапливалось предостаточно. Иногда даже сами не понимали, кому и зачем понадобился тот или иной отчет или какая-то справка. Но это к слову.

Командующий армией распорядился предоставлять нам самолет У-2 по первому нашему требованию. Быкову приходилось много времени уделять различным организационным вопросам. В полки и дивизии чаще летал я.

В середине июня противник активизировал наступательные действия на юго-западном направлении.

В один из дней я прилетел на небольшой аэродром Красная Поляна, где базировался 889-й армейский авиационный смешанный полк. Увидел истребители И-153, которые за оригинальную конструкцию крыла называли «чайками». Это были бипланы с убирающимся шасси, созданные в тридцатые годы конструктором Н. Н. Поликарповым. В свое время они считались превосходными самолетами: хорошая маневренность, скорость до 440 км/час.

В начале войны на этих машинах наши летчики первыми вступили в бой с вражеской авиацией.

Шел через аэродром — поляну, но не красную, а серо-зеленую, с черными пятнами мазута, искал силуэты замаскированных У-2. Сердце постукивало сильнее обычного. Дело в том, что 889 аасп оказался переименованным в 654 нлбап, в котором я служил каких-то два месяца назад.

В реденьком лесочке увидел землянки с проложенной перед ними дорожкой-линейкой. Кто-то, увидев меня, крикнул:

— Товарищи, поглядите, кто к нам прибыл!

Через минуту я оказался в кругу друзей. Тут были ставший майором начальник штаба полка Гаврилов, Доленко, летчики Ваниковский и Миронов, старший техник Филиппов. К сожалению, ни Бочарова, ни Савенкова я не застал: они уехали в соседний авиационный полк уточнять взаимодействие.

Гаврилов и Доленко рассказали, что в полку у них две эскадрильи. Истребительная насчитывает восемь самолетов, ночная легкобомбардировочная десять. Работать трудно. Разные типы самолетов требуют различного по сорту горючего и

различных боеприпасов. Теперь вот нужны реактивные снаряды РС-82, патроны к пулеметам ШКАС, запасные части, специальное оборудование. Всего этого не хватает. Самолеты И-153 изношены, впрочем, так же как и «совушки».

Некоторых старых летчиков — Зайцева, Садовникова и еще двух лейтенантов — уже нет в живых….

Временем я располагал в достатке и попросил старшего врача полка сходить со мной в лазарет здешнего БАО. Доленко взял с меня слово, что по возвращении на аэродром я еще уделю старым товарищам несколько минут.

Здесь стоял 348 БАО, где старшим врачом был Павлов, а начальником лазарета — Чупова. С Чуповой работали молодые женщины — врачи и фельдшеры: Рязанская, Елисеева, Тихомирова, Тарасенко. К сожалению, имен их не помню. Рязанская провела месяц на хирургической практике в медсанбате стрелковой дивизии, с ней-то мне и хотелось поговорить в первую очередь.

Она показала хирургический блок, оборудованный в палатке с грубо зашитыми дырами: новых палаток лазарет не имел. Затем военврач 3 ранга подробно рассказала о работе в медсанбате. Применить на практике полученный опыт ей еще не представилось возможности.

— Все-таки многое вам дала работа с опытными хирургами? — спросил я.

— Да, конечно.

Павлов сказал, что командир БАО подполковник Коротаевский и комиссар Юманкулов к санслужбе относятся со вниманием. Палатки при первой возможности заменят на новые. Есть санитарный автомобиль, свой электродвижок. При переездах им выделяют грузовые автомашины.

Я проинформировал Павлова о плане перемещения ближайших госпиталей в случае возникновения критической ситуации. Вскоре вернулся на аэродром. Здесь кроме Доленко и других меня поджидал Мишичев. Стройный красивый парень стал уже старшим лейтенантом, заместителем командира эскадрильи. Я поздравил его с повышением в звании.

— Поздравляю вас с тем же! — ответил он с улыбкой.

— Вы его поздравьте и с другим, Александр Николаевич, — хитровато щурясь, сказал Доленко. — Шутка ли, но по приказу генерала Вершинина полмесяца пробыл в женском пятьсот восемьдесят восьмом полку Бершанской. Учил девчат летать в лучах прожекторов. Спит и видит, как бы снова к ним вернуться.

— Давно сюда прибыл женский полк?

— Двадцать седьмого мая. Он на аэродроме «Труд горняка».

— Я вам расскажу о другом, — серьезно заговорил майор Гаврилов, только что вышедший из землянки. — Три дня назад Ваниковский, Касьянов и Айшпур, возвращаясь с задания, попали над передовой под сильный огонь зенитчиков противника. Машины Ваниковского и Айшпура были подбиты. Летчики выбросились на парашютах и приземлились на нейтральной полосе. Фашисты, открыв пулеметную и минометную стрельбу, пытались захватить наших в плен. Советские артиллеристы нанесли по противнику ответный удар. Они спасли жизнь многим ребятам.

Ваниковский стоял рядом и молча улыбался. Я от души обнял его.

Глава третья
Месяцы, полные горечи

В ночь на 6 июля в штаб 4-й воздушной армии поступил приказ командующего Южным фронтом генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского начать скрытный отвод войск на новые оборонительные рубежи. Я узнал об этом от А. Д. Вайнштейна, с которым часа в четыре утра встретился в кабинете.

— Не ложились? — спросил он. — Опять настают трудные времена… Ознакомьтесь вот с этим.

И он протянул мне несколько сколотых листков с машинописным текстом. Это была подписанная им директива начальникам санитарных служб районов авиационного базирования.

Пока я читал документ, Вайнштейн по привычке расхаживал между столами. В сером свете начинающегося утра — я уже снял штору и открыл окно — лицо его было бледным.

— По-видимому, немцы могут в любую минуту перейти в наступление, заговорил Вайнштейн, заметив, что я закончил чтение директивы. — Из района Артемовска к фронту непрерывно движутся колонны танков и автомашин. Фашисты, разумеется, будут рваться к житницам Кубани, особенно к грозненской и бакинской нефти. С потерей Крыма и быстрым продвижением противника на воронежском направлении опасность окружения войск нашего фронта возросла. Вот почему начальник санитарного управления отдал распоряжение немедленно начать эвакуацию госпиталей отсюда, из Лисичанска и Ворошиловграда, а также из других прифронтовых районов. Полевые подвижные госпитали тоже уже знают пункты новой дислокации. Маршруты их передвижения необходимо сегодня же сообщить в авиачасти и РАБ.

Вайнштейн помолчал немного, вздохнул и вышел в коридор.

После ухода помощника начальника сануправления фронта по ВВС мной овладели невеселые думы. К июлю в нашей воздушной армии осталось всего около двухсот самолетов. Противостоявший нам 4-й немецкий воздушный флот был, по-видимому, намного сильнее. Тогда мы, конечно, не знали, что в нем насчитывалось 1875 самолетов и соотношение сил составляло девять к одному в пользу противника. Наземным частям нашей армии остро недоставало автотранспорта, гусеничных тягачей. Когда подумал о лазаретах БАО, даже сердце сжалось: многие из них при передвижении могли рассчитывать

только на подводы…

Встав из-за стола, решил тотчас же идти в штаб, к Одинцову.

То утро мне хорошо запомнилось: высокое, еще не раскаленное жарой нежно-голубое небо, густые кроны тополей, просвечиваемые первыми лучами солнца, чистый воздух, тихие улицы… Тяжко стало при мысли, что не сегодня-завтра мы покинем этот город и сюда войдут фашисты…

Немцы перешли в наступление 9 июля, нанося главный удар в направлении Миллерово. Только тот, кто летом сорок второго года сам был на Южном фронте, может представить себе, чего стоило командованию воздушной армии организовать боевые действия, обеспечить планомерный отход частей, эвакуировать склады боеприпасов, снаряжения и продовольствия…

Штаб 4-й воздушной армии переехал из Лисичанска в Шахты 8 июля. В течение двух суток, предшествующих перебазированию, мы с Павлом Константиновичем Быковым буквально разрывались между армейским телефонным узлом связи и складами. Надо было перевезти на новое место все медицинское имущество, вплоть до последнего пакета перевязочных средств.

Нас ни на минуту не покидала тревога и за лазареты передовых БАО. По поступавшим сведениям, там резко увеличилось количество раненых. Между тем полевые подвижные госпитали (ППГ) и эвакогоспитали меняли свое расположение.

Под вечер Быкова и меня вызвал к себе Алексеев. Дивизионный комиссар выглядел очень усталым, но оставался спокойным и собранным. Со свойственной ему неторопливостью задал несколько вопросов. На главный вопрос — ясна ли основная задача санслужбы на ближайший период — тут же ответил сам:

— Раненых летчиков надо во что бы то ни стало сохранить в пределах лечебных учреждений фронта и тем самым обеспечить их быстрое возвращение в строй. — Немного помолчал и, легонько постукивая ладонью по столу, задумчиво добавил: — Знаю, что авиаотделения в ворошиловградском и ростовском эвакогоспиталях по независящим от вас обстоятельствам прекратили свое существование. Ищите иные пути и способы решения этой задачи.

Приехав в Шахты, узнали, что в Лисичанск ворвались немцы. Сердце заныло, когда я представил себе, как рушатся знакомые дома в этом городе, как горят окрестные населенные пункты…

10, 11 и 12 июля мы, пользуясь армейскими средствами связи, внимательно следили за перемещением наших частей, узнавали о героических делах наших воинов.

471 БАО обеспечивал боевые действия авиаполка в

Близнецах. Последние самолеты улетели оттуда уже в критический момент, когда взлетно-посадочную полосу начала обстреливать не только артиллерия противника, по и его минометы. Батальону пришлось с боем оставлять аэродром. Лазарет вывез всех своих раненых — восемь человек.

Старшим врачом в этом БАО был военврач 3 ранга Ястребов. Хорошо помню и его командира — майора Жернового. Кстати, они крепко дружили между собой, были, кажется, земляками.

Так же, с боем, совершили отход 464-й и 348-й батальоны аэродромного обслуживания. «Милые мои, — думал я, вспоминая молодых женщин, с которыми познакомился в Красной Поляне. — Как же, должно быть, вам трудно пришлось!» В то же время радовался: среди них есть хирург.

13 июля отправился в Каменск, где базировались наши авиационные части. От Шахт это 70–75 километров. Прилетел туда в полдень. В это время многие летчики и техники находились в столовой, остальные дежурили возле самолетов.

Лазарет БАО располагался неподалеку от аэродрома, в нижнем этаже кирпичного здания. Только я добрался до него, как завыла сирена, извещая о воздушном налете.

А вскоре послышались гул «юнкерсов», визг и взрывы бомб. Врачи и сестры кинулись на аэродром.

Санитары начали выносить раненых. Их был не один десяток, многие в тяжелом состоянии. Легко раненные шли сами. Одна бомба угодила прямо в столовую, несколько разорвалось на взлетно-посадочной полосе.

Силы и средства медслужбы БАО были слишком незначительны, чтобы стольким раненым оказать помощь. Возникла растерянность. Некоторые врачи и медсестры бестолково суетились. А над аэродромом продолжали кружить «юнкерсы», делая все новые заходы. Воздух стал кислым от запаха тротила.

Я призвал медперсонал к спокойствию. Начальнику лазарета, имевшему некоторую хирургическую подготовку, посоветовал в первую очередь произвести сортировку раненых. Старшему врачу приказал послать несколько санитаров на поиски автомашин.

Не будучи хирургом, я изучал и хорошо помнил «Указания по военно-полевой хирургии». Не навязывая своего мнения, осторожно подсказал начальнику лазарета организовать первую врачебную помощь и подготовить раненых к эвакуации в госпиталь.

Возвратившиеся санитары доложили, что достать транспорт невозможно. Старший врач тем временем выяснил, что общевойсковой госпиталь перегружен и наших раненых принять

не может. Сообщил также, что У-2, на котором я прилетел, цел и летчик ждет меня, Я решил немедленно вернуться в Шахты, взять там какие-нибудь машины и приехать за ранеными. Сказал, что вернусь не позднее чем через четыре часа.

С изрытого бомбами аэродрома У-2 взлетел благополучно, и вскоре мы приземлились на шахтинском аэродроме. От дежурного позвонил Быкову. Минут через двадцать подъехали две полуторки с военфельдшером. Не теряя времени, мы тронулись в путь.

При выезде из города увидели, что на шоссе творится что-то невероятное. Навстречу нам сплошным потоком двигались автомобили и повозки, шли беженцы. По обочинам гнали стада овец и коров. Вместе с уходящим населением отступали и войска. Поток то и дело закручивался наподобие водоворота, выплескивался через колеи, наезженные по грунту, ломал придорожные изгороди и сады.

Треск моторов, скрип колес и многоголосый говор оглушали. В белесом небе через короткие промежутки времени появлялись черные силуэты «юнкерсов» и «мессеров», а на земле вставали столбы огня и дыма. От этой картины сердце рвалось на части.

Нечего было думать о том, чтобы проложить себе путь напрямую. Мы свернули на проселочную дорогу и кое-как добрались до Каменска.

За время моего отсутствия БАО уже уехал и аэродром опустел. Нам сказали, что раненых отнесли на вокзал. Мы поехали туда, но среди множества перебинтованных людей своих не нашли. Объехали те немногие лечебные учреждения, которые еще оставались в опустевшем городе, — летчиков не обнаружили. За городом отчетливо слышался грохот артиллерийских орудий. Надо было уезжать. Подъехав к одному из домов, в подвале которого скопилось немало раненых воинов других родов войск, согласились взять их. Находившийся при них врач очень обрадовался. Тяжелых мы положили в кузов на подстилку из сена. Между ними посадили остальных.

Обратный путь был долог и труден. Ни один из госпиталей, встречавшихся в пути, раненых не принял. Двое в дороге умерло. Наконец какой-то госпиталь взял наших тяжелых, но с условием, что столько же их раненых мы эвакуируем в Шахты. Разумеется, мы это сделали.

Сдав раненых в шахтинский госпиталь, я отпустил военфельдшера с его полуторками: он был из авиадивизии. Сам же добрался до штаба и рассказал Быкову о своих мытарствах. А предстояла более неприятная миссия: доложить вышестоящему начальству о потере следов раненых летчиков.

— Александр Николаевич, — твердо, но без раздражения сказал Быков, штаб готовится к переезду. Имейте это в виду. А сейчас прошу вас пойти в лазарет БАО, который стоит здесь. Там тоже скопилось много раненых. Помогите эвакуировать их вместе с лазаретом. Возьмите столько машин, сколько потребуется. Действуйте от имени командующего. Все равно часть аэродромной техники придется сжигать или взрывать, — добавил он, о чем-то зная, но недоговаривая.

Через несколько минут я был в лазарете. Одноэтажный особнячок, где он размещался, стоял в глубине большого сада. Когда я подошел к нему, воздух огласился воем сирен. Снова я угодил под бомбежку.

Коллектив лазарета был слаженным, дружным. Люди не растерялись и сразу же начали выводить и выносить раненых в сад, где были вырыты щели. Действовали быстро, сноровисто, но без лишней торопливости, стараясь не причинить раненым новых страданий. Особнячок освободили вовремя: вскоре совсем рядом с ним упало несколько бомб.

Я приказал готовить лазарет к эвакуации и пошел разыскивать командира и комиссара батальона. Они без промедления выделили нужное количество машин.

Как только автомашины подъехали к лазарету, я направился в штаб тыла армии. Помещался он в здании школы. Перед моими глазами предстала такая картина: в автомобили с работавшими моторами люди спешно грузили штабное имущество. На улице неподалеку от штаба зияла огромная воронка, видимо от пятисоткилограммовой бомбы. На крыше соседнего одноэтажного дома лежал вверх колесами маленький автобус, заброшенный туда взрывной волной. К нему по приставной лестнице поочередно поднимались командиры, там находились их личные вещи…

Не найдя помощника начальника тыла, с которым надо было поговорить, я вернулся к зданию, которое занимал штаб армии. Не успел войти в подъезд снова объявили воздушную тревогу.

На этот раз налет немецких бомбардировщиков был массированным. Небо покрылось одуванчиками разрывов зенитных снарядов, но «юнкерсы», казалось, не обращали на них внимания. Одна группа самолетов образовала круг над железнодорожной станцией. Вскоре на землю посыпались бомбы. Мне даже уши заложило от воя и грохота.

Из штаба все люди выбежали во двор. Падали они где попало, поскольку щелей отрыли мало и они не могли вместить всех. Неподалеку от меня, возле машины-радиостанции, легли на землю генерал Вершинин, дивизионный комиссар Алексеев,

полковник Дроздов и подполковник Одинцов. Я представлял, какую ярость испытывал командующий воздушной армией, видя армаду вражеских самолетов, хозяйничающую в нашем небе… Одна бомба разорвалась поблизости, просвистели осколки. Был ранен радист, не выходивший из машины, — осколок пробил стенку будки.

Час спустя штаб начал грузиться в автомашины. Он переезжал в Новочеркасск.

Армия находилась в непрерывном движении с 6 июля. Картина отступления была тяжелой. Из-за нехватки автотранспорта бойцы и командиры тыловых частей и технический состав в основной своей массе шли по дорогам в пешем порядке. На тракторах, лошадях и вручную буксировались неисправные самолеты. Иногда приходилось уничтожать запасы горючего, боеприпасы и материально-техническое имущество, чтобы его не захватил противник. Батальоны аэродромного обслуживания, обеспечив боевые вылеты на одних площадках, частью сил в тот же день трогались в путь, чтобы к вечеру или утру следующего дня прибыть на новый аэродром. Непосвященному человеку могло показаться, что происходят какие-то стихийные действия никем не управляемых войск.

Но это было не так. Штаб воздушной армии сумел и в сложной обстановке сохранить управление войсками. Они хотя и несли потери, но отходили организованно.

В тяжелые дни отступления особенно отличились воздушные разведчики. Летая днем и ночью, иногда в грозу и дождь, подвергаясь атакам немецких истребителей, они постоянно обеспечивали командование воздушной армии необходимыми данными о противнике.

Летчики также внимательно следили за продвижением своих наземных войск, систематически докладывая о месте их нахождения. Чтобы не ошибиться, не спутать их с противником, они, как правило, летали на малых высотах. А нередко даже вынуждены были садиться на ближайшей удобной площадке, чтобы уточнить данные.

Однажды капитан П. С. Середа на самолете И-16 произвел посадку вблизи дороги, по которой двигалась колонна красноармейцев. Не выключая мотора, он вылез из кабины. К нему направился один из бойцов. Приблизившись, он крикнул: «Товарищ летчик, спасайтесь, мы пленные!» Застрочили автоматы гитлеровцев. Пуля обожгла Середу. Но, несмотря на ранение, он влез в кабину. Когда дал газ, вражеские солдаты были уже в двух-трех метрах от него. Резко развернувшись, Середа взлетел. Впоследствии этот летчик отличился в боях и ему было присвоено

звание Героя Советского Союза.

Пара истребителей — командир эскадрильи В. И. Максименко и летчик Н. В. Шляпкин — вела бой с группой вражеских самолетов. Максименко был тяжело ранен и посадил машину у самого переднего края нашей обороны. Шляпкин сел рядом с ним, организовал отправку командира в госпиталь и только после этого вернулся на свой аэродром.

Из всех районов авиационного базирования едва ли не самые тяжелые испытания выпали на долю 28-го. Позднее полковник медицинской службы в отставке Михаил Николаевич Поляков познакомил меня со своим дневником, который вел всю войну. Он у него сохранился. С разрешения автора привожу записи, относящиеся к 9-21 июля.

«Немцы прорвались севернее и южнее нас, мы в вилке. Надо спешить. Связь нарушилась. Без самостоятельной ближней разведки нельзя сделать ни одного километра. Еду с командиром из штаба по маршруту. Въезжаем в Большинскую. Навстречу древний старик:

— Ребятки, куда вы? Час назад немцы проехали на мотоциклах, танках. Слыхал, к Сталинграду прут, проклятые. На Скасирскую направляйтесь, на Ростов то есть. Наша-то пехота туда пошла…

Повернули назад, чтобы предупредить колонну.

…Интендант 2 ранга Николаев был из запасников. С момента прибытия к нам он только и твердил, что погибнет при бомбежке. Отвлечь его от этой мысли было невозможно. А работник хороший, энергичный, инициативный. Выполнил ряд ответственных и рискованных заданий. И вот здесь, у Большинской, поддался роковой реакции страха. При первом разрыве бомбы он сильно побледнел, широко раскрыл глаза; не обращая внимания на крики товарищей, выскочил из укрытия и бросился навстречу рвущимся бомбам… В воронке отыскали лишь кусочек поясного ремня.

В Скасирской столпотворение. Войска, штабы дивизий и полков. Все без связи со своими армиями. Но я с нашей воздушной связался: сел самолет! Узнал от летчика, что надо двигаться к переправе через Дон в станице Константиновская. Выставил пикеты, чтобы собрать БАО. Кругом давка, спешка, сутолока. Немец бомбит непрерывно…

Вторая смерть близкого человека. Прибыла со своим лазаретом Назарова. Все у нее хорошо. Вывела свой обоз, спасла все имущество до нитки. Погиб только молодой, двадцатишестилетний врач Царев. Как и Николаев, он панически боялся бомбежек, но из чувства ложной гордости в укрытие

никогда не шел. И вот во время одной бомбежки стал беспорядочно бегать по поражаемой площади, вырвался из рук, когда его схватили, и… А в обычное время был таким жизнерадостным и хорошим товарищем.

К вечеру прибыли представители почти всех батальонов. Решено идти к Дону двумя колоннами, в направлении Константиновской и Цимлянской. Сбор после переправы — на хуторе Золотаревский. Оперативный отдел штаба РАБ расположится в Большой Орловке.

Выступили с рассветом. Миновали Тацинскую, забитую до отказа войсками. Дальше свернули на степную дорогу. Седые султаны ковыля, как морские волны, колышутся под лучами солнца. Из степи доносятся острые горьковатые запахи чернобыльника, полыни и чабреца.

По степи носятся табуны золотисто-рыжих дончаков. Откуда они? Толпы беженцев с убогим скарбом, горем и слезами…

Станица Константиновская. Переправа. Творится что-то невероятное. Все вокруг простреливается дальнобойными. В Цимлянской не слаще: непрерывные бомбежки и обстрел. Мечусь как угорелый между Константиновской и Цимлянской, регулируя движение подходящих эшелонов. Прибыли лазареты всех БАО, кроме одного.

К исходу суток переправились. Мы словно вышли из ада: грязные, голодные, разбитые… Проверял санслужбы БАО. Отлично у Назаровой, она словно родилась под счастливой звездой. Голубенко издерган, с воспаленными глазами. Потерял один автодуш и машину с мягким лазаретным имуществом. Другие же добрались на полуразбитых машинах и пешими, с перевязочным материалом в наволочках, с жалкими остатками своего имущества, но без потерь в людях. Из девяти медслужб одна пропала без вести, полностью работоспособных осталось только две. Приказал неудачникам собрать по дорогам отхода хоть какое-либо имущество, чтобы не сдать свои партбилеты и не попасть под трибунал…

Приехал, еле живой, Быков. При переправе застрял в Ростове. Пережил двухдневную жестокую бомбежку города. Он угнетен, настроение, как и у большинства из нас, подавленное…»

Не могу согласиться с последней фразой. В эти тяжелейшие дни подавленным я Павла Константиновича не видел. У всех были горечь и злость в душе, нас валила с ног усталость, порой на глаза навертывались слезы: видели, как летчики сжигают оставшиеся без горючего или неисправные самолеты, как перепахиваются отлично подготовленные запасные аэродромы, чтобы их не мог использовать враг. Прибавлялось в волосах

седины от лившейся вокруг крови, от известий о гибели товарищей. Но подавленности не было, потому что ни на один час не пропадала вера в неизбежность крутого перелома в обстановке на фронте.

Когда было принято решение о перебазировании штаба воздушной армии из Новочеркасска за Дон, мы с Быковым имели возможность улететь на новое место самолетом. Но, посовещавшись, решили ехать в старенькой эмке. По пути надеялись побывать на нескольких аэродромах, ознакомиться на местах с организацией эвакуации раненых и больных, оказать медикам необходимую помощь.

Едва выехали из города, поняли, что побывать везде, где наметили, будет невозможно. Забитые войсками и беженцами дороги не позволяли ехать с достаточной скоростью. К тому же они непрерывно подвергались бомбежкам.

Первым на нашем пути оказался полевой аэродром одного из полков 217-й истребительной авиадивизии. Лазарет БАО уже уехал, но остался медпункт и в нем два раненых авиационных техника. Мы взяли их и через некоторое время сдали в общевойсковой госпиталь.

На другом аэродроме заправлялись горючим «чайки» 764-го смешанного авиаполка. При нас четыре истребителя поднялись в воздух и взяли курс на Шахты, уже занятые противником. Под крыльями они несли по шесть реактивных снарядов. В это же время на площадку сел связной У-2. Мы увидели, что управление авиачастями не прерывается.

В медпункте этого аэродрома работали две девушки. Раненых пока не было.

На крупном аэродроме, где базировались штурмовики, застали лазарет 448 БАО. Возглавлял его худощавый, выше среднего роста военврач 2 ранга Кривда. Нам с Быковым он был знаком по совещанию, состоявшемуся в Ворошиловграде. Кривда был призван из запаса. До войны работал в большой городской больнице, где получил солидную хирургическую практику.

В лазарете, занимавшем пять хаток, насчитывалось около тридцати человек, пострадавших во время последних бомбежек. Двух раненых летчиков Кривде удалось эвакуировать самолетом, остальных он не смог передать ни в один из госпиталей. За три дня провел восемнадцать операций. Лазарет работал хорошо. Однако раненых надо было эвакуировать. Но даже расторопный и «пробивной» старший врач БАО П. Я. Денбург оказался бессильным. Все госпитали, расположенные поблизости, были переполнены.

Быков быстро выяснил, что в соседнем селе остановился штаб

стрелковой дивизии. Сел в эмку и поехал туда. Из дивизии связался с начальником санслужбы 37-й общевойсковой армии Андреем Ермолаевичем Соколовым. Вернулся взволнованный, еще не остывший от крупного разговора по телефону, но с желанным результатом: один из госпиталей согласился взять раненых.

Переправиться через Дон мы решили в Ростове. День уже клонился к вечеру, когда на горизонте показался город, а вернее, зловеще черное облако. Ростов горел. В небе то и дело проносились группы вражеских бомбардировщиков — фашисты непрерывно бомбили город.

В Ростов въехали уже ночью. В гудящем небе шарили лучи прожекторов и рвались снаряды. Зенитки били не переставая. Когда наш шофер начал петлять по забитым подводами переулкам, мотор автомашины окончательно сдал. Нам ничего не оставалось делать, как поискать пристанище, чтобы немного отдохнуть и починить эмку. Мучил голод. Улица, на которой мы остановились, состояла из одноэтажных домиков, утопавших в зелени садов. Подошли к ближайшему и хотели уже открыть ворота, но он почему-то нам не понравился. Выбрали другой. Нас приветливо встретила хозяйка, немолодая женщина. Никто в эти ночи в городе не спал. Шофер купил у нее с десяток помидоров. В вещмешке он отыскал и краюху хлеба. Перекусили. Я взглянул на часы: было половина четвертого ночи. Зашли в дом и легли прямо на полу. Хозяйка участливо сказала:

— Не дадут вам поспать эти ироды, скоро начнется новый налет. Минут через пятнадцать я действительно услышал нарастающий гул бомбардировщиков. Затем засвистели бомбы. Пол под ногами заходил ходуном. Из окон вылетели стекла. Быков, успевший заснуть, сел и безразличным тоном спросил:

— Бомбят?

— Что вы, товарищ военврач второго ранга, это просто кто-то балуется, с иронией ответил шофер.

Когда кончилась бомбежка, мы вышли на улицу. Того кирпичного домика, в котором сначала хотели заночевать, словно никогда и не существовало. Было разрушено еще несколько зданий. Большинство же бомб упало в районе переправы.

Уже начало всходить солнце, отдыхать было некогда. Шофер еще около часа возился с мотором и наконец исправил его. Мы выехали на главную улицу и втиснулись в одну из автоколонн, двигавшуюся к мосту. Машины шли в три ряда. Через каждые пятнадцать — двадцать минут над переправой и над нашей колонной нависали «юнкерсы». Взрывы бомб, стрельба зениток, крики и стоны раненых… Разбитые машины оттаскивали в

сторону, воронки наскоро засыпали, и колонна медленно ползла дальше. Так прошел весь день. Мы с Быковым часто выходили из эмки. Перевязывали раненых, помогали относить в сторону убитых. Видели, как вражеским летчикам несколько раз удавалось разбивать переправу, в воде исчезали машины и люди. Геройски вели себя понтонеры. Они в считанные минуты восстанавливали мост. Зенитчики неоднократно рассеивали стаи вражеских самолетов и два из них сбили. Наши истребители не появлялись. Видимо, они прикрывали свои наземные войска у линии фронта.

На левый берег Дона переехали лишь через сутки.

Под Миллерово 449 БАО попал в окружение. Вырваться из вражеского кольца удалось очень немногим красноармейцам и командирам. От них впоследствии узнали, что старший врач хирург Е. К. Зотова собрала в один обоз подводы с имуществом лазарета и медицинского пункта. На руках у медперсонала оказалось много тяжелораненых. Танки противника настигли наш обоз и почти полностью уничтожили.

После 21 июля отступление 4-й воздушной армии, как и всех войск Южного фронта, продолжалось, но это был как бы второй этап. Командование твердо руководило действиями авиационных частей, имея с ними постоянную связь. Самолетный парк несколько пополнился и насчитывал около 300 машин. При постановке задач воздушной армии командующий фронтом Р. Я. Малиновский более не допускал распыления ее сил.

Противник стремился уничтожить советские войска между Доном и Кубанью. Это вынуждало нас быстро отходить к Северному Кавказу. С 21 июля по 17 августа соединения и части фронта отошли на 500–600 километров. В этих условиях авиационным командирам нередко приходилось самостоятельно решать вопросы самообороны, эвакуации и снабжения. В Сальских степях не было ни аэродромной сети, ни материальных запасов.

Авиаторы вели боевые действия на пределе человеческих возможностей. Совершая ежедневно по нескольку вылетов, летчики очень часто поднимались с одного аэродрома, а садились на другом, так как за это время прежние уже оказывались в зоне боевых действий наземных частей.

Огромную нагрузку испытывал тыл армии, возглавляемый генерал-майором П. В. Коротаевым, Надо было отыскивать новые аэродромы, добывать горючее и боеприпасы в районах довоенной дислокации авиашкол и авиачастей, а также на железнодорожных станциях.

С 21 июля по 17 августа самолеты 4-й воздушной армии совершили более 10 000 боевых вылетов. Действия авиации

сыграли значительную роль в срыве замысла противника по окружению и уничтожению войск Южного фронта.

Хочу привести выдержки из дневника М. Н. Полякова, относящиеся к этим дням.

«Связной из армии привез приказ начальнику РАБ полковнику М. А. Васильеву развернуть временную базу и принять авиаполки в Мечетинской и «Гиганте».

Большая, красивая, цветущая станица Мечетинская. Здесь, за Доном, а теперь и за Манычем, значительно спокойнее. Наши бомбят и штурмуют объекты в занятом противником Ростове и переправы. «Работают» неплохо. Пока фашистам не удалось форсировать Дон.

…Сегодня перебазирование. Все утро вдали не умолкает канонада. Нас бомбят. Работы много. Еле держусь на ногах. Радует, что имущество санслужбы постепенно собирается, личный состав приходит в себя. Стоит невыносимая жара.

…Бои идут у Б. Орловки, которую мы оставили три дня назад. Немцы лезут напролом, наши с боями отходят. Боеприпасов почти нет. Горючего ни капли. Летчики и техники, рыдая как дети, сегодня сжигали свои СУ-2. Кто-то сказал, что этих старых самолетов не жалко, дадут «илы». Его чуть не убили.

…Редкие селения, попадающиеся на пути, спешно эвакуируются. Картина тяжелая. Полная беспомощность женщин и детей. Невозможно смотреть им в глаза. Немцы бомбят почти каждую деревушку. Под обстрелом дороги.

Пылает Буденновск. Вывезенный из него госпиталь бездействует, тащится вслед за войсками. Гибнут медикаменты, ценное имущество, перевязочные материалы. Кое-что я отправил в наши лазареты. Ни армейских, ни фронтовых складов поблизости нет, а сельские аптеки пусты.

…Едем и едем по знойной, безводной степи. Вокруг ни деревца, ни ручейка. Степь ровная как стол. Только на востоке, в направлении Каспия, сквозь дрожащую дымку вырисовываются невысокие барханы. Пыль не оседает. Техники, «безлошадные» летчики, комсостав — все идем пешком: на машинах раненые и больные да необходимое имущество.

А ночь холодная. Костры разжигать нельзя. Скрытно кипятим чай только для раненых.

Где бы ни остановились — сейчас же ставим палатку операционную. Поскольку в одной колонне все лазареты БАО, в хирургах недостатка нет. Оперируем, в основном, удачно. Своих раненых никому не передаем. Довезем их хоть до Кавказа. Успокаиваем раненых летчиков, которые боятся, что мы сунем их в какой-нибудь ЭГ и они отобьются от армии…»

Мне кажется, сопоставление этого и приведенного выше отрывка из дневника одного человека дает представление об изменении самого характера нашего отступления после 21 июля. Были такие же, а подчас и большие тяготы, возникали угрожающие, а порой и отчаянные ситуации. Должно быть, некоторых охватывало непонимание: «Куда мы откатываемся? Доколе?» Но нервозность, граничащая с паникой, уступила место иному душевному состоянию.

Как и все, кто пережил войну, не могу обойти молчанием факт огромного мобилизующего значения приказа № 227 Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, с которым армия ознакомилась в эти дни. В нем говорилось о том, что «отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину». Командный и политический состав обязан обеспечить резкий перелом в военных действиях. Необходимо объявить решительную борьбу трусам, нарушителям дисциплины. Исход войны решается именно сейчас. И люди нашли в себе такие внутренние резервы, о которых, может быть, даже не подозревали.

— Александр Николаевич, вы можете полететь в Солдатско-Александровскую?

Настойчиво потряхивая за плечо, Быков вывел меня из состояния тяжелого забытья. Сиял день, а я лежал на лавке в душной хате с земляным полом. Никогда до этого не испытывал такого чувства полной разбитости. Пережил такую ненависть к врагу, такое душевное страдание, описать которые невозможно…

Два часа назад здесь, в заполненной войсками станице Кавказская, воспитательницы вывели на прогулку малышей из детского сада. Пошли с ними на поляну, подальше от домов и грохочущих по улицам машин. Вдруг в небе появился и снизился «Мессершмитт-110». Фашист, видимо, вел разведку и теперь решил освободиться от груза бомб. Какую же цель он выбрал? Описав несколько кругов, он рассчетливо метнул бомбы в детей, сидевших на поляне. Большего варварства, слепой злобы, человеконенавистничества невозможно себе представить! Было много убитых, раненых, искалеченных на всю жизнь малышей. Когда хирурги в лазарете ампутировали кому ручку, кому ножку и делали другие операции, слезы застилали им глаза. Побывав в лазарете, я пришел в свою хату, упал на лавку и словно провалился в яму…

— Лететь? Куда? Зачем?

— Туда прибыл штаб двести шестнадцатой истребительной авиадивизии. Она понесла большие потери. Расспросите Жилина (это был начальник санслужбы дивизии), где, когда и куда

эвакуированы раненые летчики.

Узнайте, чем нужно ему помочь. Он по званию старше нас с вами и, по-моему, избегает обращаться с просьбами.

— Слушаюсь, Павел Константинович. Тогда заодно из Солдатско-Александровской я попробую добраться до Георгиевска, получить со склада какое-нибудь медицинское имущество. Полагаю, что Жилин найдет автомашину.

— Хорошо. Сюда, в Кавказскую, не возвращайтесь. Штаб армии скоро снимется с места.

Через несколько минут я поднялся на У-2 в воздух.

Летел и думал, какую огромную работу выполняют самолеты связи. Без них штаб не мог бы так оперативно руководить действиями авиационных частей и соединений. Вражеские истребители охотятся за ними, хорошо понимая их значение. У нас погибло уже несколько летчиков и офицеров связи.

В Солдатско-Александровской увидел летчиков-истребителей, летавших на самолетах МиГ-3 и И-16. Это были люди загорелые до черноты, худющие, со впалыми глазами. От вопросов, касающихся здоровья, они отмахивались, как от чего-то нелепого. Всем нужен был отдых, но боевые вылеты следовали один за другим. По количеству машин дивизия едва ли представляла собой две полные эскадрильи.

Военврач 1 ранга Жилин, высокий, сутуловатый, в очках, бывший флагманский врач ВВС 9-й общевойсковой армии, доложил, в какие эвакогоспитали были вывезены раненые летчики. Многие оставлены в лазаретах БАО 32 РАБ. Были случаи, когда из подбитых самолетов летчики выпрыгивали с парашютом над ничейной территорией или в расположении наших передовых наземных частей. Их судьба не выяснена.

Осмотрев аэродромный медпункт (ПМА) и войсковой лазарет БАО (ВЛБ), я попросил начальника санслужбы дивизии посодействовать в получении полуторки. Он быстро нашел автомашину.

По пыльной дороге, периодически открывая дверцу кабины, чтобы взглянуть на небо, добрался до Георгиевска. Едва мы въехали в городок, как появились немецкие бомбардировщики. Мы с шофером переждали налет в большом саду. Сорвали и съели по нескольку сочных яблок. Потом разыскали фронтовой склад. В нем хранились большие запасы перевязочных материалов, хирургических инструментов, медикаментов.

Я приготовился к долгой процедуре оформления документов, но начальник склада, пожилой интендант 2 ранга, встретил меня чуть ли не с распростертыми объятиями. Он до сих пор не получил никаких указаний о перебазировании. Вздрагивающим

голосом спросил меня, что будет со всем этим имуществом.

— Берите что хотите и сколько можете, оставьте только расписку, сказал интендант.

Мы быстро загрузили полуторку. Не очень уверенно я сказал интенданту, что санитарное управление фронта, наверное, не оставит склад без транспорта. Сам же с сожалением думал о другом: нужного количества автомашин для эвакуации всего имущества выделить не смогут, движение на железной дороге полностью парализовано. Склад придется сжечь или взорвать.

В Солдатско-Александровской я распределил полученные медикаменты и перевязочные материалы между санслужбами авиадивизии и РАБ.

28 июля перестал существовать наш Южный фронт: в его четырех общевойсковых армиях осталось немногим больше 100 000 человек. Эти войска вошли в состав Северо-Кавказского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

Пожалуй, наиболее драматические события, свидетелем которых мне довелось быть в дни отступления, разыгрались 4 августа в Ставрополе (тогда Ворошиловск).

Вплоть до подхода гитлеровцев город ни разу не подвергался бомбардировкам. Наполненный тыловыми воинскими частями, он жил сравнительно спокойной жизнью: работали все учреждения, кинотеатры, по вечерам в парке на танцевальных площадках звучала музыка.

В тот день, когда штаб 4-й воздушной армии прибыл в город и разместился в одном из флигелей городской больницы, немецкая авиация совершила первый налет на Ставрополь. Заполыхал огромный пожар на станционных путях, где стояли эшелоны с горючим. Черные клубы дыма окутали улицы. Гражданское население тотчас устремилось прочь из города. Начальник гарнизона, командир учебного танкового полка, выслал патрули, но они потонули в кишащем человеческом море. Не лучшим образом проявили себя командиры воинских тыловых частей и учреждений: они отдали приказ о немедленной эвакуации. Наспех погруженные автомобили ринулись из дворов и переулков. Образовались заторы. Этим воспользовалась авиация противника. Над городом появились «мессершмитты». Они сыпали мелкие бомбы, расстреливали людей из пушек и пулеметов.

С аэродрома авиационного училища, находившегося на окраине города, поднялось несколько наших истребителей. Над городом завязались воздушные бои. Пять-шесть «мессеров» было сбито.

Вдруг возник и мгновенно распространился слух, что в нескольких километрах в степи противник высадил крупный десант. Имея в своем распоряжении комендантский взвод, наш штаб смог оградить территорию больницы от метавшихся толп. Пожары вспыхнули и в городе. Комендант штаба приказал шоферам держать машины наготове.

К. А. Вершинин, его заместитель генерал Н. Ф. Науменко, дивизионный комиссар В. И. Алексеев всегда показывали пример мужества. Много раз штаб продолжал работать, когда неподалеку рвались бомбы. Сейчас командование тоже оставалось в помещении. Во дворе, в машине-радиостанции, то и дело начинал стучать движок: шел обмен радиограммами с авиационными частями и с соединениями.

Но было ясно, что в создавшейся обстановке штаб не сможет долго функционировать. Из Ставрополя нужно было уезжать.

Всего несколько часов провели мы в административном центре степного края. Приехали в оживленный, сравнительно спокойный город, покидали же горящий, почти опустевший. Пережить такое нелегко.

К 17 августа 4-я воздушная армия была отведена за реку Терек. Боевых действий она не прекращала ни на час. Особенно эффективными были ее бомбовые удары по мотомеханизированным колоннам противника, пытавшимся в период с 14 по 16 августа прорвать оборону 37-й армии на рубеже реки Баксан и захватить город Нальчик.

В течение трех суток частями и соединениями было произведено 1216 самолето-вылетов, уничтожено до 60 танков, 600 автомашин, разрушено три переправы. Но и наша воздушная армия несла значительные потери.

П. К. Быков и я не раз посещали эвакогоспитали, куда аэродромные пункты медпомощи и лазареты БАО передавали раненых летчиков. Я уже говорил, как часто они терялись из виду, надолго отрывались от своих частей, а иногда после лечения в глубоком тылу направлялись на другие фронты.

Но тут мы своими глазами увидели и другое: во многих ЭГ к раненым летчикам не применялись современные методы хирургического лечения, например скелетное вытяжение, кожная пластика и другие. Это грозило им инвалидностью или невозможностью вернуться в авиацию, по меньшей мере, в ближайшие годы. На этапах санитарной эвакуации почти нигде не проводились специальные лечебные мероприятия с ранеными из числа летного состава.

Авиационных госпиталей — об этом я тоже говорил — в Красной Армии не существовало.

Павел Константинович Быков, человек смелый и решительный, не согласовывая свое решение с санупром фронта, 27 августа распорядился создать на базе лазарета 504 БАО, усиленного военной комендатурой авиагарнизона, армейский авиагоспиталь. А чтобы меньше было придирок, назвали его армейским хирургическим лазаретом. Разместился он в Дербенте. Было развернуто сто коек. Из эвакогоспиталей сразу же взяли тех раненых летчиков, которых не успели отправить дальше в тыл.

Я одобрил инициативу Быкова, хотя поначалу имел косвенное касательство к армейскому хирургическому лазарету. Был занят другими делами. АХЛ возглавила хирург-травматолог с двенадцатилетним стажем работы военврач 2 ранга М. А. Пруденко. В лазарете имелся и второй хирург-ординатор. Из санслужб БАО набрали необходимое количество медсестер и санинструкторов. Раненых в АХЛ доставляли до аэродрома санитарными самолетами, а дальше на автомашинах.

В первых числах сентября противник форсировал Керченский пролив и высадился на Таманском полуострове. Тогда же он в нескольких местах переправился через Терек. Шли кровопролитные бои за Новороссийск и на туапсинском направлении. Наши войска отходили в глубь Кавказа. В оперативное подчинение 4-й воздушной армии перешли части формировавшейся 5-й воздушной армии, ВВС Черноморского флота и 50-я дивизия авиации дальнего действия.

Штаб армии переместился в Моздок, а затем в Троицкое. К. А. Вершинина, назначенного командующим ВВС Закавказского фронта, на посту командарма сменил генерал-майор авиации Н. Ф. Науменко.

Мы с тревогой думали о том, не придется ли под натиском превосходящих сил противника оставить Грозный, Туапсе и, что самое страшное, открыть тем самым дорогу на Баку, Но Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии уже знала: противник выдохся, все, что он мог использовать на Кавказе и в районе Сталинграда, в значительной степени перемолото, никаких крупных резервов он не может бросить на юг нашей страны. Теперь важно заставить врага перейти к обороне.

Весь сентябрь продолжались ожесточенные бои за перевалы Главного Кавказского хребта, на грозненском и орджоникидзенском направлениях. Наши летчики непрерывно штурмовали передовые отряды противника, вели воздушную разведку, доставляли своим войскам, сражавшимся в горах, боеприпасы, продовольствие, медикаменты и другие грузы.

В горных условиях наиболее пригодными для поражения наземных целей оказались малоскоростные, но маневренные

истребители И-16, И-153, а также У-2. Хорошо действовали штурмовики Ил-2, вылетавшие группами по четыре восемь самолетов.

С аэродромами было крайне плохо. Использовались ровные площадки вблизи населенных пунктов. В горах же летчики садились буквально на пятачки. Горючее и боеприпасы на временные и запасные аэродромы доставлялись на лошадях и осликах.

В первой декаде сентября противник при поддержке ста танков попытался преодолеть Терский хребет в районе Вознесенской. На борьбу с ним были брошены «илы» и истребители. Снижаясь до пятнадцати метров, наши летчики в упор расстреливали вражеские бронированные машины и поджигали их ампулами с горючей смесью. Потеряв десятки танков, враг вынужден был отойти.

Во время этого боя на наблюдательном пункте 9-й общевойсковой армии находился представитель авиации полковник П. Анисимов. Он незамедлительно передавал по радио в свой штаб заявки наземных частей, информировал экипажи самолетов об обстановке, наводил их на цели, координировал действия летчиков и артиллеристов.

О ходе боя на Терском хребте я узнал от самого полковника Анисимова, когда прилетел на аэродром 216-й истребительной авиадивизии (полковник был заместителем командира этого соединения). Тогда же у меня возникла мысль использовать радиостанции наведения для поиска и спасения раненых летчиков, совершивших вынужденную посадку. Но осуществить это удалось значительно позднее. В 1942 году такие станции стали только поступать на вооружение. Кстати, впервые они появились в нашей 4-й воздушной армии.

Мысль об улучшении организации поиска раненых летчиков волновала меня постоянно. Ведь я непосредственно отвечал за их спасение. А пока в этом важном деле преобладала случайность.

В ночь на 10 сентября с боевого задания не вернулся экипаж летчицы Нины Распоповой и штурмана Лели Радчиковой из 588-го женского ночного легкобомбардировочного авиационного полка. Над Моздоком самолет был подбит вражескими зенитками. Обеих девушек ранило. Но они все же сумели перелететь линию фронта и сели на нейтральной полосе. Взяв полетные карты и оружие, Нина и Леля попытались уничтожить машину, однако сделать это были не в силах. Из-под обстрела их вытащили пехотинцы. Они же и подожгли самолет. Санинструктор стрелковой роты оказал девушкам первую медицинскую помощь. Куда-либо ехать летчицы отказались,

решив добраться до лазарета своего БАО. И все же на следующее утро их отправили в медсанбат, поскольку они потеряли много крови. А уже оттуда девушек забрали наши врачи.

Дело кончилось, в общем, благополучно. Но у нас были случаи более тяжелые, даже трагические.

В один из сентябрьских дней меня вызвал дивизионный комиссар В. И. Алексеев. Он был хмур, как никогда. Кивнув лобастой головой, сказал:

— С боевого задания не вернулся старший лейтенант Осипов. Товарищи утверждают, что он был подбит неподалеку от переднего края и перетянул через линию фронта. Нужно поискать его в общевойсковых госпиталях. Идите к Теличееву. Я ему позвоню, чтобы он выделил вам самолет.

Михаил Осипов еще в 1941 году сбил двенадцать самолетов врага. На нашем фронте он одним из первых летчиков получил звание Героя Советского Союза.

Начальник отделения перелетов Теличеев дал мне У-2. Я решил лететь в Махачкалу, в районе которой было сосредоточено большинство эвакогоспиталей фронта. Прилетел туда и за день обошел почти все из них. Осипова нигде не было.

Предупредив летчика, что нам придется здесь заночевать, направился в последний госпиталь. Попросил его начальника приютить меня до рассвета. Он предложил мне диван в своем кабинете и распорядился принести чаю с хлебом. Закусывая, я расспросил у него, куда эвакуируют из Махачкалы раненых летчиков и авиаспециалистов, каким транспортом.

Никаких сведений об Осипове и на следующий день получить не удалось. Вероятнее всего, он упал или на территории противника, или на нашей стороне, но в горах, где не было сплошной линии обороны. Так мы потеряли уже нескольких летчиков. Нашли их, когда оказывать медицинскую помощь было уже поздно.

Для создания на перевалах оборонительных сооружений привлекалось местное население. Горные аулы и селения, возле которых располагались аэродромы, оказались переполненными. Жители пренебрегали необходимыми санитарными нормами. Завшивленность была почти стопроцентной, в каждом доме или сакле водились грызуны.

Части 4-й воздушной армии базировались преимущественно в Чечено-Ингушской и Дагестанской республиках. Еще раньше они находились в Сальских степях и на берегах реки Кума, в районах с высокой заболеваемостью лептоспирозом и папатачи (разновидностями лихорадки), а также сапом. Теперь же около Махачкалы и Ленинакана мы встретились с эпидемическими

очагами дизентерии, сыпного и брюшного тифа. Значительная часть населения была поражена малярией.

Все это создавало угрозу возникновения инфекционных заболеваний в частях воздушной армии. Ведь ее личный состав в большинстве своем размещался на частных квартирах, находился в постоянном контакте с местными жителями. На меня было возложено наблюдение за противоэпидемическим обеспечением авиачастей. И я регулярно вылетал на аэродромы.

Не ущемляя самолюбия местного населения, санслужбы РАБ каждодневно вели противоэпидемическую работу. С помощью местных партийных и советских организаций они проводили дезинфекцию, делали прививки. С добровольно набранными сандружинницами регулярно проводили занятия. Их учили строить дезкамеры-землянки, снабжали пантоцидом и другими обеззараживающими средствами. В противоэпидемических мероприятиях участвовали все медицинские работники, от врачей до санитаров, и выделять кого-либо из них не следует.

Я давно не имел известий о семье, а между тем она была рядом, в Грозном. Выбрав время, попросил у Быкова разрешения съездить в город. Он отпустил меня на сутки.

Грозный подвергался частым бомбежкам. Он был в полном смысле фронтовым городом.

Жену я нашел в ужасном положении. Мой денежный аттестат, высланный на грозненский военкомат, почему-то не дошел, и с ноября месяца прошлого года она не получала ни копейки. Но мне не написала об этом, чтобы не расстраивать. Продала все вещи и одежду, кроме той, в которой ходила. Маленькую Инну некуда было пристроить. Тем не менее на руках у Шуры была очередная повестка, где ей предписывалось немедленно явиться в военкомат для отправки в один из эвакогоспиталей. Одесская авиашкола, эвакуировавшаяся из Грозного, с собой их не взяла. Я пообещал Шуре что-нибудь придумать.

По возвращении я попросился на прием к дивизионному комиссару Алексееву по личному вопросу. Выслушав меня, Василий Иванович нашел единственно разумное решение: призвать мою жену в качестве врача в 4-ю воздушную армию и определить в одну из тыловых частей. Через несколько дней Шура стала старшим врачом головного авиационного склада боеприпасов. Это была отнюдь не легкая и не безопасная должность, но она позволяла не расставаться с дочкой. Так и прошли мы все вместе по трудным дорогам войны.

К концу сентября стало ясно, что враг на Кавказе, в основном, остановлен. Он еще надеялся взять Туапсе, от которого был всего в тридцати километрах, и столицу Осетии Орджоникидзе. На двух

этих направлениях противник имел до 600 самолетов. В наших же двух воздушных армиях, 4-й и 5-й, насчитывалось около 300 боевых машин.

Северо-Кавказский фронт был преобразован в Северную группу войск Закавказского фронта. Весь октябрь она вела кровопролитные бои, защищая Орджоникидзе, Грозный и перевалы через Главный Кавказский хребет. За этот месяц 4-я воздушная сделала 2600 самолето-вылетов.

Вся армия знала имена летчиков-героев. Капитан И. М. Пилипенко сбил 12 самолетов противника. Летчики капитан В. А. Эмиров и лейтенант Я. А. Александрович в воздушном бою применили таран. О мастерстве и мужестве летчиков-истребителей И. М. Дзусова, К. Л. Карданова, командира 862-го бомбардировочного авиационного полка майора М. С. Токарева и других писала армейская газета, рассказывали листовки. Со многими я был знаком лично.

Наша аэродромная сеть была довольно густой, но состояла она в основном из небольших малооборудованных площадок. Только вблизи городов имелись стационарные аэродромы. Однако из-за превосходства противника в воздухе базироваться на них было опасно.

7-й гвардейский штурмовой авиационный полк 230 шад, которым командовал Герой Советского Союза подполковник Гетьман, размещался на полевом аэродроме неподалеку от Грозного. В середине октября в солнечный день немецкая авиация совершила массированный налет на грозненские нефтехранилища. Над городом поднялись облака черного дыма. Они закрыли солнце и горы.

Кромешная тьма стояла три дня. Дымный шлейф пожаров растянулся на двести километров, достиг Махачкалы. О полетах не могло быть и речи. Даже автомашины двигались по дорогам с зажженными фарами. Летчики отсиживались в бараках, где круглосуточно горели лампы.

В связи с расформированием штабов и служб ряда районов аэродромного базирования высвободилось некоторое количество медицинского персонала. Это позволило нам организовать на каждом, даже самом маленьком аэродроме медицинский пункт. Врачи-хирурги перешли в лазареты действующих БАО. Однако их по-прежнему не хватало.

Не помню, что привело меня как-то в Троицком, где стоял штаб армии, в местную больницу. Эта станица, являвшаяся районным центром, была пыльной, почти без зелени. Многие дома пострадали от бомбежек.

При входе в кабинет врача я увидел молодого мужчину в

белом халате. Он сидел за столом и перелистывал «Оперативную хирургию».

— После, после, — замахал он руками. — Извините, мне некогда! Предстоит срочная операция.

Схватив книгу, он встал и, припадая на одну ногу, направился к двери.

Я пошел за ним, заинтригованный необычной ситуацией. Врач вбежал в маленькую операционную, где пожилая медсестра кипятила инструменты. Вскоре две старушки привезли на каталке скорчившегося от боли пожилого горца. Из коридора через незанавешенную половину двери я увидел, как больного переложили на стол и врач, что-то еще раз прочитав в книге, приступил к операции.

Минут через сорок мы снова встретились с коллегой в его кабинете.

— Аранович, — назвал себя врач. — Инвалид, в армию не призван. Оперировал гнойный аппендицит. Представьте, по-моему, удачно. Честное слово, прямо-таки ювелирно! Да, первый раз в жизни взял в руки скальпель!

Потом, всякий раз вспоминая эту удивительную операцию, я улыбался.

Однажды, встретив Арановича на улице, я спросил:

— А что, если мы вас призовем в армию и направим в эвакогоспиталь? Из вас же выйдет отличный военный хирург.

— Спасибо! — обрадованно воскликнул он.

Мы призвали его на службу в 4-ю воздушную армию. Григорий Израилевич Аранович закончил войну подполковником медицинской службы, начальником госпиталя. Он и сейчас работает хирургом в подмосковном городе Ногинск.

В лазаретах БАО я снова подобрал группу врачей, которых по моему представлению определили на хирургическую стажировку в ряд эвакогоспиталей. Нового, еще не аттестованного военного врача Арановича Быков послал в армейский хирургический лазарет в Дербент.

Осень стояла сухая и теплая. Словно все еще тянулось бесконечное горькое лето. Пожухлая листва не опадала с деревьев. Но по ночам земля уже покрывалась инеем.

В последних числах октября пришел приказ о назначении П. К. Быкова помощником начальника санитарного управления Северной группы войск Закавказского фронта по ВВС. А. Д. Вайнштейн отбыл в распоряжение Главсанупра РККА.

В неофициальной беседе Быков спросил, как я отношусь к возможности назначения меня флагманским врачом. Не побоюсь ли взять на себя всю ответственность за организацию

медицинского обеспечения воздушной армии? Или на должность флагманского врача подобрать кого-либо из дивизионных врачей, а я останусь заместителем?

Потом убежденно заключил:

— В штабе есть мнение, что вы справитесь с работой. Я тоже так считаю.

Серьезно взвесив все «за» и «против», я ответил, что согласен занять должность флагманского врача.

На другой день нас принял командующий армией генерал Н. Ф. Науменко. Мне он сказал:

— Приказ о вашем назначении подписан. Надеюсь, в Москве утвердят вас флагманским врачом.

Я поблагодарил за оказанное мне доверие.

Приняв дела, я проводил Павла Константиновича до самолета. Мы тепло попрощались. Работая бок о бок с ним, я перенял у него немало хорошего как врач и администратор. У нас были хорошие деловые отношения. Мне нравились его трудолюбие, выдержка, способность быстро принимать решения. Быков по-прежнему оставался моим прямым начальником.

Глава четвертая
Праздник на нашей улице

В конце октября 1942 года Северная группа войск вела усиленную подготовку к разгрому моздокской группировки врага. Наступление намечалось на 3 ноября. Однако 25 октября противник нанес мощный удар по ослабленной 37-й армии, оборонявшей правый фланг Северной группы на нальчикском направлении. Около 100 вражеских бомбардировщиков и истребителей совершили налет на населенный пункт Долинское, где располагался армейский штаб. На наш аэродром в Нальчике противник в течение дня произвел 42 воздушных налета. Движение на дорогах было парализовано. Неприятельская пехота при поддержке двух танковых дивизий начала продвигаться к Орджоникидзе.

Мое назначение флагманским врачом состоялось именно в это тяжелое время. Главное внимание я сосредоточил на организации быстрой эвакуации раненых летчиков и бойцов БАО из зоны боевых действий.

Санитарной авиации в нашей воздушной армии тогда еще по было. Из самолетов типа СП, С-2 и С-3 осталось только два. Одни были сбиты вражескими истребителями, другие во время летнего отступления сожжены нашими летчиками, поскольку не хватало бензина. Для эвакуации раненых и перевозки медицинского имущества использовались оставшиеся С-2, один самолет типа Си-2 (Ли-2), а также У-2. В отдельных случаях по приказу командующего или начальника штаба армии приданный нам 8-й отдельный полк гражданской авиации предоставлял трехмоторные машины Ан-9.

Улетая, Быков обещал создать в 8 ОПТА санитарную авиазскадрилью, которая будет базироваться на аэродроме Нестеровское, юго-восточнее Грозного. Оперативно ее подчинят мне. Но пока такое подразделение отсутствовало. Я попросил начальника штаба армии генерала Устинова отдать приказ в те дивизии, где имелись упомянутые выше С-2 и Си-2, чтобы экипажи этих самолетов перелетели на один аэродром и составили звено, которым я смогу располагать. Он безотлагательно выполнил мою просьбу. Уже со следующего дня мы начали по воздуху доставлять раненых в дербентский хирургический лазарет. Вскоре я тоже вылетел в Дербент. Возникла необходимость часть выздоравливающих перевести в лазареты БАО и таким образом освободить койки.

Над вершинами гор висели облака. Летчик вел У-2, умело используя долины и ущелья. Наблюдая за воздухом, я думал о боевой обстановке у нас, о тяжелом положении в Сталинграде.

Мелькнула и такая мысль: не рано ли я согласился занять должность флагманского врача воздушной армии? Решил, что нет, и честолюбие тут ни при чем. Под руководством Быкова я достаточно хорошо освоил работу, связанную с лечебно-эвакуационным, санитарно-гигиеническим и противоэпидемическим обеспечением авиационных частей. Занимался также вопросами поиска и спасения экипажей, специального медобеспечения летного состава, контролем за боевой нагрузкой и отдыхом людей. Новый человек сначала должен был во все это вникнуть. Я отчетливо представляю, в каком направлении надо работать, сил достаточно, пасовать перед трудностями не привык.

Не мог не подумать, как восприняли приказ о моем назначении начальники санитарных служб авиадивизий. Среди них есть бывшие флагманские врачи общевойсковых армий, с большим стажем работы, старше меня по возрасту и званию. Мне всего тридцать лет, еще минувшей весной я был старшим врачом полка самолетов У-2. Но ведь беспокойная должность флагманского врача воздушной армии и требует как раз человека нестарого, энергичного, физически крепкого.

Небольшой городок Дербент был забит госпиталями. Под них заняли все пригодные строения. Железная дорога на Баку и порт позволяли бесперебойно эвакуировать тяжело раненных. Город не бомбили. Наш хирургический лазарет помещался в бывшем двухэтажном здании школы с просторным двором. Встретила меня Мария Андреевна Пруденко.

В распоряжении врачей имелся большой набор хирургических инструментов, аппараты для переливания крови и скелетного вытяжения. К сожалению, здесь не было своей лаборатории, рентгеновского кабинета и кабинета физиотерапии. В необходимых случаях им приходилось обращаться в соседние эвакогоспитали.

Мария Андреевна была человеком обаятельным. Невысокого роста, сероглазая, с гладкой прической. Ей очень шла военная форма. Говорила негромко, мелодично звучащим голосом, ходила легко, умела шутить с ранеными. По-моему, одно ее присутствие благотворно влияло на них. Вместе с тем это был не только опытный хирург, но и рачительная хозяйка. Она вникала в каждую мелочь жизни лазарета.

Непоседливый и жизнерадостный Аранович уже справился с должностью хирурга-ординатора. Окончив в 1941 году

медицинский институт, он еще сохранил студенческую неутомимость. В наш хирургический лазарет ходили врачи из других госпиталей посмотреть, «как лечат летчиков». Действительно, далеко не везде раненые находились в столь благоприятных условиях. Не последнюю роль играло то, что наши подопечные знали, как обстоят дела в их части, как воюют товарищи. Эвакуации из лазарета подлежали только те, кто навсегда или на длительный срок (более трех месяцев) терял возможность вернуться в строй или нуждался в специализированной помощи (урологической, глазной, отоларингологической). Остальные оставались до полного выздоровления.

Вместе с М. А. Пруденко и заместителем по политчасти 504 БАО мы разработали план перевозки около тридцати «старичков» в лазареты БАО. Все эти летчики, техники, авиаспециалисты могли в скором времени вернуться в свои части.

Вернувшись в Троицкое, услышал печальную весть: в Орджоникидзе, к которому немцы подошли вплотную, во время бомбежки погиб и начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант П. И. Бодин и член Военного совета фронта А. Н. Саджая, В тот день, 1 ноября, наши летчики сбили 30 немецких самолетов.

Выполнив несколько неотложных дел, я вылетел на аэродромы 217-й и 229-й истребительных авиадивизий. Они находились к востоку от Орджоникидзе. На местах выяснил, что медпункты нуждаются в перевязочных средствах, которые в тот момент можно было достать лишь на аптечных складах наземных армий. Узнал о людских потерях. Эти аэродромы обстреливались артиллерией противника.

К северу от города, не умолкая, гремела канонада. Там геройски дрались 11-й гвардейский стрелковый корпус, истребительно-противотанковые и гвардейские минометные полки. Несмотря на испортившуюся погоду, действовала наша авиация. Исключительную оперативность и маневренность проявили в этот период летчики 4-й воздушной армии. Поддерживая и прикрывая наши наземные войска, истребители в течение десяти дней провели около 100 воздушных боев. В этих боях и во время налетов на аэродромы противника советские летчики уничтожили более 80 вражеских самолетов.

Военврач 2 ранга Михаил Маркович Полонский, начальник санслужбы 229 иад, построил работу так, что аэродромные медпункты имели посты вблизи переднего края обороны. Они состояли из фельдшера и шофера-санитара полуторки, оснащенной всем необходимым для оказания первой помощи.

Наблюдали сами за воздушным боем, если становились свидетелями его, и собирали в медпунктах сухопутных войск сведения о раненых летчиках, выбросившихся с парашютом или совершивших вынужденную посадку.

В числе четырех летчиков-истребителей из своей дивизии и 217 иад медпост подобрал капитана С. Мкртумяна. Он вел бой один с шестью «мессершмиттами». Сбил два, потом получил ранение в грудь. Его ЛаГГ-3 загорелся. Капитан сумел посадить машину на склоне горы, выбраться из нее и отползти в сторону. Минут через двадцать медпост был на месте взрыва самолета. Мужественному летчику оказали первую медицинскую помощь и доставили его в ПМА. Оттуда он был отправлен в Дербент. Я видел его в лазарете.

С. Мкртумян, П. Руденко и В. Шамшурин, повторившие подвиг Гастелло, были удостоены звания Героя Советского Союза.

Одобрив инициативу Полонского, я предложил ему и дивизионному врачу 217 иад Малаеву (с ним связался по телефону) немедленно послать людей на автомашинах в город для получения медицинского имущества. Разрешение санитарного управления Северной группы на это имелось.

Вскоре мне довелось встретиться и с военврачом 1 ранга Михаилом Петровичем Малаевым. Он доложил, при каких обстоятельствах погибли старший врач одного из полков дивизии и две вольнонаемные медсестры.

Михаилу Петровичу было уже более сорока лет. Среднего роста, всегда подтянутый, с умным худощавым лицом, он походил на строевого командира. До сформирования 4-й воздушной армии Малаев занимал пост флагманского врача ВВС 12-й общевойсковой армии. Он и теперь внимательно следил за состоянием здоровья личного состава, глубоко вникал в жизнь и быт летчиков.

У Малаева лучше чем у кого-либо была поставлена организация кратковременного отдыха авиаторов в расположении БАО. По его представлению командир части освобождал определенное количество летчиков на три — пять дней от боевой работы. «Отпускники» поселялись в небольших домиках неподалеку от аэродромов.

Бывая в частях, я не упускал возможности проконтролировать организацию отдыха авиаторов. Часто они размещались в землянках, а в теплое время года даже в шалашах. Важно было, чтобы уставший летчик, штурман или стрелок-радист имел возможность хотя бы ненадолго освободиться от нервного напряжения. Уменьшение утомления летного состава, а значит, повышение его боеспособности, являлось одной из важнейших

задач авиационной санитарной службы.

До войны наблюдение за физическим состоянием летного состава велось постоянно. Каждый авиатор имел единую медицинскую книжку. Когда он переводился из одной части в другую, то на новом месте обязан был предъявить ее врачу. В деле медицинского контроля за летным составом существовала преемственность.

С началом войны такую документацию перестали вести. В большинстве штабов она была даже уничтожена — избавлялись от «лишнего» имущества. Но необходимость медицинского наблюдения за летным составом не отпала. Появились врачебные дневники. Полковые врачи вели их по-разному. Чаще всего они вносили туда результаты ежемесячных медосмотров, количество боевых и отдельно ночных вылетов, общий налет, число проведенных воздушных боев, перенесенных травм и аварий, сведения о лечебно-профилактических мероприятиях. Боевая нагрузка экипажей была весьма неравномерной, зависела от вида авиации (истребительная, штурмовая, бомбардировочная), оперативно-тактической обстановки, а также от характера выполняемых задач.

Наведываясь в части, я всегда проверял содержание дневников. В 217 иад эта документация велась хорошо.

5 ноября противник был остановлен на окраине Орджоникидзе. Больше того, его гизельская группировка оказалась в мешке. Начались бои по ее уничтожению. 11 ноября наши войска освободили Гизель, а в течение следующего дня продвинулись вперед на двадцать километров.

19 ноября перешли в наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов, сутками позже — Сталинградского. Вскоре в междуречье Дона и Волги он завершил окружение крупной группировки противника.

Как ни тяжело было у нас, на Кавказе, мы понимали, что в Сталинграде советским воинам еще труднее и что именно на Волге будет предопределен дальнейший ход войны. Сковывая огромные силы противника, мы помогали сталинградцам. В свою очередь, Сталинград не позволял врагу еще более усилить свой натиск на Кавказе.

Конечно, я не могу сказать, что уже тогда, в конце ноября, мы так и говорили: «Оборонительный период войны кончился!» Но каждый воин нашего фронта не только чувствовал, а твердо знал: очень скоро придет час наступать и нам! Вся политическая работа в войсках перестраивалась на подготовку к наступлению. Ведь в начале войны мы только отступали. Надо было преодолеть этот психологический барьер.

В конце ноября положение на Закавказском фронте изменилось. В штабе воздушной армии считали, что в настоящее время противник располагает примерно 500 самолетами. Уменьшение их численности было следствием ударов нашей авиации по аэродромам противника, а также переброски части его военно-воздушных сил в район Сталинграда.

В 4-й и 5-й воздушных армиях насчитывалось до 600 самолетов. К нам, правда в небольших количествах, поступали уже боевые машины новых типов. В ВВС Черноморского флота имелось свыше 250 самолетов.

Перед воздушными армиями были поставлены конкретные задачи и четко определены районы боевых действий. Наша армия основными силами поддерживала Северную группу войск, а 5-я вместе с частями ВВС Черноморского флота Черноморскую группу.

В первых числах декабря меня вызвал заместитель командующего по политчасти Алексеев. На эту должность его назначили после отмены института военных комиссаров. Он получил звание генерал-майора.

Василия Ивановича не часто видели в Троицком. Он постоянно находился в дивизиях и отдельных полках. В этот же день, видимо, только непогода удержала его в штабе. Шел дождь со снегом.

— Как ваши жена и дочь? — был первый вопрос генерала.

Я поблагодарил за внимание и ответил, что недавно удалось повидаться с семьей. Жена со своей работой справляется. Дочь здорова.

— Александр Николаевич, — перешел он к тому вопросу, по которому вызвал меня, — Очевидно, вы и сами догадываетесь, что наступает время перебазировок, причем активных. — Лукаво сощурив глаза, он продолжал: Приходит пополнение. Словом, я хочу знать, как готовится санитарная служба к наступлению, что сделано, какие есть наметки?

Я готов был к ответу на этот вопрос. Сразу, как только разнеслась весть о начале разгрома гитлеровских войск под Сталинградом, меня не покидала одна мысль: «Когда такие события произойдут и на нашем фронте?»

— В сухопутных войсках наступил самый напряженный период учебы. Командиры учат красноармейцев вести уличные бои, решительно действовать в горах, форсировать водные преграды. Теперь я слушаю вас, — заключил генерал, сложив на столе крупные руки.

Доклад я начал с того, что старшие врачи авиационных полков обучают молодых летчиков оказывать самопомощь и

взаимопомощь. Ведь от этого зависит последующий успех лечения пораженных в бою.

Алексеев слушал, не перебивая, но взгляд у него был отсутствующий. Похоже, что он пропускал мои слова мимо ушей. В самом деле, подумал я, может ли летчик одноместного самолета оказать себе помощь в воздухе? На бомбардировщиках и штурмовиках это тоже затруднительно сделать. Видимо, Алексеев хотел услышать о готовности медработников аэродромных пунктов и медицинских постов быстро оказывать помощь раненым авиаторам, посадившим самолет вне своего аэродрома. И я, перестроившись, начал докладывать именно об этом.

Рассказал также о своем намерении использовать для поиска летчиков и экипажей, выбросившихся на парашютах или совершивших вынужденную посадку, радиостанции наведения, которых в армии становилось все больше. Генерал тотчас оживился. Надо заметить, что он всегда живо интересовался новшествами, рационализаторскими предложениями. Требовал, чтобы о них незамедлительно докладывали ему.

— Что еще? — спросил он.

До нас доходили слухи о крайне неблагополучной эпидемиологической обстановке на территории, занятой противником. Поэтому в районы нового расположения я планировал направлять вместе с каждой передовой командой медицинского работника — фельдшера или врача.

— Хорошо, — одобрил заместитель командующего. — Ну а в каком состоянии санслужба РАБ и войсковые лазареты БАО?

Я ответил, что они находятся в подчинении помощника начальника сануправления фронта ВВС. Нам подчиняются лишь оперативно, хотя и неотделимы от воздушной армии. Такое положение, конечно, ненормально. Лазареты ослаблены пересмотром штата (в какой уж раз это производилось!), в них оставлен один военнослужащий — начальник, должности обслуживающего персонала — пять человек — должны занимать вольнонаемные, подобрать которых было практически невозможно. И вообще шесть человек в таком подразделении крайне мало. К тому же на начальника здесь возложены обязанности и хирурга, и терапевта, и невропатолога… Перечень положенного имущества также уменьшен, и — что особенно тревожно — исключен палаточный фонд. При частом и быстром свертывании и развертывании лазарета некогда и некому строить землянки, а на готовые жилища при наступлении не всегда можно рассчитывать.

Нахмурив брови, Алексеев покачал головой.

— Они что у вас там, — показал он глазами вверх, — не

понимают?

Мне самому была непонятна недооценка Главсанупром лечебных учреждений в военно-воздушных силах. Я пожал плечами.

— Ладно, надеюсь, вы с Быковым по-прежнему будете работать рука об руку. Итак, помните, надо быть готовыми! Почему вы до сих пор без заместителя? — спросил генерал, прощаясь.

— На днях он прибудет.

В 81-м дальнебомбардировочном авиационном полку хорошо работал военврач 2 ранга Николай Петрович Алексеев, однофамилец члена Военного совета. Он служил в РККА с 1933 года, был начальником отделения военного госпиталя. Затем его перевели в ВВС. Среднего роста, с открытым лицом, энергичный, подвижный. Заметив у него административную жилку, я и предложил ему должность заместителя. Он согласился. П. К. Быков не стал возражать против его назначения.

Официальные указания представить план медицинского обеспечения наступательной операции воздушной армии еще не поступили. До конца года фронту, по-видимому, предстояло вести оборонительные бои. Северная группа войск наносила по врагу лишь локальные удары в районах Ачикулак, Ага-Батырь, Ишерская. Штурмовики 216-й смешанной авиадивизии генерала А. В. Бормана и ночные бомбардировщики 218-й авиадивизии полковника Д. Д. Попова уничтожали огневые средства и живую силу противника, совершали налеты на его аэродромы.

Декабрь сыпал снегом и дождем. В горах уже установилась зима, а из долин еще не ушла осень.

Во второй половине месяца приказом командующего ВВС за № 216 в 4-й воздушной армии был учрежден дом отдыха.

Мне позвонил по телефону Быков, спросил:

— Кого думаете назначить начальником?

Прочитав приказ, я подумал о военврач 3 ранга Назаровой. Она была старшим врачом 431 БАО. Еще в апреле, когда мы познакомились с ней, она мечтала о доме отдыха для летчиков.

— Согласитесь, что мы с вами должны утвердить Назарову, — сказал я дипломатично.

В трубке раздался характерный раскатистый смех Павла Константиновича.

— Эсфирь Марковну? Я сам хотел предложить ее кандидатуру. Где найдешь человека более подходящего?

В этот момент мы, наверное, вспомнили об одном и том же.

…Вернувшись с первого облета аэродромов, я поинтересовался у флагманского врача, почему не аттестован

старший врач 431 БАО. Быков перед этим возглавлял санслужбу 28 РАБ, в который входил данный батальон.

— Где она сейчас? — оживился мой обычно сдержанный новый начальник.

— В Голубовке.

— Значит, успели переехать… Ну как, заметили там что-нибудь особенное? — спросил флагманский врач, еще не ответив на мой вопрос.

— Лазарет работает хорошо. Там есть опытный хирург. Мне показалось, что молодые женщины сумели создать какую-то особую атмосферу. У них чистота и порядок, они веселы. Признаться, чем-то даже домашним повеяло, когда я оказался в такой обстановке. Сама Назарова располагает к себе, жизнерадостная и непосредственная женщина.

Тогда я впервые услышал раскатистый смех Быкова.

— Говорите, домашним повеяло? — переспросил Быков. — А я думаю, Поляков уже успел их подтянуть. Это «домашнее» поначалу его ошарашило. Да вот он и сам, старый служака! — воскликнул Павел Константинович. — Легок же ты на помине!

В наш кабинет вошел новый начальник санслужбы 28 РАБ военврач 2 ранга Поляков. Он приехал по вызову помощника начальника сануправления фронта по ВВС и по пути завернул к Быкову.

— Михаил Николаевич, — обратился к нему Быков. — Как твои отношения с Эсфирью Марковной?

Хмуроватый Поляков, погладив согнутым пальцем свою рыжеватую бородку, насторожился:

— А в чем дело?

— Александр Николаевич был у нее. Обворожен уютом в ее хозяйстве. И сама Назарова его заинтересовала.

Старые друзья, Быков и Поляков, разговаривали на «ты». Видимо, Михаил Николаевич решил, что Быков, как всегда, подтрунивает над его приверженностью к дисциплине и воинскому порядку. Усмехнувшись, ответил:

— Хотите узнать, какое впечатление она произвела на меня при первом знакомстве? Так слушайте. Приехали мы в этот БАО… Выходит навстречу пышноволосая, статная, туго затянутая ремнем молодая женщина. Ему, — Поляков кивнул на Быкова, — запросто говорит: «Здравствуйте, Павел Константинович!»

Он строго посмотрел на нее и метнул взгляд в мою сторону: дескать, это твой новый начальник, нужен уставной рапорт. А она свое: «Здравствуйте. Я Эсфирь Марковна».

За ее спиной уже построился в шеренгу медперсонал: военврач 3 ранга, военфельдшер… Она начала представлять их

мне: «Наш хирург, Борис Аркадьевич. Фельдшер Маруся. Старшина Валюша. Дальше — Клава, Наташа, Люба, Катя, шоферы Саша и Паша…»

Хорошенькая форма доклада. Я даже растерялся. Не воинское подразделение, а черт те что! Семейный дом! Наконец говорю: «Товарищ старший врач, потрудитесь доложить по уставу!»

Губы у нее дрогнули, и она стала похожа на обиженного ребенка. «Товарищ начальник, мы уж так привыкли. Так проще. Разве так нельзя? Что тут плохого?»

Еще расплачется, подумал я и махнул рукой: «После поговорим, товарищ старший врач!»

— Зато при осмотре домов, в которых размещался лазарет, сразу подобрел, — вмешался Быков, — на окнах занавески, на подоконниках комнатные цветы, земляные полы застланы прошлогодним чабрецом. Постельное белье на койках свежее, раненые и больные побриты. Один из раненых сказал: «Мы у Эсфирь Марковны как дома на побывке. Красота! Повариха тетя Киля пампушки нам печет, украинским кулешом кормит…»

В общем, я посоветовал не ломать «семейный дом». А Эсфирь Марковна не подведет. Она в сорок первом в таких переплетах бывала, где мужчины гнулись. Ты, наверное, все-таки поднавел порядок? — с улыбкой взглянул Быков на Полякова.

Тот промолчал.

— Почему же ей не присвоили звание? — снова спросил я. — Она же невропатолог, работала в московской клинике.

— Все эти «гражданские» манеры ее пугают кое-кого, — ответил Быков. Но Вайнштейн добивается.

Потом, в период летнего отступления, Назарова отлично проявила себя.

Теперь же надо было подумать, где разместить армейский дом отдыха. Я решил, что предоставлю Назаровой свободу в подборе штата.

Приехал мой заместитель военврач 2 ранга Алексеев. Я несколько разгрузился.

15 декабря штаб 4-й воздушной армии начал разработку плана предстоящего наступления на Северном Кавказе.

Меры по медицинскому обслуживанию его излагались в разделе приказа по тылу. Там имелись такие пункты: лечебно-эвакуационное, специальное авиационно-медицинское и противоэпидемическое обеспечение; организация медицинского снабжения; система управления медицинской службой армии.

Трудно, неприятно, но всегда необходимо рассчитывать по дням операции возможные санитарные потери. Определялись они исходя из количества боевых самолето-вылетов отдельно по

каждому виду авиации — истребительной, штурмовой, бомбардировочной. Важно было предположить, сколько может быть раненых. В зависимости от этого определялось количество мест в лазаретах, создавались запасы консервированной крови и заменяющих ее препаратов, готовился транспорт.

Полученные в штабе исходные данные для планирования наступления подсказывали, что удар по противнику намечается мощный.

К этому времени в 8-м отдельном полку гражданской авиации были организованы две санитарные эскадрильи, насчитывающие 16 и 12 самолетов Р-5 и 16 — У-2. Их задача — обслуживать части сухопутных войск.

Наши летчики значительно усилили действия по срыву железнодорожных перевозок противника и уничтожению его авиации на аэродромах. Они также вели воздушную разведку.

Я со своим заместителем Алексеевым вылетел в части. Нам предстояло побывать в авиаполках и в БАО. Готовность лазаретов беспокоила больше всего.

Обращение Военного совета Закавказского фронта к войскам гласило:

> «Боевые товарищи, защитники Кавказа!
>
> Войска Северной и Черноморской групп, выполняя приказ матери-Родины, остановили врага в предгорьях Кавказа. В оборонительных боях под Ишерской, Малгобеком, Туапсе, Новороссийском, Нальчиком, Шаумяном, Ардоном наши доблестные пехотинцы, отважные моряки, гордые соколы-летчики, бесстрашные танкисты, мужественные артиллеристы и минометчики, лихие конники, смелые саперы и автоматчики, разведчики, связисты и железнодорожники вписали славную страницу в историю Великой Отечественной войны, покрыли свои знамена неувядаемой славой.
>
> В течение лета наши войска не прекращали боевых действий, постоянно атаковывали врага, нанося ему огромный ущерб в живой силе и технике, расшатывая вражескую оборону. В период кровопролитных боев, разгоревшихся на юге и в центре нашей страны, мы сковали около 30 вражеских дивизий, не давая возможности врагу перебросить их на другие фронты.
>
> Войска нашего фронта сдержали натиск врага и теперь переходят в решительное контрнаступление…
>
> Вперед! На разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!»

Листовку с этим обращением подполковник Одинцов вручил мне вечером 31 декабря. Он сказал, что сухопутные войска начнут взламывать оборону противника на рассвете 1 января. Показал на карте предполагаемые новые аэродромы авиачастей армии. Я дал задание Алексееву уточнить маршруты полевых подвижных и эвакогоспиталей наземных соединений и сообщить о них начальникам санслужб авиадивизий и отдельных авиаполков.

В новогоднюю ночь над станцией Троицкое бушевала метель. Работники штаба 4 ВА, свободные от дежурства в отделах, собрались за небогатым столом. У всех настроение было приподнятое. Через два-три дня войска фронта начнут наступать! Вспомнили, что в прошлом году в такую ночь по радио выступал М. И. Калинин. Несмотря на успешно развивавшееся контрнаступление под Москвой, освобождение Тихвина и некоторые другие благоприятные известия с фронта, он говорил суровым голосом, не обещал близкой победы. Какой тяжелый прожили год! Выстояли! Не сдался Ленинград, гитлеровцы окружены под Сталинградом, потерпел крах план фашистов вторгнуться в Закавказье. Поздравит ли Михаил Иванович советских людей с Новым годом сегодня? К сожалению, в нашем доме не было радиоприемника.

Подняли тосты за партию, за дружбу народов (на Кавказе она проявилась с особой силой, мы были свидетелями тому), за близкое наступление. Вскоре разошлись.

На следующее утро стало известно, что на левом фланге фронта противник начал отводить главные силы 1-й танковой армии за реку Кума. Войска Северной группы начали преследование.

В последний день 1942 года Сталинградский фронт переименовали в Южный. Мы были рады, что он возродился. Наступая в направлении Ростова, наши войска поставили под угрозу тылы всей кавказской группировки противника.

По плану командования воздушной армии батальоны аэродромного обслуживания должны были передвигаться «перекатами»: половина их обеспечивала авиаполки в исходном положении, остальные следовали за наземными войсками и готовили новые аэродромы к приему летных частей. Был выделен резерв из нескольких БАО для решения непредвиденных задач.

С аэродрома Троицкое самолеты из-за плохой погоды не выпускались в воздух. Поэтому генерал Алексеев и несколько штабных командиров выехали в авиачасти на автомобилях. К счастью, радиотелефонная связь действовала бесперебойно. В войска 44-й армии, развившей наступление на Моздок, и в кавалерийские корпуса были заранее посланы оперативные

группы и авиационные представители. Это способствовало улучшению управления боем и взаимодействия авиации с сухопутными войсками.

К концу дня узнали: бои идут в Моздоке и севернее его. Наши штурмовики действуют парами, истребители из-за ненастья вынуждены оставаться на аэродромах.

3 января Северная группа войск начала преследование врага по всему фронту. Погода несколько улучшилась, и в воздух поднялись основные силы нашей авиации.

4 января был освобожден Нальчик. Гитлеровцы называли столицу Кабардино-Балкарии ключом к Кавказу. Этот ключ они потеряли навсегда.

В тот день наша армейская газета «Крылья Советов» вышла с передовой статьей «Военный врач». В ней, в частности, было сказано: «У нас есть немало врачей, начальников санслужб, которые образцово организовали работу в лечебных учреждениях, настойчиво борются за высокое качество медицинского обслуживания, проводят большую профилактическую работу. Особенно следует отметить таких товарищей, как военврач 3 ранга Назарова…»

Назарова предложила организовать дом отдыха в местечке Чишки. Но меня этот населенный пункт не устраивал. Я надеялся, что в освобожденных курортных городах, таких, как Пятигорск и Кисловодск, мы сможем развернуть дом отдыха санаторного типа. И еще одно соображение: местечко Чишки скоро останется в глубоком тылу и сообщение с ним сильно затруднится.

После разговора с Быковым я позвонил в Грозный начальнику санслужбы 28 РАБ М. Н. Полякову. Не мог обойти его, вызвать Назарову без согласования с ним.

Михаил Николаевич проявил понимание и объективность.

— Мне жаль лишаться хорошего работника, — сказал он. — Но раз нужно начальником дома отдыха поставить женщину, я бы тоже порекомендовал Эсфирь Марковну…

Я тут же поручил Алексееву вызвать Назарову в Моздок, куда переезжал штаб армии. Сам же вылетел в только что освобожденное Солдатское.

Наши танкисты ворвались в эту станицу внезапно. На расположенном рядом с ней аэродроме у штабелей авиабомб, снарядов и мин еще стояли немецкие часовые. Ошеломленные, они даже не сделали попытки взорвать склад боеприпасов.

В допросе пленных принял участие старший врач 464 БАО Чередниченко. Он выяснил, что не только среди местного населения, но и среди немецких солдат была высока заболеваемость сыпным тифом. Санслужба тотчас приняла меры к

дезинфекции помещений, отведенных истребительному авиаполку 229 иад. Я объявил военврачу 2 ранга Чередниченко благодарность за правильное понимание своей задачи.

Перелетев из Солдатского в Моздок, я увидел, что город сильно разрушен. Все крупные здания фашисты успели взорвать. Улицы были завалены грудами битого кирпича.

Железную дорогу уже принялись восстанавливать. Жители города, от которого фронт отодвинулся километров на шестьдесят, начинали приходить в себя. С помощью красноармейцев-саперов они расчищали завалы, ремонтировали мазанки. Уцелевшее население осталось в большинстве своем без крова и продуктов. Спешно приступали к работе медпункты гражданских органов здравоохранения.

Судя по всему, штабу 4 ВА не было смысла задерживаться в Моздоке. Наши сухопутные войска, наращивая удары, продвигались вперед.

Авиация противника не проявляла активности. Наши же бомбардировщики и штурмовики наносили удары по железнодорожной магистрали Минеральные Воды Армавир — Кропоткин, по немецким аэродромам в Невинномысске и Ставрополе, по узлам обороны врага на реке Кума. Особенно активно действовала 216-я смешанная авиадивизия генерал-майора авиации А. В. Бормана.

Батальоны аэродромного обслуживания неотступно следовали за наступающими войсками. Это позволяло авиационным полкам сокращать сроки подготовки к очередным боевым вылетам. Авиационные представители, находившиеся в сухопутных частях, быстро и четко передавали в свой штаб заявки их командиров, осуществляли контроль за действиями летчиков.

В те дни мы несли незначительные потери. С боевого вылета не вернулся Пе-2. Его сбили в районе Невинномысска. Летчики видели, как он падал, охваченный пламенем. Такая же участь постигла и ночной бомбардировщик У-2.

11 января войска 9-й и 37-й армий освободили Пятигорск, Железноводск, Минеральные Воды, Ессентуки.

Я прилетел в Минеральные Воды на У-2. Над городом висел дым. Чадили остатки пожаров. Отступая, гитлеровцы взорвали все здания санаториев, учреждений, школ. Осенью фашисты захватили находившиеся здесь эвакогоспитали Красной Армии, расстреляли всех медицинских работников и большую часть раненых. Больные образцовой краевой больницы были умерщвлены в душегубках.

Это дьявольское изобретение садисты впервые применили на Северном Кавказе. Автомобили-фургоны, в которых окись

углерода в течение 12–15 минут удушала жертвы, зачастую для маскировки были помечены красным крестом. Так фашисты надругались над эмблемой самой гуманной в мире службы. Я впервые услышал о душегубках здесь, в Минеральных Водах.

На санитарном самолете прилетела Назарова. С весны она несколько изменилась: лицо осунулось, морщинки как бы взяли в скобочки полные губы. Но большие темные глаза по-прежнему лучились.

— Здравствуйте, товарищ флагманский врач… Александр Николаевич! — улыбаясь, в своей «гражданской» манере приветствовала она.

— Здравствуйте, Эсфирь Марковна, — пожал я ей руку.

Мы договорились, что она тотчас же выедет в Ессентуки. Приказом начальника тыла хозяйственное обслуживание дома отдыха возлагалось на 70-ю комендатуру авиагарнизона.

— Когда встречать первых «курортников»? — спросила Назарова.

— Через два дня, — ответил я скорее в шутку, чем всерьез.

— Хорошо, — улыбнулась она.

К не оставлявшему меня чувству приподнятости, вызванному тем, что мы идем вперед и гоним захватчиков, примешивалась горечь. Настало время ликвидировать армейский хирургический лазарет в Дербенте. Он не был предусмотрен штатами.

Помощник начальника сануправления по ВВС ничем не мог нам помочь.

Авиационный хирургический лазарет между тем целиком и полностью оправдывал свое назначение. За четыре с половиной месяца в нем побывало на излечении 340 раненых и больных. Среди возвращенных в строй было 68 летчиков.

Командующий армией, которому я доложил обо всем, приказал перевести выздоравливающих раненых в лазареты БАО и искать пути для создания армейского авиационного госпиталя.

13 января Назарова прислала телефонограмму: «Дом отдыха санаторного типа готов к открытию». А ведь прошло всего два дня, как она уехала из Минеральных Вод. Значит, она работала без устали, не зная ни минуты покоя. Я позвонил начальникам санслужб авиадивизий и отдельных авиаполков: представить командирам частей списки летчиков, особенно нуждающихся в отдыхе.

Январь стоял метельный, низко над землей постоянно висели облака. Они сильно затрудняли полеты, а иногда делали их невозможными. Самолеты чаще всего вылетали на боевые задания небольшими группами, парами, а то и в одиночку. И все-таки авиация работала. В штаб непрерывно поступали сведения об

уничтоженных эшелонах противника, железнодорожных мостах, танках, орудиях, скоплениях автомашин.

20 января войска Северной группы освободили Невинномысск, 21-го Ставрополь, 23-го — Армавир. Горная и возвышенная местность осталась позади.

Нельзя поскупиться на добрые слова о батальонах аэродромного обслуживания! Новые аэродромы они готовили так быстро, что могло показаться — отступающий противник оставляет их в полном порядке. Между тем все постройки немцы взрывали или минировали, на взлетно-посадочных полосах оставляли крестообразные рвы. Понимали: в грязь и холод не так просто расчистить и подготовить новые площадки.

При освобождении Ставрополя большую помощь нашим войскам оказали партизаны. Они освободили от врага около 70 населенных пунктов, прилегающих к краевому центру. В городе действовали диверсионные группы. Когда 347-я стрелковая дивизия 44-й армии завязала бои на окраине Ставрополя, партизаны взорвали в центре города большой склад боеприпасов и вступили в вооруженную борьбу с гитлеровцами. К ним присоединились сотни рабочих предприятий.

О ставропольских партизанах мы слышали и раньше. Наши самолеты частенько бомбили вражеские объекты по их сигналам с земли. В 8-м отдельном полку гражданской авиации летчик П. Савельев как-то рассказал мне, что за 20 вылетов в район Ставрополя его Ан-9 перевез больше 150 партизанских организаторов. Это были люди разного возраста, в основном местные жители. Штаб партизанского движения на Ставропольщине возглавлял М. А. Суслов. Вспоминая августовский день, когда мы покидали Ставрополь, я и поныне восторгаюсь исключительным патриотизмом советских людей и изумительной способностью партии организовать непримиримую борьбу с оккупантами.

24 января Ставка Верховного Главнокомандования вывела Северную группу войск из состава Закавказского фронта и преобразовала ее в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. Командующим был назначен генерал-лейтенант И. И. Масленников (с 30 января — генерал-полковник).

Новый фронт получил задачу основными силами нанести удар на Краснодар, выйти на побережье Азовского моря и вместе с Черноморской группой Закавказского фронта окружить и уничтожить северокавказскую группировку противника. Он также должен был помочь Южному фронту отрезать пути отхода врагу через Ростов, и овладев Батайском и Азовом.

4-я воздушная армия, пользуясь улучшением погоды, усилила

боевые действия. Особенно много боевых вылетов совершали летчики 230-й штурмовой авиадивизии подполковника С. Г. Гетьмана.

Широко известным стал успех лейтенанта С. И. Смирнова и младшего лейтенанта В. С. Слепова. 26 января они штурмовали станцию Малороссийская. В это время там находилось четыре эшелона с боеприпасами и горючим. Пожар, сопровождаемый взрывами, уничтожил не только железнодорожные составы, станционные сооружения также были разрушены. Мобилизовав местное население, фашисты стали строить железнодорожное полотно, но закончили эту работу только 30 января. В тот же день станция была занята нашими войсками.

За боевые подвиги в ходе январских операций 8-й истребительный (командир подполковник Я. А. Курбатов), 131-й истребительный (командир майор В. И. Давидков), 588-й ночной легкобомбардировочный (командир майор Е. Д. Бершанская) и 590-й штурмовой (командир подполковник А. Д. Соколов) авиационные полки были преобразованы соответственно в 42, 40, 46 и 43-й гвардейские авиаполки. Это было для всех праздником.

В первых числах февраля Северо-Кавказский фронт в районах Ейска и Новобатайска вышел к Азовскому морю, проделав за месяц наступления шестисоткилометровый путь. 44-я армия и конно-механизированная группа убыли в состав Южного фронта для действий на ростовском направлении.[3]

Вместе с Черноморской группой Закавказского фронта наши войска, повернув на запад, завязали бои за Краснодар. Еще 28 января был освобожден город и железнодорожный узел Кропоткин. Вскоре пал крупный опорный пункт обороны противника Усть — Лабинская.

4-я и 5-я воздушные армии оказались в одном районе боев. На подступах к Краснодару они действовали с большим напряжением.

После жестоких боев наши войска 12 февраля освободили краевой центр. В тот же день севернее его был взят железнодорожный узел Тимошевская.

Если очертить на карте низовья Кубани, то есть провести линию от Ачуева на берегу Азовского моря, через Славянскую и Абинскую и закончить ее чуть южнее Новороссийска, — это и будет та территория, которая оставалась в руках гитлеровцев.

С начала января продвижение наших войск ускорилось. В этих условиях стало намного труднее оказывать медицинскую помощь раненым летчикам, совершившим посадку вне своих аэродромов. Розыском их занимались старшие врачи авиаполков при непосредственном участии медицинского состава ПМА. Для

этой цели использовались прежде всего средства связи, имевшиеся в авиаполках и авиадивизиях (телефон, радио, телеграф). Постоянное наблюдение за воздухом вели дежурные медики и военнослужащие постов ВНОС. Кроме того, мы получали сведения от летных экипажей, возвращавшихся с боевых заданий.

Хуже обстояло дело с розыском и эвакуацией раненых летчиков, приземлявшихся вблизи переднего края. Чаще всего они попадали в общевойсковые эвакогоспитали, и мы теряли их из поля зрения. В феврале такие «потери» составляли свыше 20 процентов общего количества раненых летчиков.

Понадобилось бы много места, чтобы перечислить все аэродромы, на которых я побывал в период, когда наши войска преследовали противника. В те дни одной из важнейших задач медицинской службы авиации было повседневное изучение количества и причин потерь среди раненых из числа летного состава. Это требовалось для того, чтобы правильно определить объем медицинской помощи на этапах эвакуации, сделать точный расчет сил и средств, необходимых для ее оказания.

С начала войны данные показывали, что в авиации ранения в голову у летного состава наблюдаются в два-два с половиной раза, а в позвоночник в три-три с половиной раза чаще, чем в сухопутных войсках. Чаще поражаются и нижние конечности. Пулевые ранения преобладали у штурманов, осколочные — у стрелков-радистов. Последние превалировали над первыми. Это отмечалось и в наземных войсках. Примерно восемь процентов боевых санитарных потерь составляли ожоги от загорания самолета в воздухе. На каждые 100 летчиков, раненных и пострадавших при авариях, приходилось примерно 20–23 ранения с повреждением костей. Остальные имели ранения мягких тканей.

Тщательный анализ этих данных был необходим не только для определения обязательного объема хирургической помощи в лазаретах БАО и АХЛ. Он требовался и для проведения мероприятий по улучшению рабочих мест, и для принятия мер по уменьшению боевых потерь среди летного состава. Медицинская служба вносила предложения по распределению бронезащиты кабин и оборудованию рабочих мест пилотов, некоторые из них были приняты конструкторами самолетов.

Слабо бронированные и недостаточно маневренные «бостоны» давали наиболее высокий процент потерь. В кабине воздушного стрелка нашего весьма надежного штурмовика колпак ограничивал обзор, недостаточно прочно было укреплено сиденье, что нередко приводило к ушибам при пикировании и

разрыве артиллерийских снарядов под самолетом. При вынужденной посадке воздушный стрелок часто ударялся затылком о броне-спинку кабины летчика. У воздушного стрелка были слабо защищены голова и руки, а также ноги. На истребителях близкое расположение прицела часто являлось причиной травмы лица и головы при вынужденной посадке. Плечевые ремни стесняли свободу движений летчика и затрудняли обзор.

По настоянию врачей воздушные стрелки на Ил-2 и Пе-2 стали пользоваться металлической каской и специальными нагрудными щитками. Однако вскоре выяснилось, что при выводе самолета из пикирования и возникновения трех-четырехкратных перегрузок эта защита весом всего один килограмм давила на голову с такой силой, что защитник задней полусферы заметно терял подвижность. А это качество при отражении атак истребителей имело решающее значение. Видимо, надо было находить иные средства защиты головы и туловища стрелка от осколков.

Приходилось вновь и вновь требовать от летчиков-штурмовиков, чтобы на выполнение боевых заданий они летали в перчатках и масках. При необходимости покинуть самолет эта защита предохраняла их от ожогов.

Вскоре после введения новых знаков различий (правда, погоны до нас еще «не дошли») военных врачей приравняли в званиях к строевым командирам, и я стал майором медицинской службы. В обиходе обращались просто «товарищ майор».

В конце февраля я наконец смог вырваться в Ессентуки. Из рапортов знал, что армейский дом отдыха летного состава работает неплохо. Беседовал с летчиками, уже побывавшими там. Впечатление у них оставалось хорошим.

Наш У-2 приземлился возле парка, в глубине которого стоял особняк, выбранный Назаровой. Теперь он был обставлен мебелью, в гостиной стоял рояль. Эсфирь Марковна установила тесный контакт с местными властями. На коллективных началах с городскими органами здравоохранения она пустила в ход так называемые Нижние ванны. Наряды на нефть получила в горисполкоме, а транспорт и людей для подвозки топлива вытребовала в комендатуре ВВС. Ваннами пользовались также раненые ессентукских госпиталей.

Условия для отдыха и лечения летного состава были созданы прекрасные. По вечерам устраивались концерты, работала библиотека. Семейную теплоту, непринужденность, радушие и доброжелательность ощущали прибывающие сюда авиаторы.

Оказывается, Назарова сама недурно играла на рояле и пела.

Летчики любили ее слушать. Но чаще за инструмент садилась искалеченная фашистами девушка, в сорок первом году эвакуированная из Ленинграда, филолог по образованию, Людмила Пассек. Нередко она исполняла произведения Листа, Шопена, Чайковского. Назаров» привлекла ее к работе в доме отдыха.

Рассказывали, что первые приехавшие на отдых летчики, увидев девушку на костылях, в стоптанных ботинках и истрепанном платье, тайком пустили «шапку по кругу». На другой день с помощью Эсфири Марковны она была прилично одета.

Эсфирь Марковна поделилась со мной большой радостью: ее приняли в кандидаты ВКП(б). Одну из рекомендаций ей прислал М. Н. Поляков.

Начальником дома отдыха летного состава 4-й воздушной армии Э. М. Назарова осталась до конца войны.[4]

В Ессентуках я посетил ряд общевойсковых эвакогоспиталей с целью найти такой, при котором можно было бы создать авиаотделение.

На славянском направлении, западнее Краснодара, шли ожесточенные бои, но без особого успеха. Противник прекратил эвакуацию войск и усилил сопротивление. Разведка доносила, что фашисты перебрасывают сюда из Крыма новые части. Видимо, они решили любой ценой удерживать низовья Кубани и Таманский полуостров как исходный район для будущих наступательных действий.

Отроги Главного Кавказского хребта в полосе наступления Черноморской группы войск, обширные плавни и другие естественные препятствия позволяли противнику создать прочную оборону. Основой ее была станица Крымская. По данным воздушной разведки, фашистские войска впервые на Кавказе рыли противотанковые рвы, траншеи, окопы, возводили различные сооружения. Для земляных работ они пригнали сюда тысячи мирных жителей.

Было ясно, что, не располагая на кубанском плацдарме достаточными силами сухопутных войск, противник постарается усилить свою авиацию. Тылы 4-й воздушной армии в ускоренном порядке подтягивались к району боевых действий.

Мне передали, что головной авиационный склад № 1971 прибыл и расположился недалеко от Усть-Лабинской. Я получил возможность позвонить жене.

Позже я узнал, что Шура добиралась из Чир-Юрта с горькими приключениями. Из-за больного офицера она вынуждена была задержаться на старом месте. Вместе с ней остался санитар Переверзев. Через несколько дней, когда больной встал на ноги,

они уложили в вещевой мешок медикаменты, кое-какие продукты и втроем отправились на железнодорожную станцию. Несколько километров шли по густой грязи. Добрались наконец и попытались сесть в воинский эшелон, шедший в сторону фронта. Офицер с большим трудом втиснулся в переполненную теплушку и передал внутрь вагона Инну. В другую теплушку влез Переверзев. Шура смогла лишь встать на подножку тамбура и уцепиться за поручни. Когда состав тронулся и набрал скорость, ледяной ветер стал срывать ее с подножки. Кто-то крикнул: «Не удержитесь! Прыгайте вперед по ходу поезда!» Она разжала пальцы и прыгнула.

К счастью, упала в снег, который ослабил силу удара. Шапку не смогла найти, пуговицы с шинели отлетели. Колени были в крови. Вернулась на станцию и разорванной рубашкой перевязала разбитые колени. Начальник станции сказал, что эшелон обязательно остановится в Минеральных Водах. Туда дали телеграмму, описав приметы дочери.

Шуре с большим трудом удалось упросить железнодорожную милицию посадить ее на паровоз. Приехав в Минеральные Воды, она поспешила в здание вокзала. В помещении в полной темноте — света не было — вповалку лежали люди. Инна на зов не отзывалась. Ее нашли в комнате милиции, она спала на шинели Переверзева на цементном полу. Проснувшись и увидев мать, она первым делом пожаловалась: «Я потеряла валеночек!» Одного валеночка на ногах у нее не было.

Из Минеральных Вод не могли уехать три дня. Продукты кончились, аттестата с собой они не имели.

Наконец сели в вагон, прицепленный к составу с цистернами. Соседство, что и говорить, «веселое». Но до Усть-Лабинской добрались благополучно. Не успели прибыть в расположение части, как поступил приказ: врачу вернуться на станцию. Немецкие «юнкерсы» совершили налет и взорвали тот самый эшелон с горючим…

Вскоре Шура получила назначение на должность начальника лазарета 439 БАО.

Наступала весна. Быстро сходил снежный покров, обнажались руины, разбитая немецкая военная техника, неубранные трупы людей и лошадей. Специальные воинские команды с помощью населения энергично начали санитарную очистку местности.

Глава пятая
Бои за Кавказ

За время хозяйничанья фашистов только в Ставропольском крае было полностью выведено из строя 96 больниц, 12 крупных амбулаторий, 15 производственных медучастков, 12 родильных домов. Частичному разрушению подверглось свыше двухсот лечебных учреждений. Особенно пострадала противоэпидемическая служба. Все 25 ее станций были уничтожены, из 10 санитарно-гигиенических лабораторий уцелело две. Из 62 противомалярийных станции не осталось ни одной.

Оккупанты бросили на произвол судьбы огромное количество сыпнотифозных больных как в лагерях военнопленных, так и среди гражданского населения. В феврале в Моздоке было зарегистрировано 76 заболеваний сыпным тифом, в Армавире — 178; в марте: в Ладожской — 552, в Кропоткине — 2000. В самом Ставрополе, в городах и селах Краснодарского края также была выявлена масса людей, пораженных этой болезнью.

В первый год войны при перебазировании авиаполков и БАО эпидемиологическая разведка поручалась обычно одному из фельдшеров. Теперь ею непременно занимался врач. Он включался в передовую команду, которую командир части направлял в район нового расположения. Она же устанавливала пригодность летного поля для ведения боевой работы, наличие жилья и т. д. Результаты эпидразведки немедленно докладывались медицинскому начальнику, командиру части и далее начальнику санслужбы РАБ. Последний суммировал все сведения и представлял их флагманскому врачу воздушной армии. А тот, обобщив данные эпидразведки по ВА, передавал их начальнику эпидотдела санитарного управления фронта.

Реальная обстановка и объем противоэпидемической работы обязывали иметь штатные должности эпидемиологов в санслужбе РАБ и медотделе ВА. Но их пока не было.

За районом базирования частей и в дальнейшем проводилось постоянное эпидемиологическое наблюдение. Командование армии с исключительной твердостью поддерживало усилия медсостава.

Ежедневно в частях проводился профилактический осмотр. О его результатах старшие врачи доносили дивизионным врачам или начальнику санслужбы РАБ. Я и мой заместитель, бывая на аэродромах, также производили контрольные осмотры, о чем

докладывали заместителю командующего армией по политчасти. Однажды на основании моего доклада появился приказ по армии о предании суду военного трибунала командира БАО за невыполнение распоряжения — произвести в течение суток санобработку личного состава. Хотя, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства, командира БАО не судили, а лишь наказали в дисциплинарном порядке, этот факт стал весьма поучительным для некоторых офицеров.

Командиры частей твердо усвоили, что, несмотря на трудности, связанные с размещением личного состава (нехватка жилого фонда, скученность и завшивленность гражданского населения и т. д.) и организацией банно-прачечного обслуживания, санитарную обработку необходимо проводить регулярно и своевременно, что педикулез является чрезвычайным происшествием, за появление которого виновный несет строгую ответственность.

Большую роль в борьбе с сыпным тифом сыграло строительство в частях ВА примитивных бань и использование простейшей дезинфекционной техники. В январе — марте было помыто 160 100 человек, продезинфицировано 35 470 комплектов обмундирования.

В конце 1942 года были созданы обмывочно-дезинфекционные отделения (ОДО) для санобработки летного и технического состава на передовых аэродромах. А в дни наступления при управлениях РАБ появились и прачечные отряды. Штатно-организационная структура этих спецподразделений не позволяла делить их по числу БАО, входивших в состав данного РАБ. Она была рассчитана на то, что белье для стирки доставляется в отряд из батальонов. Но вскоре мы разделили спецподразделения на группы, которые придали БАО. Ведь многие из них находились слишком далеко от управления РАБ. Работа в прачотрядах производилась вручную, механического оборудования они не имели.

В январе было развернуто четыре ОДО, в феврале и марте — по пять. Соответственно по месяцам в них помыто свыше 16, 17 и 19 тысяч человек, как правило с дезинфекцией обмундирования.

Санитарная служба 4-й воздушной армии значительное внимание уделяла оздоровлению гражданского населения в местах базирования авиационных частей. Всюду, где это было возможно, противоэпидемические мероприятия осуществлялись в контакте с местными органами здравоохранения. Правда, на освобожденной территории они еще только создавались. Вся тяжесть работы ложилась на санслужбу БАО, авиадивизий, РАБ.

У меня сохранились любопытные данные за 1943 год. Из них

видно, что санслужбой отдельных частей ВА и РАБ было проделано следующее: санобработкой охвачено 11870 человек гражданского населения; ликвидировано 217 сыпнотифозных очагов; эвакуировано 450 больных; построено два сыпнотифозных барака и 24 изолятора; сделано 1073 прививки гражданскому населению. Большая часть этой работы осуществлена зимой и весной.

Весна усилила угрозу желудочно-кишечных инфекций. Всему личному составу были сделаны прививки поливакциной НИИСИ. Благодаря ей организм приобретает иммунитет сразу против нескольких инфекций. Одновременно проводился комплекс санитарно-противоэпидемических мероприятий: выявление и госпитализация больных, обеззараживание очагов заболевания, изоляция лиц, находившихся в контакте с больным, и т. д. Тщательно очищалась территория от мусора и органических отбросов, был установлен неусыпный контроль за питанием и водоснабжением.

Для пищевых блоков отводились лучшие из имевшихся помещений, а в случае отсутствия таковых — лучшие землянки. В одном из приказов командующего 4-й воздушной армией была записана очередность распределения жилого и нежилого фонда:

«Во всех случаях перебазирования летных и наземных частей на новое место дислокации… наилучшие помещения предоставлять в первую очередь для развертывания медицинской службы, пищевых блоков и размещения летного состава…»

Нас тревожила и опасность заболевания малярией. Кавказ и Кубань изобиловали водоемами, рассадниками малярийного комара.

С момента базирования частей ВА на Кавказе был разработан план мероприятий по борьбе с малярией, в основу которого легла химиопрофилактика здоровых людей.

Осенью 1942 года мы провели обследование всего личного состава армии с целью выявления лиц, переболевших малярией. Надо сказать, что лишь немногие врачи БАО владели методами лабораторных исследований, в частности анализа крови на присутствие малярийных плазмодиев. Пришлось в процессе работы обучать их методике проведения простейших анализов. С предельной нагрузкой использовались лаборатории госпиталей сухопутных войск. Все активные малярики госпитализировались. Проводилось долечивание лиц, переболевших малярией в прошлом (в течение предшествующих двух лет). Они были взяты на персональный учет.

Командиров частей вновь предупредили о необходимости окуривать жилые помещения, чтобы уничтожить комаров,

закрывать окна сетками, в комнатах или землянках распылять пиретрум. В районе расположения частей ВА проводилось нефтевание или поливка отработанным авиационным маслом анофелогенных водоемов и опыление их с самолетов.

Эти несколько затруднительные для чтения страницы я обязан был написать, чтобы читатель полнее представил тот огромный объем работы, который выполнялся санслужбой армии. Ежечасная неутомимая деятельность нашего медсостава по борьбе с эпидемиями принесла ощутимые результаты: небоевые санитарные потери у нас составили не более 0,05 % всех санитарных потерь.

В первых числах марта при эвакогоспитале № 5294, развернутом в Ессентуках на базе бывшего санатория Красной Армии, мы организовали авиационное отделение. Оно, конечно, тоже было нештатным. 11 марта туда уже поступили первые раненые и больные. Ведущим хирургом назначили майора медицинской службы Кушева, специалиста с восемнадцатилетним стажем самостоятельной работы; вторым хирургом стал майор медицинской службы Ильницкий, имевший шестилетний стаж.

Март для нас ознаменовался тяжелыми, но малорезультативными боями по прорыву немецкой обороны. По указанию Ставки Верховного Главнокомандования Северо-Кавказский фронт приостановил наступление. Войска пополнялись живой силой и техникой, боеприпасами и горючим. Управление Черноморской группы войск было расформировано. Ее командующий генерал-лейтенант И. Е. Петров стал начальником штаба фронта (с 13 мая — командующим фронтом).

Авиация, однако, не знала передышки. Наоборот, воздушная обстановка к началу апреля характеризовалась увеличением напряженности борьбы за господство в воздухе.

На аэродромах Таманского полуострова и Крыма противник сосредоточил до 1000 самолетов своего 4-го воздушного флота. По данным разведки, половину этого количества составляли бомбардировщики и четвертую часть — истребители. Здесь находились первоклассные истребительные эскадры: «Удет», «Зеленое сердце», «Мельдерс». Для действий на Кубани противник мог также привлечь часть сил своей авиации, находившейся на юге Украины и в Донбассе.

Превосходство в силах было на стороне врага. ВВС Северо-Кавказского фронта, включая авиагруппы Черноморского флота и авиации дальнего действия, имели около 600 самолетов. В 4-й воздушной армии к началу апреля их насчитывалось 250.

Фашисты хотели задержать нашу авиацию на раскисших аэродромах. В Краснодаре они взорвали бетонированную взлетно-

посадочную полосу. В проведении восстановительных работ нам активно помогали местные жители. Они носили с развалин битый кирпич, засыпали воронки и утрамбовывали их.

На краснодарском аэродроме базировались бомбардировщики, штурмовики и истребители. Его надежно прикрывали многочисленные зенитные батареи.

Командование армии поставило задачу разыскать и, если возможно, отремонтировать подбитые самолеты. Помнится, было найдено около тридцати Ил-2. Часть их удалось вернуть в строй.

Наши летчики показывали высокие образцы боевого мастерства, мужества и взаимной выручки.

В ессентукский авиагоспиталь санитарным самолетом доставили раненого штурмана 7-го гвардейского штурмового авиаполка майора Н. Галущенко. Его спасли боевой товарищ и местный житель.

Галущенко повел группу Ил-2 штурмовать железнодорожную станцию Крымская. Из полета он не вернулся. Летчики доложили командиру, что ведущий перетянул через линию фронта и упал где-то в лесистом районе. Взрыва они не видели.

Искать Галущенко на связном У-2 полетел капитан В. Емельяненко.[5] Он долго кружил над лесом, но внизу ничего не смог разглядеть: солнце уже садилось. Пролетая над проселочной дорогой, Емельяненко заметил подводу. Возница замахал ему руками. У-2 сел возле дороги. В телеге оказался раненый Галущенко.

Ранение было тяжелым. Снаряд «эрликона» пробил ему левую ногу. У майора достало сил лишь для того, чтобы перетянуть ее выше раны ремешком от планшета.

В лазарете БАО хирург извлек из раны обрывки стальных тросов управления. Через час самолет санитарного звена с раненым на борту уже держал курс на Ессентуки.

28 марта фронту снова была поставлена задача на наступление. Оно началось 4 апреля. Для общего руководства и координации действий авиации Северо-Кавказского и соседних Южного и Юго-Западного фронтов в Краснодар прибыл представитель Ставки командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А. А. Новиков.

Шли проливные дожди. Многочисленные притоки Кубани вышли из берегов. Все дороги были размыты и залиты водой. В этих условиях наступление не могло набрать силу. Солдатам нередко приходилось преодолевать вброд заболоченные участки. Боеприпасы доставлялись на руках. Танки не имели возможности поддержать пехоту.

Лишь в полосе 56-й армии удалось подойти к станице

Крымская. Но противник контрударом потеснил наши части, а утром 15 апреля перешел в контратаку и на других участках. Его наступление мощно поддерживала авиация. В этот день было отмечено 1560 самолетовылетов противника. Такой массированный авиационный удар заставил нашу артиллерию замолчать, а пехоту — залечь.

Фашистское командование боялось потерять Крымскую. Кроме того, оно хотело высвободить силы для ликвидации нашего плацдарма на мысе Мысхако, южнее Новороссийска.

17 апреля фашистские самолеты обрушились на Мысхако. Позднее из захваченных штабных документов противника стало известно, что в авиационном налете на Малую землю в тот день участвовало 1074 вражеских самолета.

20 апреля противник повторил попытку ликвидировать малоземельский плацдарм. Но и она окончилась крахом.

Важную роль в отражении всех атак противника сыграла наша авиация. Боевые действия авиации обеих сторон в районе Мысхако достигли наивысшего напряжения 20 апреля.

С нашей стороны в этот день впервые была введена в бой часть сил прибывших авиакорпусов РГК, что позволило в течение дня нанести два массированных удара по боевым порядкам пехоты и артиллерии противника перед фронтом десантной группы. После этих ударов противник приостановил свое наступление.

Боевые действия нашей авиации оказались в этот день весьма успешными.

В последующие дни, 21–23 апреля, мощь ударов нашей авиации по врагу еще более возросла за счет продолжавшегося увеличения вводимых в действие сил трех авиакорпусов РГК. 23 апреля от этих корпусов участвовало в боевых действиях уже около 300 самолетов, что позволило изменить общее соотношение сил по авиации в районе Мысхако в нашу пользу.

Если с 17 по 20 апреля отмечалось от 1000 до 1250 самолето-пролетов противника и он действовал группами по 30-40-60 бомбардировщиков, то уже 21–22 апреля количество его самолето-пролетов уменьшилось вдвое».

Боевые действия нашей авиации по поддержке десантной группы были поучительны также и тем, что здесь в ограниченном районе действовали силы двух воздушных армий и ВВС Черноморского флота (командующий генерал В. В. Ермаченков). В связи с этим большое внимание уделялось организации взаимодействия между воздушными армиями, видами и родами авиации. Появилась необходимость организации управления истребительными авиационными частями обеих воздушных

армий с одного командного пункта. Предусматривалась передача в оперативное подчинение командующего 4-й воздушной армией некоторых истребительных авиационных полков 5-й воздушной армии.

Для управления всей авиацией в районе станции Абинская был развернут вспомогательный пункт управления ВВС фронта, размещавшийся совместно с командным пунктом фронта. Кроме того, вспомогательные пункты управления были созданы в 4-й и 5-й воздушных армиях.

В начале апреля с целью обеспечения более надежного и централизованного управления авиацией двух воздушных армий был создан штаб ВВС Северо-Кавказского фронта. Командующим ВВС фронта назначили генерала К. А. Вершинина.

Помню тот день, когда по вызову А. Д. Вайнштейна (он вновь занял должность помощника начальника сануправления фронта по ВВС, сменив П. К. Быкова) я прилетел в Абинскую.

На аэродроме меня предупредили, что на КП находятся заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков и командующий ВВС маршал авиации А. А. Новиков. Представители Ставки вникают во все детали работы авиации фронта. Вайнштейн хотел иметь под рукой флагманских врачей воздушных армий на случай, если ему придется отвечать на вопросы маршала Г. К. Жукова о медицинском обеспечении боевых действий.

Новиков нередко бывал в штабе 4 ВА. Жукова я увидел впервые. Невысокий, коренастый, с волевым лицом, в темно-коричневом кожаном реглане, он производил сильное впечатление.

Генерал Вершинин нашел минуту, чтобы обратиться ко мне с дружескими словами. Со свойственной ему простотой он протянул мне руку и спросил, утвержден ли я Главсанупром флагманским врачом. Я ответил, что утверждение состоялось еще в феврале. Тогда он, сощурив глаза, шутливо поинтересовался, сажусь ли за штурвал самолета. Чтобы не подводить летчиков, которые при полетах на небольшие расстояния иногда соглашались занять место во второй кабине, я тоже шутливо ответил: «Нет! Куда мне!»

Контраст с К. А. Вершининым, свободно державшимся в присутствии Г. К. Жукова, командующего фронтом и генералов из Генштаба (среди них был С. М. Штеменко), составлял наш командарм Н. Ф. Науменко. Постоянно суровый, внешне несколько похожий на маршала, с такой же ложбинкой на крутом подбородке, он был строго официален, не позволял себе ничего лишнего — ни слова, ни жеста.

Николай Федорович был человеком сложным, иногда трудным для окружающих. Войну он встретил в должности заместителя командующего ВВС Западного Особого военного округа. В первые же два дня боев почти вся авиация здесь была уничтожена, и в основном на аэродромах. Командующий ВВС округа Герой Советского Союза генерал И. И. Копец, отличившийся в Испании и в войне с белофиннами, потрясенный этим, застрелился. На плечи полковника Науменко легла исключительно сложная проблема — собрать остатки авиационных частей и организовать их боевую деятельность. Проявив твердую волю и мужество, он сумел решить эту задачу. Кстати, Науменко помог становлению первого в военно-воздушных силах Красной Армии штурмового авиационного полка, получившего на вооружение самолеты Ил-2. Заместителем командира, вскоре принявшим полк, был майор Гетьман, теперь командир дивизии в нашей армии. В его авиадивизию входил и первый полк «илов» — 4-й штурмовой, теперь 7-й гвардейский. Только с полковником Гетьманом генерал был на «ты», в то же время предъявляя к его соединению повышенные требования.

Представители Ставки Верховного Главнокомандования с флагманскими врачами не беседовали. Но я был доволен, что увидел Г. К. Жукова. Кроме того, имел возможность поговорить о насущных делах с начальником санитарного управления фронта генерал-майором медицинской службы Н. И. Завалишиным и полковником медицинской службы А. Д. Вайнштейном.

Вскоре — в конце апреля и первых числах мая — над Кубанью разыгралось воздушное сражение, которому суждено было стать крупнейшим в истории Великой Отечественной войны. В это время в составе Северо-Кавказского фронта осталась всего одна 4-я воздушная армия. Передав нам свои боевые части (265 самолетов), управление 5-й воздушной армии по решению Ставки убыло в район Курска, на Степной фронт.

29 апреля 56-я армия (командующий генерал-лейтенант А. А. Гречко) начала новое наступление на Крымскую. Накануне вражеская авиация пыталась бомбить боевые порядки советских войск. Наши истребители сбили 25 фашистских самолетов, потеряв 18 своих.

Наступлению 56-й армии предшествовала авиационная подготовка, которая переросла в авиационную поддержку. Три часа над полем боя действовали 144 бомбардировщика, 82 штурмовика и 265 истребителей.

В первый же день воздушное сражение достигло огромного накала. Наши летчики произвели тогда 1268 вылетов. Истребители сбили 74 вражеских самолета. В последующие дни

напряжение борьбы в районе Крымской еще более возросло. Ежедневно происходило до 40 воздушных боев, в каждом из которых одновременно участвовало с обеих сторон по 50–80 самолетов.

Наши бомбардировщики и штурмовики в это время эффективно поддерживали свои сухопутные войска, наступающие на узком участке фронта. Группы самолетов 2-го бомбардировочного авиационного корпуса, которым командовал генерал-майор авиации В. А. Ушаков, 3 мая подавляли артиллерию противника, обеспечивая продвижение нашей пехоты и танков, прорвавших вражеские укрепления южнее Крымской. Штурмовики 2-го смешанного авиакорпуса, которым командовал генерал-майор авиации И. Т. Еременко, содействовали успешному вводу в прорыв танковой группы. В течение четырех дней, пока осуществлялся прорыв неприятельской обороны, бомбардировщики и штурмовики совершили 2243 самолето-вылета.

Все силы 4-й воздушной армии действовали в интересах 56-й армии, наступавшей в полосе шириной 15 километров. 4 мая станица Крымская была освобождена от гитлеровцев.

Покрышкин и братья Глинки, Зуб и Демидов, Гашева и Пасько, Семенишин и Речкалов, Фадеев и Смирнов, Голубев, Чечнева, Емельяненко и Сивков, сотни других летчиков и штурманов в этих воздушных сражениях покрыли себя неувядаемой славой.

С командного пункта нашей армии, находившегося под Абинской, можно было наблюдать, как почти каждые десять минут на землю падал сбитый вражеский самолет… Вот какими ожесточенными были воздушные схватки!

Поскольку отпала необходимость обеспечивать управление двумя воздушными армиями, штаб ВВС фронта расформировали. Генерал-лейтенант авиации К. А. Вершинин вновь вступил в командование 4 ВА.[6]

Главной заботой санитарной службы армии в этот период были быстрый розыск самолетов, совершивших вынужденную посадку вблизи переднего края, оказание медицинской помощи раненым летчикам и незамедлительная эвакуация их в тыл. Для выполнения этой важной задачи мы решили организовать этапы эвакуации, начиная от переднего края.

Управление авиацией над полем боя осуществлялось с помощью радиостанций наведения. Одни из них обеспечивали истребителей, другие — штурмовиков. Каждая авиадивизия имела свою главную радиостанцию и ряд вспомогательных, расположенных в непосредственной близости от переднего края.

Некоторые авианаводчики находились в боевых порядках частей, совершавших прорыв.

Главные радиостанции соединений подчинялись главной радиостанции наведения и управления воздушной армии и включались в радиосеть командарма. Располагались они, как правило, поблизости от командных пунктов наземных войск. Это позволяло держать бесперебойную связь со всеми частями и подразделениями данного соединения. Мое давнее стремление использовать радиостанции наведения и управления для точного определения места вынужденной посадки самолетов и принятия срочных мер медицинской помощи экипажам теперь осуществилось.

Вблизи каждой радиостанции наведения был организован медицинский пост. Он состоял из фельдшера и шофера с автомашиной. Связь с наземными частями осуществлялась но телефону.

Следующим этапом эвакуации был армейский хирургический лазарет, развернутый на передовом аэродроме в хуторе Новошкольный, что в семи километрах от Абинской. Базой ему послужил лазарет 524 БАО, специально перемещенный в этот район. Он был усилен людьми и необходимыми средствами за счет других батальонов аэродромного обслуживания. Сюда эвакуировались раненые летчики, попавшие в общевойсковой поток эвакуации. Их «вылавливали» медицинские распределительные посты (МРП) наземных армий, организованные начальником санитарного управления фронта генерал-майором медицинской службы Н. И. Завалишиным и главным хирургом полковником медицинской службы профессором П. Л. Сельцовским.

При отсутствии противопоказаний для эвакуации в авиагоспиталь все раненые летчики после оказания им неотложной врачебной помощи из армейского хирургического лазарета эвакуировались в Ессентуки. А те, что «проскакивали» МРП, попадали в один из эвакогоспиталей Краснодара. Оттуда их также отправляли в Ессентуки санитарными самолетами.

Этапы эвакуации особенно четко начали действовать со второй половины мая. Если в апреле санслужбами БАО и авиадивизий было подобрано вне аэродромов 20 % раненых летчиков, а наземными войсками — 22 %, то в мае и в последующие летние месяцы медицинские посты подбирали почти всех пострадавших авиаторов.

Соотношение боевых санитарных и безвозвратных потерь, как и в 1942 году, было приблизительно один к трем. Весной наши авиачасти понесли особенно большой урон в летном составе. И

все же господство в воздухе над Кубанью и Таманским полуостровом было завоевано.

В конце мая и начале июня противнику снова удалось сосредоточить против Северо-Кавказского фронта огромное количество самолетов — до 1400. На земле и в воздухе шло сражение за горные отроги, прикрывавшие Голубую линию мощный рубеж вражеской обороны. Атаки своих наземных войск фашисты поддерживали бомбовыми ударами с воздуха. Группы бомбардировщиков насчитывали до 100 самолетов. Временно инициатива в воздухе опять перешла к противнику. Но это продолжалось недолго. В приказе Военного совета фронта от 21 июня было сказано: «В результате воздушных сражений победа, бесспорно, осталась на нашей стороне. Противник не добился своей цели. Наша авиация не только успешно противодействовала врагу одновременно вынудила немцев прекратить воздушные бои и убрать свою авиацию».

Медицинская служба 4-й воздушной армии в основном справилась с обеспечением боевых действий. Полностью оправдала себя работа медпостов при радиостанциях наведения и управления. Хорошо действовали этапы эвакуации раненых. Врачебная помощь в 89 % случаев оказывалась в первые два часа. С 11 марта по 1 июля ессентукский авиагоспиталь принял 227 раненых и больных. Из них 99 человек были в тяжелом состоянии.

В июле в связи с большой удаленностью ессентукского авиагоспиталя от частей воздушной армии (около 400 км) и тем, что перебазировать его было нельзя, раненых авиаторов стали частично эвакуировать в Краснодар в ЭГ № 3219. Позднее — в ЭГ № 2151, где мы организовали авиаотделение.

Выбрав подходящий день, я посетил сануправление фронта. Гам встретился с А. Д. Вайнштсйном и заместителем начальника СУФ полковником медицинской службы А. Е. Соколовым.

С весны 1942 года я видел Андрея Ермолаевича всего один раз, вскоре после освобождения станицы Крымская. Прилетев в Краснодар, я порадовался тишине и спокойствию в городе, который уже начал отстраиваться. Когда вошел в здание, где размещалось санитарное управление, и стал подниматься по лестнице, услышал сигналы воздушной тревоги. Но они показались мне несерьезными после всего того, что довелось увидеть и испытать под Крымской.

Бывший флагманский врач ВВС Одесского военного округа, а затем начальник санитарного отдела 37-й армии Андрей Ермолаевич Соколов работал теперь в санупре фронта. Я заглянул к нему. Встреча была теплой. Все такой же вежливый и внимательный, Андрей Ермолаевич всем своим видом располагал

к обстоятельному разговору. Я не преминул воспользоваться случаем и попросил выдать с фронтовых складов кое-какое медицинское имущество. Все мои заявки он тут же подписал.

Вдруг загремели взрывы, здание задрожало, стекла из окон посыпались на пол. Не прерывая разговора, Соколов встал из-за стола и прислонился спиной к стене, жестом показывая последовать его примеру. В таком положении мы и продолжали разговор, пока не прекратилась ожесточенная бомбежка. Ни лицо, ни голос Андрея Ермолаевича не выдавали его беспокойства.

Немцы бомбили железнодорожный вокзал. На путях стояли санитарные поезда. Соколов вышел из кабинета, чтобы послать кого-нибудь туда. Вернувшись, он с улыбкой сказал:

— Расскажите-ка, как летчик санитарного самолета, не садясь, взял в плен экипаж сбитого «юнкерса».

И я рассказал о случае, происшедшем 3 июня. Выполняя задание, лейтенант Рубцов летел на своем С-2 вблизи линии фронта. Внезапно он увидел Ю-88, шедший на высоте около 600 метров над линией железной дороги Тимашевская Красноармейская. «Разведчик», — решил лейтенант. В этот момент «юнкерса» атаковал наш ЛаГГ-3. Вражеский самолет задымил, потом его охватило пламя, и он круто пошел к земле. Неприятельский летчик посадил горящую машину в нескольких километрах от станицы Старо-Нижнетитаровской. Рубцов, ринувшийся вслед за подбитым «юнкерсом», увидел, как из него выскочили двое и побежали в поле, гася на себе языки огня. Лейтенант снизился до трех-четырех метров и, летая над фашистами, вынудил их идти к станице. Вскоре показался грузовик с нашими бойцами. Убедившись, что вражеским летчикам скрыться не удалось, Рубцов лег на свой курс…

— Молодчина! — воскликнул Соколов.

В кабинете у помощника начальника сануправления по ВВС я застал майора медицинской службы М. Н. Полякова.

Он только что выписался из госпиталя. С ранней весны начальник санслужбы 28 РАБ тяжело болел. Теперь он покидал наш фронт, уезжал в Куйбышев на тыловую работу. Дела от него принял майор медицинской службы И. Г. Пастернак, прибывший из расформированного 25 РАБ. Поляков же приехал попрощаться с Вайнштейном и передал ему толстую тетрадь. Там был не только отчет о проделанной работе, но и предложения по улучшению деятельности разных звеньев санслужб БАО и РАБ в целом.

За последнее время мы узнали Михаила Николаевича как талантливого популяризатора. В армейской и фронтовой газетах часто появлялись его статьи на различные медицинские темы.

Они, несомненно, помогали делу профилактики ряда заболеваний, главным образом инфекционных. Печатал Михаил Николаевич и живые зарисовки о боевых подвигах воинов в белых халатах.

Поляков побывал в Ессентуках у Назаровой. По его мнению, одного дома отдыха уже недостаточно для 4-й воздушной армии, число частей в которой значительно увеличилось. Нужен еще один. «Теперь это мы можем себе позволить», — убежденно заключил он. Я согласился с ним. У меня даже был на примете человек, очень подходивший на должность начальника дома отдыха, подполковник медицинской службы Стрельцов.

Прощаясь с Михаилом Николаевичем, я пожелал ему здоровья и успехов в дальнейшей службе.

Внимание страны и воинов всех фронтов в тот период было приковано к грандиозной битве, разгоревшейся под Курском и Белгородом. Все понимали: решается вопрос о способности гитлеровского рейха вести наступательные операции такого же размаха, как в сорок первом и сорок втором годах. 12 июля в контрнаступление перешли войска Брянского и Западного фронтов, тремя днями позже — Центрального фронта. 5 августа в столице нашей Родины Москве прозвучал первый артиллерийский салют в честь боевых успехов доблестных советских войск. Сражение на Курской дуге было блестяще выиграно Красной Армией. Отныне гитлеровская Германия и ее союзники покатились к своему полному и неизбежному краху.

Через несколько дней после первого салюта Главное санитарное управление Красной Армии вызвало флагманских врачей воздушных армий и помощников начальников сануправлений фронтов и округов по ВВС на совещание в Москву.

Нечего и говорить, с каким волнением я собирался в дорогу: увидеть Москву казалось тогда почти невероятным. Главная цель совещания проанализировать состояние медицинского обеспечения в воздушных армиях. На советско-германском фронте их насчитывалось уже пятнадцать. Невольно задумался: много ли промахов в моей работе. Три ночи не разгибая спины просидел над составлением отчета. Заместитель командующего по тылу приказал экипировать меня «с иголочки», Я впервые надел китель с погонами.

Мы с Вайнштейном сначала должны были добраться до Ростова и уже оттуда лететь в Москву.

В металлическом брюхе «Дугласа» было жарко и душно. Летели на бреющем. Минут через сорок вдруг забарахлил один мотор, потом стал давать перебои другой. Не успели мы спросить летчиков, дотянем ли до ближайшего аэродрома, как нас с

Александром Дмитриевичем и офицеров-попутчиков швырнуло на железный пол. Послышался скрежет, несколько раз самолет подбросило, потом моторы взвыли и заглохли.

«Дуглас» совершил вынужденную посадку на болоте, поросшем камышом. Когда мы выбрались из него, потирая ушибленные места, увидели, что едва не врезались в круто вздымавшуюся впереди насыпь. Вытянуть самолет из болота могли лишь тракторы. Мы, пассажиры, взяв свои чемоданы, двинулись к насыпи.

К счастью, вскоре мы выбрались на дорогу. Нам удалось остановить военный грузовик. Он подбросил нас до какого-то полевого аэродрома. К концу дня разными самолетами мы с Вайнштейном все же кое-как добрались до Ростова.

В Москве участников совещания разместили в гостинице, находившейся в Чапаевском переулке. Здесь я познакомился с флагманскими врачами других воздушных армий. В 1 ВА флагманским врачом был подполковник медицинской службы С. Т. Буханенко, во 2-й — подполковник медицинской службы Т. В. Долбнин, в 3-й — подполковник медицинской службы Г. П. Петров, в 6-й подполковник медицинской службы П. Л. Романович, в 7-й — подполковник медицинской службы К. Ф. Бородин, в 8-й — подполковник медицинской службы Л. Р. Калагин, в 9-й — подполковник медицинской службы Е. Н. Панов, в 10-й подполковник медицинской службы З. Я. Перебейнос, в 11-й — подполковник медицинской службы В. П. Крапотин, в 12-й — майор медицинской службы В. А. Мефедов, в 13-й — подполковник медицинской службы П. И. Копошилко, в 14-й подполковник медицинской службы А. В. Морозов, в 15-й — подполковник медицинской службы М. П. Мельников, в 16-й — подполковник медицинской службы А. А. Браун, в 17-й — подполковник медицинской службы М. Н. Жук. Флагманского врача 5-й воздушной армии подполковника медицинской службы И. М. Шевченко я хорошо знал раньше.

Среди помощников начальников санупрaвлений фронтов по ВВС были П. К. Быков (3-й Украинский), полковник медицинской службы М. Я. Зетилов (Западный), полковник медицинской службы Е. А. Мещанинов (Брянский), подполковник медицинской службы Н. В. Решетников (Воронежский), подполковник медицинской службы И. С. Бабак (Южный) и другие.

С Михаилом Никифоровичем Жуком встретились как давние знакомые. В 1936 году, после окончания Киевского медицинского института, я прибыл в город Борисполь в 13-ю авиабригаду особого назначения на должность старшего врача авиадесантного батальона. Жук служил старшим врачом другого батальона этого

соединения. Он был уже «закаленным десантником», имел на счету несколько десятков прыжков. Мне же предстояло с азов осваивать эту науку. После того как я изучил парашют и технику прыжка, меня послали прыгать с сорокасемиметровой вышки. До сих пор помню нервно-эмоциональное напряжение, близкое к страху, когда надо было заставить себя кинуться вниз с верхней площадки. Казалось, что тонкий трос тебя не удержит, неминуемо разобьешься о землю. После первого прыжка ко мне подошел Жук, улыбаясь, сказал, что самое страшное позади. По его словам, с самолета прыгать легче. Действительно, отделяясь от ТБ-3, я не испытывал уже большого напряжения. По-видимому, на вышке пугала близость земли. Жук взял надо мной «шефство», в самолете садился рядом, отвлекал разговорами, давал практические советы.

Мы с флагманским врачом 17 ВА вспомнили начальника санитарной службы авиабригады Б. Н. Шаповальникова, погибшего на войне с белофиннами, наших коллег — врачей Назаренко, В. А. Притулу, Синьковского и других. Вспомнили, как летчики «вывозили» нас на У-2 и приучали к небу, как потом мы сами стали овладевать вождением самолета… Словом, нам было о чем поговорить.

Совещание открылось в одном из залов Дома Красной Армии. Оно было посвящено подведению итогов медицинского обеспечения ВВС за два года войны. С основным докладом выступил флагманский врач ВВС — помощник начальника Главного военно-санитарного управления по ВВС генерал-майор медицинской службы Л. Г. Ратгауз. Основное внимание он уделил характеристике санитарных потерь среди летного состава и роли медслужбы в их уменьшении. Приводились убедительные цифровые данные.

Основная причина безвозвратных потерь — проникающие ранения головы и тяжелые повреждения нижних конечностей. Смерть от острых кровотечений вследствие повреждения крупных кровеносных сосудов наступала значительно реже.

Уменьшение безвозвратных потерь в конце второго года войны — результат не только завоеванного нами господства в воздухе, но и огромной работы медслужбы, в частности реализации ее предложений по совершенствованию рабочего места летчика.

Когда стали выступать флагманские врачи воздушных армий, взял слово и я. Сказал, что, по наблюдениям врачей 4 ВА, новые истребители Ла-5 и Ла-7, несмотря на их хорошие летно-тактические данные, имеют и существенные недостатки: отсутствие вентиляции в кабине, а отсюда — вредное влияние на

организм летчика высокой температуры (в летнее время она доходит до 55°) и окиси углерода. При перегревании тела у пилота усиливается потоотделение, пропадает аппетит. Указал также на непрочное крепление заднего бронестекла на Як-9. При посадке с убранным шасси это нередко приводит к травмам затылочной области головы…

Выступал и видел, что Ратгауз кое-что записывает себе в блокнот.

Содоклад на совещании делал заместитель флагманского врача ВВС Красной Армии полковник медицинской службы А. П. Попов. Он говорил о лечебно-эвакуационном обеспечении раненых и больных в воздушных армиях. Хорошо отозвался о деятельности войсковых лазаретов БАО, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть этой трудной работы. Попов заявил, что принимаются самые настоятельные меры по введению в воздушных армиях штатных авиагоспиталей.

Помощник начальника санитарного управления по ВВС Западного фронта Зетилов обстоятельно рассказал о том, как работали авиационные врачи в период оборонительных боев сорок первого — сорок второго годов. Все, о чем он говорил, было как две капли воды похоже на положение с медицинским обеспечением ВВС на Южном фронте.

С особым вниманием и интересом участники совещания слушали выступления флагманского врача 16-й воздушной армии. Он поднял самый животрепещущий вопрос — об организации поиска не вернувшихся с задания экипажей и спасения раненых авиаторов.

— До июля текущего года, — говорил А. А. Браун, — эта работа не имела определенных форм. Поисковые команды были созданы и организационно оформлены при управлениях РАБ перед началом Орловской операции. Каждая из них включала в себя врача, авиатехника, несколько подсобных рабочих и имела одну бортовую автомашину. Команда располагала необходимыми инструментами и медикаментами для оказания неотложной помощи. Перед началом Орловской операции предполагалось, что розыск раненых в ближайшем районе будет производиться средствами БАО, а оказание медицинской помощи возлагалось на поисковую команду РАБ. Но от последней, как показала практика, пользы вышло мало. Неустойчивая связь с частями и большие расстояния сводили ее усилия к нулю.

В заключение Браун высказал мысль, что, может быть, розыск пострадавших экипажей следует переключить на старших врачей авиаполков и технические команды БАО.

Взяв слово, я заявил, что поисковые команды РАБ считаю

нежизнеспособными. Они оторваны от системы управления авиацией над полем боя. Техкоманды же БАО имеют свое целевое назначение — розыск сбитых и потерпевших аварию самолетов. Лишь попутно они занимаются отысканием экипажей. Следовательно, бесполезно строить поисковую работу на базе этих команд.

Затем я рассказал об опыте, накопленном в 4 ВА. Медпосты, созданные на радиостанциях наведения и управления, полностью оправдывают себя. Мы используем также медицинские распределительные посты сухопутных армий для задержания раненых летчиков, попавших в общевойсковые этапы эвакуации. Опыт работы медпостов на радиостанциях наведения и управления был, конечно, еще невелик. К тому же действовали они в условиях относительной стабильности фронта. И все же я взял на себя смелость рекомендовать такую практику…

Меня слушали очень внимательно. После совещания многие подходили ко мне и просили подробнее рассказать о медицинских постах. Особенно заинтересовался нашим опытом флагманский врач 2-й воздушной армии.

В заключительном слове генерал Л. Г. Ратгауз отметил, что обмен мнениями считает весьма полезным. «Война еще продолжается, — сказал он. — У нас есть возможность встретиться снова, примерно весной будущего года. Тогда мы сделаем окончательный вывод, какие формы поиска раненых летчиков наиболее эффективны…»

Один день нам предоставили для того, чтобы мы посмотрели Москву, побывали на ВСХВ и в театре. Я это время провел вместе с П. К. Быковым и М. Н. Жуком.

На следующее утро все участники совещания вылетели на свои фронты.

9 сентября начался штурм Голубой линии, прикрывавшей Таманский полуостров. Горы на левом фланге нашего фронта, обширные заболоченные участки, лиманы, протоки и реки в центре и на правом фланге позволили противнику создать исключительно мощную оборону. Наши воздушные разведчики долго и тщательно изучали ее. По данным аэрофотосъемки были составлены подробные карты и схемы, которые поступили во все наземные и авиационные части.

Тамань прикрывала Крым, своего рода авиабазу врага на юге. Кроме того, с падением Тамани гитлеровцы теряли контроль над черноморскими водными путями. Пленные показывали, что их командование уже не рассматривает таманский плацдарм как исходный район для нового наступления. Но есть приказ удерживать Голубую линию любой ценой. Если, мол, русские

прорвут ее, это будет равносильно поражению под Сталинградом и на Курской дуге.

Бои в Крыму начались под Новороссийском. Через два дня пришел в движение весь фронт.

Санитарная служба 4-й воздушной армии тщательно готовилась к этому наступлению. Медицинскому составу всех БАО вновь напомнили о необходимости основательной санитарно-эпидемпологической разведки. Я и мой заместитель вылетали на аэродромы, проверяли медпосты при радиостанциях наведения. Начальники лазаретов БАО проводили занятия с молодыми сестрами и санитарками.

Наряду с политработниками врачи-коммунисты выступали перед личным составом подразделений с рассказами о зверствах оккупантов на нашей земле. На это было указание политуправления фронта. Примеров было больше чем достаточно: расстрелы раненых советских воинов, попавших в плен, и мирных жителей, заподозренных в связях с партизанами, намеренное заражение населения инфекционными болезнями, пытки, издевательства, разрушение лечебных учреждений… С такими фактами медицинские работники сталкивались в каждой освобожденной станице.

Битва за Новороссийск вошла в историю Великой Отечественной войны. Город был полностью очищен от гитлеровцев за семь дней. Там действовала в основном авиация Черноморского флота. Но и от 4-й воздушной армии в этих боях участвовало 60 боевых самолетов. 16 сентября вся страна слушала приказ Верховного Главнокомандующего. В ознаменование одержанной победы столица нашей Родины Москва салютовала войскам Северо-Кавказского фронта, кораблям и частям Черноморского флота двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий. И наш фронт дождался салюта в свою честь!

В приказе Верховного перечислялись особенно отличившиеся соединения и части, которым присваивались наименования Новороссийских. В их числе были названы 11-я штурмовая авиационная дивизия, 88-й истребительный авиаполк и 889-й ночной легкобомбардировочный авиационный полк майора Бочарова. Эта часть была для меня в какой-то степени родной. Поэтому я, как только смолк голос диктора, поспешил в оперативный отдел, чтобы передать друзьям-однополчанам свои поздравления и добрые пожелания.

А на центральном участке фронта перешли в наступление 9-я и 56-я армии. Требовалось сорвать планомерную эвакуацию фашистских захватчиков с Таманского полуострова в Крым.

Буквально каждый метр отвоеванной у противника территории был минирован. Отступая, фашисты разрушали дороги и мосты. Особенно жестокие бои разгорелись на подступах к станицам Кубанская и Варенковская, а затем к Анапе. Враг то и дело переходил в контратаки.

С помощью кораблей Азовской военной флотилии под Темрюком были высажены два крупных десанта. С воздуха их поддерживали наши ночные бомбардировщики, а в дневное время — штурмовики. Летчики 103-го и 502-го штурмовых авиаполков проявляли исключительный героизм и боевое мастерство.

Авиация 4-й воздушной армии срывала также переброску войск противника в Крым через Керченский пролив. С 11 по 28 сентября она потопила 150 вражеских судов, а 60 сильно повредила.

Части нашей армии тесно взаимодействовали с авиацией Черноморского флота, которая бомбила порты Таманского полуострова и восточного Крыма. По мере продвижения наземных войск перемещались вперед военно-полевое управление, радиостанции наведения, а вместе с ними и медицинские посты.

В сентябре 1943 года медпостами при радиостанциях наведения было подобрано 36,9 % раненых летчиков, медсоставом БАО и авиаполков вне аэродромов — 19,5 %; 32,8 % раненых летчиков совершили посадку на своих аэродромах. Лишь 10,8 % пострадавших авиаторов подобрали наземные войска.

Четко действовала система эвакуации раненых: медицинский пост при радиостанции наведения — армейский хирургический лазарет в хуторе Новошкольный — авиаотделения эвакогоспиталей, расположенных в Краснодаре и Ессентуках. К тому времени у нас было уже два звена санитарных самолетов.

Наша авиация полностью господствовала в воздухе. Поэтому даже во время ожесточенных боев командиры авиачастей по представлению старших врачей имели возможность посылать летчиков в армейские дома отдыха. Их у нас теперь было два: второй открыли в конце августа в Кисловодске, в бывшем санатории Красной Армии. Его возглавлял подполковник медслужбы Стрельцов.

Прижимаемый к морю противник отчаянно сопротивлялся. Он цеплялся за каждый населенный пункт, за каждый удобный рубеж.

Медсостав БАО неустанно вел противоэпидемическую работу в освобожденных районах. Почти каждый десятый человек из местных жителей оказывался больным. Приходилось снова и снова строить бани, оборудовать дезкамеры, делать прививки, очищать территорию от отбросов…

Выше я уже не раз говорил о том, как часто спасала раненых летчиков медслужба наземных войск. Необходимо отметить, что медсостав БАО, в свою очередь, оказывал помощь не только авиаторам, но и сотням раненых пехотинцев. Мы никогда не делили пострадавших воинов на своих и чужих.

Наконец настал радостный час! Командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров издал приказ, в котором говорилось: «Сегодня, 9 октября 1943 года, войска 56-й армии стремительной атакой сломили последнее сопротивление врага и к 7.00 утра вышли на берег Керченского пролива. Разрозненные остатки врага были отрезаны от переправы и истреблены. На Кубани и Таманском полуострове не осталось ни одного живого немца, кроме пленных.

Последний этап битвы за Кавказ, начавшийся осенью прошлого года на Тереке, под Новороссийском, Туапсе, на перевалах Главного Кавказского хребта, — окончен. Ворота на Кавказ наглухо закрылись для врагов нашей Родины…»

В тот же день, в 22 часа, Москва от имени Родины вновь салютовала Северо-Кавказскому фронту двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. В приказе Верховного Главнокомандующего среди отличившихся войск были названы летчики генерал-лейтенанта авиации Вершинина.

Глава шестая
В боях за Крым

Вспомогательный пункт управления армии расположился километрах в пяти восточнее Тамани. Многие офицеры ездили в этот увековеченный Лермонтовым, теперь разрушенный до основания городок, чтобы с обрывистого берега взглянуть на Крым. В ясную погоду он был хорошо виден. Не удержался и я от такой поездки. Уже с месяц у меня была служебная автомашина — «виллис». Гитлеровцы вели пристрелку песчаных отмелей на своем берегу. Ветер гнал по морю высокие белогривые волны. С нашей стороны у разбитой пристани торчала из воды труба какого-то затонувшего судна, под обрывом валялось несколько выброшенных волнами мотоботов.

Еще в ходе боев за Таманский полуостров было намечено вторжение войск Северо-Кавказского фронта на Керченский полуостров. У Тамани ширина пролива достигала шестнадцати километров, севернее ее, у косы Чушка, она составляла всего четыре с половиной. К двадцатым числам октября войска фронта были готовы к проведению операции. Но непрерывные штормы заставляли откладывать ее.

Вернувшись на ВПУ, я увидел там Вершинина. В кожаном реглане и генеральской фуражке, он со своим заместителем генерал-майором авиации С. В. Слюсаревым прохаживался по дорожке между врытыми в землю автомашинами и блиндажами. На мое приветствие командующий ответил скупым кивком и тут же сделал жест рукой: «Жди, ты мне нужен». Через несколько минут он, окончив разговор со Слюсаревым, подозвал меня.

Я не раз убеждался в том, что К. А. Вершинин обладает исключительной памятью. Он помнил, кто и о чем ему докладывал не день или два, а несколько недель или даже месяцев тому назад. Если, конечно, этот доклад имел отношение к боевым действиям армии. Константин Андреевич легко запоминал лица и фамилии людей, цифры» Впоследствии, став Главным маршалом авиации, главнокомандующим ВВС Советской Армии, он без труда вспоминал подробности того или иного дня Великой Отечественной войны, с первого взгляда узнавал боевых соратников.

— Когда думаете провести совещание с руководящим медсоставом? — спросил Вершинин, пожав мне руку.

Вопрос не был случайным. По возвращении из Москвы я сразу же доложил командующему и его заместителю по политчасти

генералу Ф. Ф. Верову, назначенному вместо убывшего на другой фронт В. И. Алексеева, какие вопросы обсуждались на совещании. Вскользь заметил, что и нам, армейским медикам, не мешало бы подвести итоги своей работы на втором году войны. Вершинин одобрил мою идею, но начавшееся наступление не позволило собрать людей.

— Советую теперь воспользоваться вынужденным затишьем, — продолжал командующий. — Оно ненадолго.

На загорелом, слегка скуластом лице генерала мелькнула улыбка.

Несколько дней назад ликвидировали должность помощника начальника санитарного управления фронта по ВВС. Была наконец устранена двойственность в руководстве санслужбами РАБ. Теперь они перешли в прямое подчинение флагманского врача воздушной армии. Несколько раньше в РАБ ввели должности эпидемиолога и гинеколога, поскольку в армии возросло число женщин-военнослужащих и вольнонаемных. По своей инициативе я создал при штабе нештатное отделение медицинского снабжения и склад ВА, обслуживаемый небольшим штатом: начальник, его помощник и кладовщик. Ведь фронтовой авиасклад располагался иногда в 100–150 километрах от штаба, а связь с ним, даже проводная, зачастую отсутствовала.

По этому поводу командующий в шутку заметил:

— Теперь вы единоличный хозяин.

Далее Вершинин сообщил мне, что Северо-Кавказский фронт вот-вот перестанет существовать. Некоторые его войска уже начали убывать, а из остававшихся формировалась Отдельная Приморская армия. 4-я воздушная входила в ее состав.

Я знал, что помощником начальника санслужбы Отдельной Приморской армии утвержден (собственно, он и был на этом посту) А. Е. Соколов. Решил просить его принять участие в нашем форуме. Командующему сказал, что совещание созову через два-три дня. Он одобрил намеченный срок.

По условиям оперативной обстановки созвать весь руководящий состав медицинской службы армии было невозможно. В станицу Фонталовская вызвали дивизионных врачей, начальников санслужб РАБ, старших врачей БАО и авиаполков, начальников лазаретов тех частей и соединений, которые находились неподалеку. В частности, прибыли: дивизионные врачи М. М. Полонский, П. Н. Бурухин и А. Г. Завьялов, начальники санслужб РАБ И. Г. Пастернак и В. А. Демченко, старшие врачи БАО Калика, Павлов, Волосевич, Иваницкий, Ястребов, старшие врачи авиаполков Литманов, Фрейман, Володарская, Челебийский и ряд других товарищей.

На совещании был сделан обстоятельный анализ работы лазаретов БАО основных лечебных учреждений воздушной армии, особенно их хирургической деятельности.

В докладе я сообщил примерно следующее. За второй год войны в 4-й воздушной армии было госпитализировано 10830 раненых и больных. Из них в лазаретах БАО лечилось 88,45 %. В эвакогоспитали мы направили лишь 11,55 %. Летного состава туда, по сравнению с другими специалистами, передано несколько больше: 23–35 %. Это объяснялось наличием тяжелораненых, нуждающихся в длительных сроках лечения. Важную роль сыграли нештатные армейские хирургические лазареты.

Итоги работы санслужбы за второй год войны позволили сделать определенные выводы. Несмотря на усилия организовать четкую систему этапов эвакуации ВВС, мы наталкивались на препятствия организационного характера и штатные неувязки. Преодолеть эти трудности полностью не удалось. Хотя большинство раненых и больных авиаторов направлялось в лечебные учреждения ВВС, все же значительное их количество попадало в лечебно-эвакуационные учреждения сухопутных войск, а затем эвакуировалось в тыл страны.

«Вылавливание» раненых летчиков из общевойсковых этапов эвакуации было далеко не всегда успешным из-за отсутствия постоянной связи частей ВВС с лечебными учреждениями сухопутных войск. Организация временных нештатных авиагоспиталей и авиаотделений при ЭГ сыграла свою положительную роль. Однако эти учреждения не смогли заменить штатные армейские авиагоспитали. Нештатные авиагоспитали (армейские хирургические лазареты) необходимо комплектовать хорошо подготовленными хирургами, которые способны оказывать квалифицированную медицинскую помощь.

Работа по розыску раненых летчиков к концу второго года войны принесла определенные положительные результаты. Однако она все еще не удовлетворяла санитарную службу армии.

С обстоятельным докладом на совещании выступил А. Е. Соколов. Рассмотрев общие вопросы медицинского обеспечения войск, он подчеркнул необходимость лечения раненых летчиков в госпиталях Отдельной Приморской армии, рекомендовал эвакуировать в тыл страны лишь тех, кому на месте требуемая медицинская помощь не может быть оказана. Соколов одобрил инициативу 4 ВА в организации хирургических лазаретов и дал им высокую оценку.

Тут надо заметить, что ряд лазаретов БАО мы сделали хирургическими и получили разрешение начальника тыла

воздушной армии в случае необходимости перемещать их с одного участка на другой. Такие лечебные подразделения были созданы, например, в 471 БАО (старший врач Ястребов, начальник лазарета Аранович), в 348-м (соответственно — Павлов и Чупова), в 440-м (Калика и Захарьян).

На совещании выступили почти все присутствовавшие. Оно прошло живо и интересно. Позже Соколов сказал мне полушутя: «Жаль, я не остался авиационным врачом. В вас какая-то особая… задиристость, что ли?»

В Фонталовскую тогда не приехал мой «крестник» Аранович. В порядке взаимопомощи его командировали на две недели в медсанбат одной из дивизий 9-й армии (БАО размещался в ее тылах). Григорий Израилевич был уже аттестован, ему присвоили звание капитана медицинской службы.

Я встретил его через два дня после совещания. Командировка врача окончилась трагически. Я уже говорил, что, отступая, фашисты минировали буквально каждый метр земли, все здания и даже отдельные предметы. Случилось так, что саперы не обнаружили фугаса замедленного действия в школе, где разместился медсанбат. И это здание вдруг взлетело на воздух. Из всех раненых и медперсонала батальона в живых осталось всего семь человек. Аранович оказался в числе счастливцев. Рассказывая об этом ужасном случае, капитан невольно закрывал лицо руками.

Стояли ясные, но ветреные, холодные дни. Ночи стали такими темными, что по улицам можно было двигаться только ощупью. Море по-прежнему бушевало. Яростные удары волн о высокий таманский берег, как пушечная пальба, были слышны далеко.

Решив, что осенних штормов не переждешь, командующий генерал армии Петров 31 октября отдал приказ начать ночью форсирование Керченского пролива. Накануне днем в частях прошли митинги. Бойцы и командиры клялись не пощадить ни крови своей, ни жизни для освобождения советского Крыма.

Первым на бронекатерах и самоходных баржах предстояло высаживаться на Эльтиген отвлекающему десанту. Он состоял из одной дивизии 18-й армии и батальона моряков-новороссийцев. С воздуха его должен был поддерживать полк ночных бомбардировщиков Е. Бершанской. Двумя часами позднее с косы Чушка отправлялся основной десант. Для его поддержки выделили все остальные полки ночных легких бомбардировщиков. С рассвета вступала в действие штурмовая и истребительная авиация.

В Эльтигене высадилась лишь часть десанта: многие

бронекатера попали под сильный артиллерийский огонь противника, большинство самоходных барж повернуло обратно, не сумев справиться с волнами. На косе Чушка дела обстояли еще хуже. Десантная операция закончилась лишь через четыре дня.

В штаб Северо-Кавказского фронта[7] прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Он потребовал немедленно переправлять на Еникалийский полуостров главные силы. С 5 ноября удалось наладить переброску частей.

Наша авиация уже имела подавляющее превосходство в воздухе, а военные корабли — на море. Переправу обеспечивала также наша дальнобойная артиллерия. К 12 ноября войска армии достигли восточной окраины Керчи, захватили Еникалийский полуостров. Плацдарм имел площадь около 80 квадратных километров.

В эти дни мы с чрезвычайной напряженностью осуществляли план медицинского обеспечения боевых действий воздушной армии. В станице Фонталовская на базе лазарета 348-го батальона аэродромного обслуживания (старший врач Павлов, начальник — Чупова), усиленного за счет еще одного БАО, был развернут армейский хирургический лазарет на 30 коек. Возле косы Чушка, в станице Запорожская, — на 25 коек 471 БАО. Его возглавил Аранович. В Тамани был развернут хирургический лазарет на 10 коек.

Сразу после захвата плацдарма на Керченском полуострове там появился передовой командный пункт (ПКП) 4 ВА, возглавляемый генералом С. В. Слюсаревым. Сначала туда были направлены два медицинских поста. Вскоре командующий воздушной армией приказал подготовить на плацдарме площадку и посадить на нее эскадрилью ЛаГГ-3 88-го истребительного авиационного полка. Ее задача — осуществлять перехват вражеских бомбардировщиков «по-зрячему» и по вызову станции наведения. Это авиационное подразделение, которым командовал Герой Советского Союза капитан В. А. Князев, вело воздушные бои на глазах воинов всего керченского плацдарма. Летчики сразу же завоевали любовь и признательность пехотинцев.

Для обеспечения боевой работы эскадрильи и передового командного пункта была выделена комендатура от 435 БАО. В нее вошли майор медицинской службы Ефимец, врач амбулатории капитан медицинской службы Абаева, фельдшер лейтенант медицинской службы Осадчая, начальник аптеки младший лейтенант медицинской службы Белогорская и медсестра Соколова. Они оказывали помощь не только авиаторам, но и раненым из наземных частей.

Аэродром часто подвергался налетам немецких бомбардировщиков. Кроме обычных бомб они сбрасывали так называемые «лягушки», то есть прыгающие мины, взрывавшиеся от случайного прикосновения к ним.

У переднего края вблизи радиостанций наведения мы организовали еще четыре медицинских поста: на горе Иванова, в районе завода имени Войкова-Колонка, в районе станции Опасная и западнее Баксы.

Учитывая, что на ПКП имеется проводная связь с наземными частями и что здесь концентрируются сведения о сбитых и совершивших вынужденную посадку самолетах, я направил туда старшего врача 24-го отдельного полка связи майора медицинской службы Д. С. Цыпкина.

Позже Давид Самуилович так вспоминал о своей работе:

«Хорошо помню темную, дождливую ночь в начале ноября 1943 года, когда наши войска переправлялись на плацдарм, захваченный под Керчью. Под непрерывным артиллерийским огнем шла посадка на самые разнообразные плавучие средства: катера, пароходы, шлюпки, шаланды, плоты. В одну из шаланд сел и я с двумя санитарными инструкторами. Предварительно получил ваше задание: организовать и осуществлять первую помощь, сбор и эвакуацию через Керченский пролив наших раненых летчиков.

Плацдарм представлял собой голый участок побережья без пресной воды. Небольшой водоисточник находился на нейтральной полосе. С опасностью для жизни наши люди пробирались к нему по ночам. Частично пресная вода и топливо доставлялись с Большой земли.

Плацдарм подвергался жесточайшим бомбежкам и артобстрелам. Все войска зарылись в землю. В воздухе часто шли бои, особенно над проливом. Противник всеми силами старался сорвать перевозки на плацдарм людей и грузов.

Для эвакуации раненых использовался попутный транспорт, то есть суда, возвращавшиеся на Тамань. Кроме того, в нашем распоряжении находились санитарный самолет С-2 и морской катер. Задачей последнего было подбирать раненых на воде. Пунктом сбора пострадавших для отправки на кавказский берег служила узкая береговая полоска с высоким крутым скальным «козырьком».

Помощь на месте падения самолета, доставка раненого на сборный пункт и первая врачебная помощь в примитивном медицинском пункте, в пещере-землянке, осуществлялись в основном моей группой. Нередко нам помогали санинструкторы и санитары-носильщики из сухопутных войск. Вся работа велась,

как правило, по ночам, с большими физическими тяготами и опасностями для жизни. Машин и лошадей для перевозки раненых не было, их доставляли на носилках.

Причалов тоже не было. Погрузка на катера проходила в сложных условиях. Не раз люди падали в ледяную воду. Обычно транспорт сопровождал санитар или санинструктор, иногда фельдшер или врач.

Не все наши раненые достигали противоположного берега: над проливом бушевал вражеский огонь. Не забуду пожилого санинструктора Деркачева, дядю Ваню, как мы его называли. С отеческой заботой он относился к раненым. Любимым его обращением было «сынок», без различия званий. Деркачеву часто приходилось сопровождать транспорты. Он погиб в волнах Керченского пролива.

Очень смело выполнял все поручения санинструктор Петр Попудько. Он был инициативен, обладал недюжинной физической силой. В последнем своем рейсе санинструктор с простреленной грудью продолжал исполнять на баркасе свои обязанности сопровождающего.

Не один раз и мне приходилось бороздить воды Керченского пролива на нашем «медицинском» спасательном катере, чтобы вовремя успеть к месту падения самолета или летчика, выбросившегося с парашютом. Командовал судном отчаянный, никогда не унывавший Саша Скворцов. Хорошо помню то обостренное чувство опасности, которое мы испытывали на воде или в воздухе над проливом. Даже наш изрытый снарядами и бомбами, насквозь простреливаемый пулеметным огнем плацдарм казался тогда спасительным уголком…

Частенько вспоминаю летчика Харламова, с которым несколько раз перелетал Керченский пролив на санитарном С-2. Однажды я сопровождал раненого летчика на кавказский берег, а обратно летел с грузом перевязочного материала. Мы шли бреющим над волнами, используя водную поверхность для маскировки — сверху «фоккер» не разглядел бы нас. Такой полет был очень рискованным, так как лишал нас возможности маневра в воздухе, а недостаточно точный расчет мог привести к потере и без того минимальной высоты и падению в воду.

Уже в самом конце маршрута, когда до посадочной площадки оставалось всего несколько десятков метров, нас настигла пулеметная очередь вражеского истребителя. Она начисто срезала хвост самолета. Но Харламов сумел посадить машину, мы отделались лишь ушибами».

В другой раз я вылетел на передовой командный пункт проверить работу медицинских постов и пунктов. Там встретился

с генералом Слюсаревым. Высокий, подтянутый, он руководил воздушными боями, подсказывал истребителям по радио, как лучше выполнить маневр, предупреждал об опасности. Вихри жарких поединков кружились над самой головой.

Особенно трудной оказалась организация спасения и оказания медицинской помощи летчикам, совершившим по тем или иным причинам вынужденную посадку на воду. Керченский пролив насквозь простреливался артиллерией противника, над ним постоянно рыскали вражеские истребители. Задача медслужбы осложнялась тем, что, прежде чем оказать медицинскую помощь пострадавшим авиаторам, нужно было спасти их от потопления. Ведь даже управляемый самолет, сев на воду, мог продержаться на ней считанные секунды, а расстояние до берега почти всегда оказывалось значительным: два-три километра и более. К тому же течение пролива довольно сильное. Шлюпки и лодки со спасательными средствами нередко с запозданием прибывали к месту катастрофы, тихоходный катер — тоже.

Я доложил обо всем этом командующему. Вершинин внимательно выслушал меня и спросил:

— У вас есть конкретные предложения?

— Да. Мы могли бы использовать торпедные катера и самолеты У-2, которые обеспечат быструю доставку спасательных средств терпящим бедствие. Подпишите письмо командующему Азовской флотилией. Я сам слетаю в их штаб.

Пробежав глазами заготовленное мною письмо, генерал-лейтенант тут же подписал его.

Азовская военная флотилия выделила для нас глиссеры и торпедные катера, оснащенные аварийными лодками (ЛАС-1), спасательными поясами и необходимым набором медикаментов. Теперь на воде появились четыре медпоста: в районах Жуковка, Глейки, коса Тузла и Юга-ков Кут. Мы организовали также дежурство медицинского состава на плавсредствах.

На аэродроме Жуковка и посадочной площадке севернее высоты 175,0 дежурили медики на самолетах У-2, имевших на борту надувные лодки. Они вылетали по личной инициативе летчиков или по приказу со станции наведения. У-2 подлетал к месту приводнения подбитого самолета и сбрасывал спасательные средства. Одновременно он наводил на эту точку дежурные торпедные катера.

Приказом по армии летному составу было запрещено выполнять боевые вылеты с Таманского полуострова в Крым без спасательных поясов и жилетов.

Напомню еще раз читателю: стоял ноябрь, затем начался

декабрь. Над проливом уже нередко бушевали метели. Вода, выплеснувшись на береговые камни или палубу корабля, быстро превращалась в лед. Жизнь человека можно было спасти лишь немедленно оказанной ему помощью.

Командира эскадрильи лейтенанта Василия Собина сбили над проливом в районе Эльтигена. При ударе о воду самолет разрушился. Летчик поплыл к таманскому берегу. Через минуту-две он сбросил сначала сапоги и ремень с пистолетом, а затем брюки. Но и оставшаяся одежда казалась многопудовым грузом. Василий решил снять и гимнастерку, однако сразу же вспомнил, что в нагрудном кармане лежит партийный билет. Ледяной холод сковывал все тело летчика. Он уже подумал, что пришел конец, когда к нему примчался торпедный катер. Вытащив Василия из воды, медики сделали ему растирание и, завернув в одеяло, быстро доставили на берег. Через два дня лейтенант вернулся в свой полк, а еще через день снова поднялся в воздух.

Медицинский пост, находившийся на косе Тузла, спас в проливе дважды Героя Советского Союза летчика П. М.Камозина. Всего на плацдарме и в водах Керченского пролива было подобрано 173 раненых или потерпевших аварию летчика.

Хочется отметить хорошую работу дивизионного врача 229 иад М. М. Полонского. Под Орджоникидзе он впервые организовал медицинские посты у переднего края обороны. Вспомнив об этом, я возложил на него общее руководство всеми медпостами на керченском плацдарме и в проливе. Дивизионный врач и здесь проявил завидную энергию, находчивость, инициативу. Он лично участвовал в спасении летчиков на воде.

Примерно 65 % всех пострадавших авиаторов лечилось в наших лазаретах хирургического профиля. Особенно хорошо было поставлено дело в станице Запорожская. Работе этого лазарета дал высокую оценку побывавший там главный хирург Отдельной Приморской армии полковник медслужбы профессор Петр Лазаревич Сельцовский, которого я сопровождал.

Показывая нам свое заведение, Аранович рассказал о проявленных некоторыми медиками при спасении раненых мужестве и героизме. Истребитель Девятов посадил загоревшийся самолет в 400 метрах от берега. Получив координаты со станции наведения, работники медпоста извлекли летчика из кабины сразу же после приводнения машины. У Девятова оказалось множество переломов — нижней челюсти, левой локтевой кости, правого бедра и правой большеберцовой кости. Врачи сделали все для спасения жизни летчика и возвращения его в строй. Через некоторое время он в удовлетворительном состоянии был эвакуирован в Краснодарский эвакогоспиталь.

Герой Советского Союза К. Л. Карданов в воздушном бою над Керчью получил тяжелое ранение локтевого сустава. Машину он посадил на своем аэродроме. В лазарете летчику сделали операцию и оставили его здесь до полного излечения.

В воздушном сражении над Керчью подбили и истребителя Шмелева. Через пролив он сумел перетянуть, но на подходе к хутору Гаркуша его самолет загорелся. Летчику пришлось сажать машину на брюхо. Работники медпоста подоспели к Шмелеву вовремя и быстро вытащили его из горящей кабины. У летчика обнаружили ожоги лица и рук, перелом левого предплечья и правого плеча.

— Сейчас, спустя неделю, — сказал Аранович, — состояние летчика хорошее, дня через два его эвакуируют в госпиталь, а месяца через полтора он, надо полагать, вернется в строй…

Начальник лазарета попросил Сельцовского проконсультировать раненого Волкова — стрелка-радиста штурмовика, подбитого над Керчью. Ему была сделана трепанация черепа с извлечением осколка из правой теменной области. Осмотрев пострадавшего, профессор похвалил хирурга, дал ряд указаний по дальнейшему лечению и сделал заключение, что вскоре стрелка-радиста можно будет отправить в авиаотделение госпиталя.

За оживленным, слегка прихрамывающим Арановичем неотступно следовала высокая, статная операционная сестра Мария Ивановна Крупенникова. Ее заслуги в оказании квалифицированной врачебной помощи раненым были весьма значительными. Прекрасно трудились и другие работники этого лазарета: фельдшеры Чернова и Кузик, санитарка Доценко. Хочется также отметить старшего врача 471 БАО Ястребова и начальника медицинского пункта Дросвита.

В станице Фонталовская кроме армейского функционировал еще один хирургический лазарет, развернутый 464 БАО. Он располагался в большой землянке.

В станицах Запорожская и Фонталовская находились хирургические полевые подвижные госпитали (ХППГ) первой и второй линий госпитальной базы Отдельной Приморской армии. Туда направлялись тяжело раненные летчики, которых потом эвакуировали в Краснодар.

Большую работу по созданию хирургических лазаретов, их развертыванию и оснащению медико-санитарным имуществом, а также по организации медицинских постов на радиостанциях наведения и в Керченском проливе проделала санитарная служба 28 РАБ. С благодарностью вспоминаю подполковника медицинской службы И. Г. Пастернака, его помощника майора

медицинской службы Леверта, начальника медицинского снабжения РАБ старшего лейтенанта медицинской службы Чалыка и других товарищей, входивших в санслужбу этого района авиационного базирования.

Начальник отделения перелетов штаба майор В. В. Теличеев не раз отговаривал меня от дневных полетов через Керченский пролив. Вражеские истребители уже сбили несколько наших самолетов связи. Конечно, в темное время суток летать было безопаснее, но ведь ночью и с воздуха ничего не увидишь, и на земле будешь плутать в поисках радиостанций наведения, при которых находились медицинские посты. К тому же мне почему-то не верилось, что могут сбить самолет, на котором я полечу.

Но однажды полет едва не кончился для меня плачевно. Над проливом «Фокке-Вульф-190» прижал наш У-2 к самой воде, поливая пулеметными очередями. От плоскостей полетели щепки и куски перкаля. Мне оставалось только втянуть голову в плечи и положиться на судьбу. Но спасло не везение, а искусство летчика. Он сумел уйти от истребителя и посадить У-2 на небольшую песчаную площадку.

В тот день и на плацдарме я попал в переплет. На нас налетела большая группа «юнкерсов». Все, кто не успел укрыться в блиндажах и щелях, в том числе и я, распластались на обледеневших камнях. К счастью, радисты успели повалить шестовую антенну, и фашисты весь запас бомб сбросили не на наш командный пункт, а на соседние бугры, где ничего и никого не было.

После неприятного случая над проливом я стал летать на плацдарм только в темное время суток. В один из прилетов увидел на передовом командном пункте К. А. Вершинина. Командующий стал генерал-полковником авиации. Он бывал тут часто, следил за боевыми действиями своих соколов, вносил коррективы в систему управления самолетами над полем боя. Рядом с Вершининым у развернутой карты стояли генерал Слюсарев и несколько офицеров. Увидев меня, командующий удивленно вскинул брови и шутливым тоном спросил:

— А медицина что здесь делает? Почему ей не спится?

Я доложил, что должен встретиться с генерал-майором медслужбы Завалишиным и обсудить вопрос об использовании санитарной авиации в интересах сухопутных войск. Вот отогреюсь немного и пойду разыскивать землянку полевого отдела санупра Отдельной Приморской армии. Она отсюда примерно километрах в полутора.

— Возьми в комендантском взводе двух автоматчиков для сопровождения майора, — сказал Вершинин своему адъютанту

Виктору Полетаеву.

Потом, положив карандаш на карту, он начал расспрашивать меня о раненых летчиках, подобранных медпостами, об их эвакуации и т. д. Откуда этот летчик? Как его фамилия? Какое ранение? Какая медицинская помощь ему оказана? Куда он эвакуирован? Естественно, что разговор затянулся.

— Что ж, хорошо, что вы сюда летаете, — задумчиво произнес командующий.

Воспользовавшись минутной паузой, я поспешил высказать свою просьбу:

— Самолеты обоих санитарных авиазвеньев, которыми располагает санслужба, всегда загружены — на кавказский берег ранеными, сюда медимуществом. Они летают и в Краснодар. Доставляют в хирургические лазареты кровь и медикаменты… Всякий раз, когда мне надо лететь сюда, в Запорожскую или на аэродромы, я клянчу у Теличеева место на связном самолете. Прошу прибавить к тому или иному санитарному звену еще один У-2 для моих служебных надобностей.

Кивнув головой, командующий твердо сказал:

— Тот самолет, на котором вы только что прилетели сюда, теперь ваш. Надо же когда-нибудь позаботиться о флагманском враче.

С этого момента и до конца войны в моем распоряжении находился свой самолет.

С помощью автоматчиков я довольно быстро отыскал начальника санитарного управления Отдельной Приморской армии. На плацдарм он приехал не один, а вместе со своим заместителем А. Е. Соколовым. Оба еще не спали, встретили меня тепло. Первым, как всегда немного нараспев, заговорил Завалишин:

— Хорошо, товарищ Бабийчук, что наконец пожаловали к нам. Давайте вместе подумаем, как лучше работать нашим самолетикам…

И он жестом указал, где примоститься мне в довольно тесной землянке.

Тут я должен сделать краткое пояснение. Санитарные авиаэскадрильи, созданные в конце 1942 года, входили теперь в состав воздушной армии. Ранее ими распоряжался помощник начальника санитарного управления фронта по ВВС, и обслуживали они наземные войска. После того как должность помощника начсанупра по ВВС упразднили, вопрос об их использовании вошел в известной мере в мою компетенцию.

Извинившись, я объяснил, что меня задержал генерал Вершинин. Мы просидели до утра, рассчитывая, какое

максимально возможное количество самолето-вылетов могут выполнить санитарные авиаэскадрильи для перевозки раневых на кавказский берег.

На рассвете я вылетел в Старотитаровскую, где находился штаб 4 ВА. Там немедленно связался по телефону с командиром 8-го отдельного авиаполка ГВФ. С ним мы наметили новый, более уплотненный порядок работы санитарной авиации.

Две авиаэскадрильи (3-я и 5-я отдельная) еще в период оборонительных боев — в самом конце их — сыграли заметную роль в ускорении эвакуации раненых. Когда большая часть 37-й армии была окружена противником в горах северо-западнее Орджоникидзе, самолеты стали единственным средством для вывоза пострадавших, а также для доставки в войска медикаментов и перевязочных средств. Основными объектами обслуживания санитарной авиацией являлись медсанбаты, расположенные на правом берегу Терека, города Грозный и Махачкала.

Зимой, во время наступления, самолеты доставляли раненых в Армавир, Кропоткин и Минеральные Воды. До полного освобождения Таманского полуострова санитарные авиаэскадрильи дислоцировались в Краснодаре. Теперь их аэродром находился в Фонталовской.

За 1943 год санитарные самолеты перевезли 9676 раненых. Из них наибольшее количество — в декабре, с Керченского плацдарма — 2501 человека. Наша авиация, кроме того, снабжала войска боеприпасами и продуктами питания. В декабре, например, мы доставили на плацдарм 72 623 килограмма грузов. Фонталовская находилась в тридцати километрах от переднего края. Благодаря хорошей организации погрузки и разгрузки раненых самолеты успевали сделать в день по 5–6 рейсов.

Была установлена строгая очередность эвакуации пострадавших. В первую очередь отправлялись раненные в голову, в живот и в бедро с повреждением костей. Остальных вывозили, сообразуясь с обстановкой.

Самолеты садились на площадки, которые для них заранее готовили наземные воинские части и головные отделения полевых эвакогоспиталей. Обработка раненых производилась в палатках, которые зимой утеплялись снегом. В каждой из них была установлена железная печка-времянка.

В конце сорок третьего года 3-я санэскадрилья насчитывала 16 самолетов: два С-2, одиннадцать С-4, два СП и один У-2. В течение года 6 самолетов были потеряны и 6 износились. Их заменили. 5-я отдельная санэскадрилья ВВС, подчиненная 8 оап ГВФ, имела на вооружении 14 самолетов: три С-2, четыре С-3,

пять С-4, два Як-6. Она потеряла две машины.

О мужестве и героизме летчиков санитарной авиации можно рассказать многое. Приведу лишь некоторые запомнившиеся мне факты.

25 ноября вражеские самолеты начали с утра бомбить полевой аэродром, находившийся на Керченском полуострове, у населенного пункта Жуковка. И все-таки наша санитарная авиация не прекращала вывоз оттуда раненых. Обратными рейсами она доставляла снаряды. Ивлев и Сергачев нередко взлетали под разрывами бомб, на предельно малой высоте уходили к кавказскому берегу. После одной из бомбежек, во время которой загружался самолет Сергачева, на взлетно-посадочной площадке насчитали более сорока воронок.

6 декабря Ивлев получил от генерал-майора Слюсарева задание снять с маленького островка, находившегося в проливе, экипаж сбитого Ил-2. Такой вылет был по плечу лишь опытному и мужественному пилоту. Ведь островок находился в зоне видимости противника и досягаемости его артиллерийского огня. И садиться предстояло в очень трудных условиях — на песчаной отмели, усеянной валунами. Однако двадцатилетний лейтенант оправдал надежды генерала. Он мастерски приземлил машину с прямой, быстро посадил раненых и под разрывами снарядов взлетел.

29 декабря летчик Бацкевич с тремя ранеными на борту был атакован над проливом двумя вражескими истребителями. Пули в нескольких местах продырявили плоскости самолета, а летчик получил легкое ранение в голову. Чтобы избавиться от повторной атаки противника, Бацкевич вернулся к керченскому берегу и стал виражить над нашей зенитной батареей. Когда артиллеристы прицельным огнем отогнали «мессеры», летчик снова лег на заданный курс и благополучно доставил раненых на госпитальную базу.

Летая в непосредственной близости от линии фронта, наши авиаторы накопили большой опыт. Они уверенно сажали машины на малопригодных, подчас незнакомых площадках, научились разгадывать тактику вражеских истребителей.

К концу 1943 года враг был отброшен далеко на запад. В январе 1944 года войска 1-го Украинского фронта полностью освободили Киевскую и Житомирскую области, вместе с войсками 2-го Украинского фронта блестяще осуществили Корсунь-Шевченковскую операцию. В марте они вышли к Днестру и на линию Тернополь, Проскуров, взяли Черновцы, перерезали железную дорогу Одесса Львов.

Находившаяся в Крыму группировка противника оказалась

блокированной. Однако сдаваться гитлеровцы не хотели. Пленные показывали, что фашистское командование решило удерживать Крым любой ценой. 4-му Украинскому фронту, Отдельной Приморской армии и Черноморскому флоту предстояло вести жестокие бои по уничтожению зажатого в тиски противника. В предвидении очередного наступления командование 4 ВА к началу апреля перебазировало на плацдарм три БАО для обеспечения боевой работы авиаполков.

Керченский пролив являлся серьезным препятствием для бесперебойного снабжения наших войск всем необходимым для ведения успешного наступления. Положение осложнялось еще и тем, что основная масса госпиталей Отдельной Приморской армии находилась на Таманском полуострове. Для переброски их иа Керченский полуостров не хватало плавсредств. Поэтому медицинское обслуживание авиачастей полностью легло на плечи санслужбы воздушной армии.

Все мероприятия по лечебно-эвакуационному обеспечению я был вынужден приспосабливать к плану начальника тыла, осуществлявшему маневрирование средствами БАО. Если учесть, что штаты медицинских работников в батальонах аэродромного обслуживания (старший врач, начальник лазарета и врач амбулатории) комплектовались в большинстве случаев лицами, не имевшими хирургической подготовки, то станет ясно, какие дополнительные трудности вставали перед нами при подборе и перераспределении хирургов.

Наступление началось в ночь на 1 апреля. Развивалось оно успешно. Несмотря на частые дожди и грозы, наша авиация наносила по врагу мощные штурмовые удары, бомбила укрепления, стоявшие в портах вражеские корабли. Медицинские посты, находившиеся при радиостанциях наведения, двигались вслед за наземными войсками. Хирургические лазареты размещались в Маяках, Капканах, Керчи, Багерово, Ленинске, Карагозе. Все раненые, нуждавшиеся в длительном лечении, эвакуировались в Краснодар.

Вспоминается такой случай.

Я производил облет передовых аэродромов и непосредственно на местах занимался налаживанием работы медслужбы. Утром 19 апреля направился в Карловку, где базировался женский ночной легкобомбардировочный полк, возглавляемый майором Е. Д. Бершанской. Невольно вспомнил, как три дня назад эта часть отмечала свою вторую годовщину. Поздравить личный состав сюда прибыл тогда К. А. Вершинин. Свое теплое приветственное выступление он закончил не совсем обычными словами:

— Спасибо вам, самые красивые девушки!

В этот момент я заметил у многих летчиц блеснувшие на глазах слезы. То были слезы радости и счастья.

Мои воспоминания прервал летчик. Он обернулся и указал рукой вперед. И тут я увидел, что над аэродромом кружатся вражеские истребители. Пикируя, они сбрасывали мелкие бомбы и обстреливали стоянки из пулеметов. Внизу уже что-то горело.

Что делать? Решил: лучше садиться, чем кружить в воздухе. Приземлившись, мы сразу же зарулили за один из капониров. На взлетно-посадочной полосе стояли два поврежденных самолета. Около них суетились девушки в комбинезонах. Кого-то несли на носилках.

Через несколько минут я узнал, что от бомбежки по страдали пять человек: авиатехники Галя Корсун, Зина Радина, Тоня Иванова, Аня Кириленко и Вера Дмитриенко. В сопровождении парторга Марии Рунт и адъютанта командира Ани Смирновой я прошел на полковой медицинский пункт. Там увидел старшего врача О. И. Жуковскую и фельдшера Круглову. Они перевязывали пострадавших Я приказал немедленно эвакуировать раненых в хирургический лазарет, предоставив для этой цели свой У-2. Вскоре два самолета поднялись в воздух.

Весна в Крыму удивительно прекрасна. Как же было нестерпимо больно в эту пору буйного пробуждения и расцвета природы видеть следы чудовищных злодеяний гитлеровцев!

Едва наши воины освободили Керчь, как все мы узнали о рвах, наполненных трупами расстрелянных мирных жителей и военнопленных. Стало известно и о том, что фашистские звери пускали газы в катакомбы, где скрывались советские патриоты, отравляли источники воды, которыми они пользовались. В Феодосии, Старом Крыму, Владиславовке, Джанкое, в десятках других населенных пунктов везде были видны следы кровавых преступлений, совершенных гитлеровскими мракобесами.

Советские воины клялись жестоко отомстить врагу. И мстили!

9 мая красный флаг вновь взвился над легендарным Севастополем. Крым был очищен от оккупантов.

В мае в Москве состоялось очередное совещание флагманских врачей воздушных армий. К тому времени фронт уже отодвинулся от столицы под Витебск. Москва жила полнокровной жизнью.

На совещании мне пришлось делать доклад об опыте санслужбы 4-й воздушной армии. Предложенная нами система розыска раненых летчиков получила одобрение. Опыт 4 ВА стал обязательным для других воздушных армий.

Глава седьмая
На Запад!

В конце апреля, когда Крым был почти полностью очищен от вражеских войск, основной состав управления 4-й воздушной армии переехал в район действий 2-го Белорусского фронта. Вскоре и летные соединения, а также отдельные полки начали перебазирование.

Позже летчики рассказывали, что в штурмовых авиаполках техники, не желая много дней тащиться по железной дороге, упрашивали посадить их в бомболюки. Прилетит такая эскадрилья на какой-нибудь промежуточный аэродром, и местные интенданты сразу приходят в замешательство: обед или ужин готовили на такое-то количество людей, а их оказалось намного больше…

На северо-запад мы ехали в приподнятом настроении: все-таки будем ближе к логову фашистского зверя — Германии. А может быть, мечтали многие, 4-й воздушной армии доведется добивать врага в самом Берлине!

Управления районов авиационного базирования перемещались на 2-й Белорусский фронт не все. Поэтому многим батальонам аэродромного обслуживания предстояло войти в состав других воздушных армий.

Особенно жаль было расставаться с коллективом медицинских работников 471 БАО, сыгравшим важную роль в период боев на керченском плацдарме. Он переходил в распоряжение командования 16-й воздушной армии.

Позднее я узнал, что санслужба 471 БАО и на новом месте стала одной из лучших. Майор медицинской службы Г. И. Аранович в августе 1944 года по заданию Героя Советского Союза генерала Г. Ф. Байдукова участвовал в наземной разведке тыловых объектов противника и был награжден орденом Отечественной войны I степени. С октября 1944 года он возглавил хирургическое отделение авиагоспиталя 6-й воздушной армии, а затем стал во главе авиационного госпиталя Войска Польского.

В мае 4-я воздушная армия пополнилась новыми летными и наземными частями. Мы еще не знали, что летом будем участвовать в гигантской наступательной операции, проводимой силами четырех фронтов, под кодовым названием «Багратион».

4-я воздушная армия, насчитывавшая всего 528 самолетов, сосредоточилась в Смоленской области — в районах Рославль, Сеща-Шумовка, Мстиславль, Монастырщина — Кричев, Темный

лес — Кричев. Медицинская служба быстро установила, что эпидобстановка здесь чрезвычайна по сыпному тифу и неблагополучна по желудочно-кишечным инфекциям.

Осенью 1943 года, когда был взят Рославль (25 сентября, одновременно со Смоленском), в лесу, неподалеку от города, был обнаружен концентрационный лагерь. Здесь томилось несколько тысяч советских военнопленных и мирных жителей. Среди них свирепствовал сыпной тиф. Перед отступлением фашисты распустили заключенных, чтобы они занесли эпидемию в тыл наших войск. Люди разбрелись по деревням. В лагере остались лишь умирающие, которые лежали в шалашах и сырых землянках вместе с трупами. Столь же «гуманно» гитлеровцы ликвидировали и ряд других концлагерей.

Санслужбой Западного фронта и местными органами здравоохранения были приняты экстренные меры для предотвращения массовых сыпнотифозных заболеваний. Но еще раньше, в апреле 1944 года, в Климовичском районе Смоленской области было зарегистрировано до ста случаев сыпного тифа, в других районах — по тридцать — сорок. С первых часов пребывания на смоленской земле медсостав нашей армии развернул энергичную противоэпидемическую работу.

Во второй половине мая я созвал в деревне Быковка, где располагался армейский штаб, руководящих медицинских работников. Из Москвы я привез хорошую новость: подписана давно ожидавшаяся директива Главсанупра о создании в армии авиационного госпиталя. В качестве базы нам передавался двухсотКоечный ЭГ № 2922. Хотя мы еще не приняли его, поскольку не было пока приказа командующего фронтом генерал-полковника Г. Ф. Захарова, мне с разрешения начальника 77-го фронтового эвакопункта полковника медицинской службы Н. М. Невского (ему вскоре присвоили звание генерал-майора медицинской службы) удалось побывать там. Располагался он в деревне Ворга.

В эвакогоспитале меня встретил невысокий худощавый лет сорока пяти майор медицинской службы Иосиф Иосифович Жаботинский. Указав на деревянное строение, напоминавшее деревенскую школу, он сказал, что в настоящее время их учреждение как бы свернуто. Мои слова о том, что на базе этого ЭГ будет создан армейский авиагоспиталь с новыми штатами и особым медицинским оборудованием, Жаботинский воспринял без энтузиазма. Подошел его заместитель по политчасти, полный черноглазый капитан. Отрекомендовался Иваном Егоровичем Панчевым. Я рассказал им, как долго воздушная армия добивалась штатного ААГ, как необходим он для сохранения

летных кадров. Попросил собрать личный состав.

Минут через пятнадцать на лужайке собралось около сорока человек. Жаботинский представил мне их. Здесь были начальники отделений майор медицинской службы П. И. Китайцев и капитан медицинской службы В. А. Евстронива, ординаторы — майор медицинской службы Д. А. Лапчинский и капитаны медицинской службы С. Ф. Коребова и П. Ф. Харина, начальник физиотерапевтического отделения майор медицинской службы Р. И. Левит, старшая операционная сестра Е. В. Корочкина, не имевшая воинского звания, старшие медсестры младшие лейтенанты медицинской службы Т. М. Чибисова и А. М. Добринина, а также другие товарищи.

Коллектив состоял из опытных специалистов. Через их руки прошли тысячи раненых и больных. Но эти люди совершенно не представляли себя в новой для них роли работников ААГ. Посыпались вопросы. Больше всего они касались специфики лечения раненых и больных авиаторов. Ответив на них, я сказал, что при госпитале будет работать врачебно-летная комиссия. Поэтому медицинскому составу необходимо заранее изучить требования, предъявляемые к состоянию здоровья летчиков. А самая ближайшая и главная задача — готовиться к наступательной операции. О времени и сроках ее проведения скоро станет известно…

Был задан и такой вопрос:

— Вот вы — начальник медицинского отдела четвертой воздушной армии. А мы слышали, что там во главе санслужбы стоит флагманский врач.

Ответил: должность переименована. Это было вызвано созданием при управлении армии медицинского отдела. Кроме заместителя у меня стало четыре помощника: хирург — подполковник медслужбы И. Х. Верещак-Верещаковский, терапевт — майор медслужбы Я. А. Гельбирд, эпидемиолог — майор медслужбы А. В. Сафонов и невропатолог — подполковник медслужбы М. Г. Шефтель. Все они оказались хорошо подготовленными, опытными специалистами.

Я, разумеется, созвал совещание не только для того, чтобы сообщить о создании армейского авиагоспиталя и его структуре. Главным было уяснить задачи медицинского обеспечения предстоящего наступления.

На моем докладе присутствовали, несмотря на их очень большую занятость, командующий армией генерал-полковник авиации К. А. Вершинин и его заместитель по политической части генерал-майор авиации Ф. Ф. Веров. Это придало совещанию особую весомость.

Ширина фронта, на котором должны были развернуться боевые действия 4-й воздушной армии, не превышала 70–80 километров (при общей ширине 2-го Белорусского фронта 140 километров). Фактически же наша авиация наносила удары в 25-30-километровой полосе. Радиостанции управления и наведения были расположены в населенных пунктах Студенец, Черная речка, Дроздовка и на опушке леса, что западнее деревни Рясны. Всюду здесь были медпосты. В районе деревни Бровки, на значительном расстоянии от основной группы, имелась еще одна радиостанция наведения. Она должна была обеспечивать боевую работу истребительной авиации. При ней также был организован медицинский пост.

По плану все раненые летчики эвакуировались в лазареты БАО, находившиеся в деревнях Старина и Дубровка. Оттуда их отправляли в авиагоспиталь, расположенный в Борге, в 27 километрах от Рославля.

Специальный медпункт был организован на центральной радиостанции наведения, где находился командующий воздушной армией. Возглавлял его врач-хирург, в распоряжении которого находились фельдшер и две медсестры.

Для лечения инфекционных больных были определены два госпиталя — № 842 и 845. Располагались они в Быстрянских хуторах и в Яновой Слободе. В местечке Первомайск, что в 28 километрах западнее Рославля, был развернут армейский дом отдыха, который при необходимости мог использоваться как второй, нештатный армейский авиационный госпиталь.

Наше наступление могло быть стремительным. А автотранспорта для быстрого продвижения не хватало. Учитывая возможные трудности с базированием авиагоспиталя, я позаботился о заблаговременной организации хирургических лазаретов на промежуточных этапах эвакуации. Для этой цели были выделены лазареты 707, 784, 814 и 836-го батальонов аэродромного обслуживания. Мы могли положиться на опытных хирургов Амелину, Гордеева и других. Правда, такая мера осложнялась одним немаловажным обстоятельством: в любой момент начальник тыла армии мог по оперативным соображениям перебросить лечебные учреждения батальонов аэродромного обслуживания. Но иного выхода у нас не было.

Фронт перешел в наступление. В ночь на 23 июня на участке прорыва крупные силы наших дальних бомбардировщиков нанесли по врагу мощные удары. На вражеские войска всю ночь сбрасывали бомбы самолеты 325-й ночной бомбардировочной дивизии. Особенно четко здесь действовали летчицы 46-го гвардейского Таманского полка. Удары с воздуха сильно

ослабили оборону противника.

Однако наутро погода испортилась. Облачность опустилась ниже ста метров.

В нескольких километрах западнее деревни Рясны, на окраине которой находился передовой командный пункт армии, гремела ожесточенная канонада. Но авиация не могла серьезно помочь нашим артиллеристам, танкистам и пехотинцам. Лишь к полудню облака несколько поднялись.

Над передовой сразу же появились штурмовики. Они волнами выкатывались из-за леса регулярно через каждые десять — пятнадцать минут.

С группой офицеров я приехал на КП вслед за командующим армией. Здесь при центральной радиостанции наведения был заблаговременно организован медпункт.

Генерал Вершинин, сильно недовольный резкой переменой погоды, ходил хмурый с самого утра. И все же он не изменил своему правилу: выкроил несколько минут для того, чтобы заглянуть в медпункт. Поздоровался за руку со всеми, затем поинтересовался у начальника, майора медицинской службы Цыпкина, все ли у них готово для приема раненых. Когда наши штурмовики возобновили боевую работу, командарм повеселел. Вскоре стало известно, что летчики быстро отыскивают и уничтожают огневые точки противника, мешающие продвижению войск.

На главном направлении действовали 1-й Прибалтийский, 1-й и 3-й Белорусские фронты. Наши войска наступали на вспомогательном направлении Могилев, Минск. 2-й Белорусский фронт располагал тремя наземными армиями. Вперед двинулась 49-я армия генерала И. Т. Гришина. Авиационная поддержка была исключительно важна для нее.

Позже в одной из бесед с офицерами штаба К. А. Вершинин рассказал, что в начале июня его вызывали на совещание, которое проводил представитель Ставки маршал Г. К. Жуков. Там присутствовали маршалы авиации А. А. Новиков и А. Е. Голованов, а также командующий 16-й воздушной армией генерал С. И. Руденко. Были подробно обсуждены план применения воздушных соединений в операции «Багратион» и порядок их взаимодействия с дальней авиацией.

В первый же день 49-я армия взломала вражескую оборону. Гитлеровцы, имевшие всего 1300 самолетов, не могли надежно прикрывать войска на участке фронта протяженностью более тысячи километров. Поэтому наша авиация, не встречая серьезного противодействия, использовала для поражения наземных целей даже истребители.

Получив данные о форсировании сухопутными частями реки Прони, командующий приказал офицерам, находившимся на КП, отправиться по своим местам.

За три дня боев войска нашего фронта вышли к Днепру и захватили плацдармы на его правом берегу. 27 июня радиостанции наведения с медпостами при них располагались в пунктах: высота 205,0, что в 10 километрах северо-восточное Шклова, село Мосток, аэродром Луполово (район Могилева), деревни Церковщина и Русенки, там же находилась и центральная радиостанция наведения. Шестую радиостанцию за ненадобностью оставили у себя в тылу. Все раненые, подобранные медпостами, теперь эвакуировались в Русенки. Здесь им оказывалась неотложная хирургическая помощь, затем их отправляли в лазареты БАО и в армейский авиационный госпиталь.

28 июня вражеская группировка в районе Могилева была разгромлена. Форсировав Днепр, наши войска устремились вперед. Расстояние между госпитальной базой фронта, авиагоспиталем и передним краем ежедневно увеличивалось на десятки километров. Тут и появилась надобность в промежуточных этапах эвакуации. Хирургические лазареты 707, 814, 836 и 784 БАО развернули работу на аэродромах Люботин, Луполово, Могилев, Пронцевка.

Следы, оставляемые захватчиками, были страшными. На дорогах маячили остовы сгоревших автомашин и подбитых танков, валялись покореженные орудия. Над горизонтом не рассеивались дымы.

Иногда противнику удавалось отрываться от нашей пехоты. Для ударов по нему требовались дневные бомбардировщики. А их в 4-й воздушной армии было мало. К. А. Вершинин послал командующему ВВС Главному маршалу авиации А. А. Новикову телеграмму, в которой просил выделить ему дополнительные бомбардировочные части. Эта просьба была незамедлительно удовлетворена. К нам прибыло несколько полков из 16-й и 1-й воздушных армий, действовавших на 3-м и 1-м Белорусских фронтах.

На своем У-2 я производил облет передовых аэродромов, только что освобожденных от противника, и налаживал там лечебно-эвакуационное обеспечение. Боевые санитарные потери среди летного состава в эти дни были невысокими. На 1 июля мы эвакуировали в армейский авиационный госпиталь всего около двадцати раненых летчиков и стрелков-радистов. Однако среди наземных специалистов их оказалось довольно много.

3 июля войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов освободили

столицу Белоруссии. Части 4 ВА начали перебазироваться в район южнее Минска. Штаб армии переехал в поселок Червень. В это время восточнее города блуждали по лесным дорогам многочисленные группировки гитлеровцев. Некоторые из них выходили в районы базирования наших авиачастей.

Серьезные бои, например, пришлось вести передовой команде 448 БАО, чтобы отстоять Мачулище, частям 34 РАБ, оборонявшим Самоваловичи. В связи с угрозой захвата этих аэродромов противником мы оттянули в тыл почти все полки 325-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии. Только 11 июля основная группировка фашистов была ликвидирована. Но отдельные разрозненные подразделения гитлеровцев все еще оставались и иногда вступали в перестрелку с нами.

Меня сильно беспокоило то, что армейский авиационный госпиталь остался далеко в тылу. Даже санитарные самолеты уже не могли туда летать. Я обратился к начальнику тыла генералу П. В. Коротаеву с просьбой ускорить перебазирование госпиталя. Но Петр Васильевич, всегда отличавшийся собранностью и организаторскими способностями, на этот раз показался мне растерянным. И его нетрудно было понять. Армейские части нуждались в горючем, боеприпасах, продовольствии и многом другом, а железнодорожный транспорт был разрушен, грунтовые дороги тоже находились в ужасном состоянии.

— Автомашин у меня нет, — сказал Коротаев. — Вывозите госпиталь на станцию Понятовка и грузите в эшелон. Должны же наконец железнодорожники наладить движение!

Я не мог согласиться с таким решением и попросился на прием к командарму. Выслушав меня, уставший от бессонных ночей генерал Вершинин снял телефонную трубку и позвонил Коротаеву.

— Петр Васильевич, я знаю о твоих трудностях с транспортом, но Бабийчуку надо помочь. Он должен выбросить на передовой аэродром группу для оборудования госпиталя коек на пятьдесят — семьдесят. Выдели ему десять автомобилей, а я ему дам три «Дугласа».

Вершинин положил трубку и спросил:

— Обойдетесь тем, что даем? Больше пока ничем помочь не могу…

Что ж, надо было обходиться тем, что давали. И я только поблагодарил командарма.

Возвратившись от Вершинина, немедленно направил начальнику госпиталя Жаботинскому письменное распоряжение. В нем предписывалось подготовить для выдвижения отделение на 70 коек; обеспечить медиков всем необходимым для оказания

пострадавшим квалифицированной помощи; имеющихся в госпитале раненых и больных передать на время в эвакогоспитали Рославля без права эвакуации их в тыл; все госпитальное оборудование вывезти на станцию Понятовка для погрузки в эшелон.

В деревню Ворга, находящуюся под Рославлем, вылетел Алексеев. Он должен был принять там передовую группу.

Раненых и больных из армейского авиационного госпиталя разместили в ЭГ № 1814 и специализированном ЭГ № 1781. Одно его отделение было отправлено к нам, под Минск. Но оно все еще находилось в пути, поскольку темп наступления наших войск оставался высоким — 25–30 километров в сутки. Учитывая, что лазареты БАО не всегда могут оказывать хирургическую помощь раненым, я поставил вопрос о том, чтобы раненых летчиков принимали на время эвакогоспитали общевойсковых соединений.

Задача эта была решена довольно оперативно. Для приема раненых авиаторов определили ЭГ № 2594 и ППГ № 132, расположенные в поселке Червень.

Мои помощники работали в лазаретах. А я вылетел осмотреть новое место для развертывания передового отделения ААГ. В 28 километрах южнее Минска находилась усадьба совхоза Аннополь. Несколько деревянных строений ее уцелели. Там и решили разместить сначала передовое отделение, а затем и весь армейский госпиталь.

На обратном пути летчик отклонился от курса, и мы оказались над территорией, занятой противником. Фашисты открыли огонь. Одна автоматная очередь, видимо, угодила в мотор, он стал работать с перебоями. Летчик развернул машину на 180 градусов, и нам вскоре удалось выйти из-под обстрела. Летели над лесом, на предельно малой высоте. На наше счастье, барахливший мотор пока работал. Протянув еще километр с лишним, увидели впереди небольшой хутор. Возле него и плюхнулись прямо в огороде.

Из домов выбежали люди — дети, женщины, старики. С их помощью мы выкатили самолет на дорогу.

Кое-как запустили мотор, взлетели и добрались до аэродрома, где базировались связные самолеты штаба фронта. Там неожиданно встретил старого знакомого — подполковника Елисеева. В 1936–1938 годах он был командиром 15-й разведывательной авиаэскадрильи 13-й авиабригады, в которой служил и я. Случались на войне такие встречи. По его указанию техники заправили наш У-2 горючим, подлечили и мотор. Поздним вечером мы наконец добрались до своего аэродрома.

Утром офицер штаба сообщил мне, что после нашего отлета

из Аннополя блуждавшая по нашим тылам группа гитлеровцев напала на аэродром Озеро, находившийся по соседству. Видимо, они собирались вызвать свои транспортные самолеты. Но воины 444-го и 706-го батальонов аэродромного обслуживания своею стойкостью и мужеством сорвали замыслы врага.

Отделение авиагоспиталя без остановки проследовало в местечко Новоельня, расположенное в шестнадцати километрах от города Новогрудок. 15 июля оно развернулось в помещении бывшего детского санатория. Линия фронта в это время проходила в сорока километрах от него.

Медицинские посты, созданные при радиостанциях наведения, неотрывно следовали за войсками. На центральной станции кроме медпункта имелись два резервных медпоста и самолет, которые в любой момент могли быть использованы для розыска раненых летчиков. А при штабе армии дежурило авиазвено.

Все пострадавшие авиаторы при отсутствии противопоказаний эвакуировались в армейский авиагоспиталь. Мне невольно вспоминались 1942-й и начало 1943 года, когда многие раненые летчики попадали в общевойсковые этапы эвакуации и мы теряли их из виду. Было, честно говоря, просто непонятно то упорство, с которым Главное санитарное управление противилось созданию в воздушных армиях штатных госпиталей. Теперь, когда такие лечебные учреждения функционировали, судьба каждого пострадавшего авиатора находилась полностью в наших руках.

Линия фронта продолжала отодвигаться на запад. Наши войска вели упорные бои за Белосток. Тылы по-прежнему отставали от наступающих частей. Осложнилась проблема снабжения лечебных учреждений медикаментами и медицинским оборудованием. Осуществлялось оно через фронтовые (ФАС) и головные (ГАС) авиационные склады. Первые подчинялись непосредственно штабу воздушной армии, вторые — начальнику района авиационного базирования. Правда, были ГАСы и армейского подчинения.

Отделения медицинского снабжения предусматривались не на всех головных складах. Приходилось создавать нештатные.

Жизнь заставляла иногда отходить от принятой схемы обеспечения частей медико-санитарным имуществом. Мы создали, например, при штабе армии не только нештатное отделение медснабжения, но и склад. Из головных авиационных складов изъяли такие подразделения и придали их управлениям РАБ. Таким образом нештатные склады медицинского снабжения появились при районах авиабазирования.

Изменения были продиктованы прежде всего заботой о повышении оперативности в работе снабженческих отделений.

В других воздушных армиях эта задача, насколько мне известно, решалась несколько иначе. Во 2 ВА, например, отделения медснабжения РАБ получали имущество непосредственно с медико-санитарного склада фронта. Но такую практику тоже нельзя было считать идеальной. Во время больших наступательных операций, когда тылы нередко растягивались, начальники санслужбы РАБ оборудовали одну-две автомашины-летучки, которые следовали вместе с управлением РАБ. Они располагали специальным фондом медикаментов и медимущества, необходимого для обеспечения авиачастей. Но эти летучки порой сами отставали, да и много ли груза могла увезти полуторка.

Объем работы нештатного отделения снабжения, которое возглавляли Гальперсон и Петровский, был довольно большим. Для примера приведу цифры по двум районам авиабазирования. За время войны в 77 РАБ завезли на склад отделения медснабжения 54 тонны медикаментов, 16 тонн перевязочного материала, 327 000 штук разных бинтов и т. д. Отделение медснабжения 24 РАБ распределило между авиачастями 24 вагона медимущества.

Надо отдать должное энергии названных выше товарищей. За время боев в Белоруссии авиачасти воздушной армии не ощущали перебоев в снабжении медимуществом.

Несколько раз я прилетал в Новоельню и близко познакомился со всеми работниками армейского авиационного госпиталя.

Майор медицинской службы Жаботинский был человеком исполнительным и распорядительным; чувствовалось: у него осталось недовольство реорганизацией эвакогоспиталя в ААГ. Возможно, он считал, что ущемлены его права, что у госпиталя много опекунов. Я старался быть всегда деликатным с ним.

Уважение вызывали женщины-врачи: ординаторы капитаны медицинской службы С. Ф. Коребова, высокая, несколько суровая на вид блондинка, и П. Ф. Харина, небольшого роста брюнетка, а также начальник медотделения капитан медицинской службы В. А. Евстронива. Очень хорошее впечатление производили квалифицированные старшие медицинские сестры Т. М. Чибисова, А. М. Добринина и М. Н. Большуткина, старшая операционная сестра Е. В. Корочкина, сестра хирургическая перевязочная М. В. Цедякова, начальник аптеки А. Т. Рысакова.

Из врачей-мужчин мне понравились своим отношением к работе ординаторы майор медицинской службы Д. А. Лапчинский

и капитан медицинской службы Н. И. Гордеев. Большую заботу о раненых проявляли начальник продовольственного снабжения старший лейтенант интендантской службы К. Н. Платонов, помощник начальника госпиталя по материальному обеспечению капитан С. М. Антонюк, пропагандист старший лейтенант С. П. Лакоревич. В налаживании четкой работы ААГ, несомненно, большую роль играл деятельный и душевный замполит капитан И. Е. Панчев.

Среди младшего персонала госпиталя преобладали вольнонаемные. Молодые девушки трудились не покладая рук. В моих записных книжках сохранились фамилии некоторых из них: санитарки М. С. Мартыненко, А. С. Железнова, К. И. Черткова, М. С. Тараскун, Ю. С. Цвиканова, хозяйственная работница П. Д. Синякова, медицинские сестры Е. П. Никитина, Е. М. Орлова и Е. И. Серафимович.

Однажды я услышал в штабе армии, что командующий плохо выглядит. А вскоре и сам убедился в этом. Действительно, К. А. Вершинин осунулся и даже при теплой погоде ходил в кожаном реглане.

Я попросил командарма показаться врачу. Он сначала отмахнулся, но потом согласился со мной. Анализ крови подтвердил наше предположение: у Вершинина оказалась малярия. Лечь в лазарет генерал наотрез отказался. Заботясь о раненых, о здоровье офицеров и солдат, о себе он мало думал.

Мои помощники порой упрекали меня за то, что я постоянно «в разлетах». В какой-то степени они были правы. Связь с частями поддерживалась устойчивая. Частое посещение передовых аэродромов и лазаретов БАО, возможно, не всегда вызывалось необходимостью.

Но и меня можно было понять. Вылетая в ту или иную часть, я ставил перед собой цель не только оказать помощь лечебным учреждениям, но и увидеть людей в работе, лучше изучить их, чтобы знать, кому можно безошибочно доверить наиболее ответственное дело. Когда, например, по ряду причин потребовалось произвести перестановку и замену нескольких полковых врачей в 230-й штурмовой и 215-й истребительной авиационных дивизиях, я счел необходимым на месте разобраться в целесообразности намеченных мероприятий и ближе познакомиться с предложенными кандидатурами. Это позволило избежать ошибок в подборе кадров.

После взятия Белостока мне посчастливилось встретиться с женой и дочерью, которых не видел с начала наступления. До освобождения Минска 439 БАО, где Шура работала начальником лазарета, обслуживал полк ГВФ, штаб нашей армии и некоторые

вспомогательные части. Потом он остался во втором эшелоне.

Лазарет 439 БАО оказался буквально заполненным ранеными и больными. Медицинскому персоналу приходилось работать днем и ночью.

Командиром этого батальона аэродромного обслуживания был подполковник Александр Георгиевич Тарасов. Санслужбу возглавлял сначала майор медицинской службы Кулиненко, затем майор медицинской службы Кравченко. При встрече жена рассказала, как много ей пришлось пережить. Особенно трудно было при переправе лазарета через Березину. Двое суток простояли они у моста, перед которым скопилось огромное количество военной техники, подвод и людей.

Случилось так, что старший врач БАО заболел и Шура замещала его. С большим трудом она добилась от полковника, руководившего переправой, чтобы пропустили наконец санитарные машины с больными и ранеными.

После взятия Белостока, начиная с рубежа реки Свислочь, противник стал оказывать нашим войскам упорное сопротивление. Видимо, он стремился выиграть время для укрепления обороны на подступах к Восточной Пруссии.

В течение августа войска 2-го Белорусского фронта вели напряженные бои западнее Белостока, в излучине реки Нарев. На пути их были крепость Осовец, города Замбровск, Виземск, Остроленко, водные рубежи.

В соответствии со сложившейся боевой обстановкой была организована и работа медицинской службы. На базе 832, 853, 856 БАО, находившихся на передовых аэродромах, мы развернули хирургические лазареты, усилив их за счет 12 и 20 РАБ. Такой же лазарет, организованный на базе 448 БАО 34 РАБ, находился в самом Белостоке. Розыск, подбор и эвакуация раненых летчиков осуществлялись медпостами при радиостанциях наведения. Оттуда пострадавших направляли в ближайший хирургический лазарет, а затем эвакуировали в авиагоспиталь, который в конце августа переехал из Новоельни в город Высокий Мазовецк. Чтобы не потерять раненых летчиков, попавших в общевойсковые этапы эвакуации, старшие врачи авиаполков и БАО поддерживали постоянный контакт с госпиталями наземных частей.

В сентябре и октябре боевое напряжение на нашем фронте несколько спало. Войска нуждались в перегруппировке и пополнении. Попытка расширить так называемый рожанский плацдарм оказалась безуспешной.

Однако именно в октябре медицинскими постами при радиостанциях наведения было подобрано наибольшее количество раненых. Объяснялось это тем, что противник резко

усилил свою зенитную оборону. Подбитые самолеты зачастую совершали вынужденную посадку вблизи линии фронта.

Во время освобождения Белоруссии авиачасти 4-й воздушной армии совершили 14 000 боевых вылетов, сбросили на вражеские войска более 2500 тонн бомб. Тридцать наших летчиков и штурманов стали Героями Советского Союза. Многие авиачасти получили звание гвардейских и почетные наименования. 4-я воздушная армия неоднократно отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего.

В конце октября войска 2-го Белорусского фронта перешли к обороне. Наступила оперативная пауза.

Осенью и в начале зимы 1944 года 4-я воздушная армия усилилась 8-м истребительным, 5-м бомбардировочным и 4-м штурмовым корпусами, ими соответственно командовали генералы А. С. Осипенко, М. Х. Борисенко, и Г. Ф. Байдуков. Кроме того, к нам прибыло несколько авиачастей из тыла и с других фронтов. Количество самолетов возросло до 1665. Никогда еще 4-я воздушная армия не была такой мощной.

Все понимали: в Восточной Пруссии — цитадели прусского милитаризма враг будет драться отчаянно. По данным разведки, гитлеровцы в полосе нашего фронта располагали 700 самолетами. Но они могли усилить свою авиацию.

16 ноября в командование 2-м Белорусским фронтом вступил Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Он хорошо разбирался в вопросах массированного применения авиации и организации взаимодействия ее с наземными войсками.

В это время уже началась непосредственная подготовка Млавско-Эльбинской наступательной операции, являвшейся частью стратегической Восточно-Прусской. Наша армия подтягивала тылы, создавала запасы горючего и боеприпасов, приводила в порядок аэродромы.

Точной даты начала нового большого наступления, естественно, никто не называл. Ее могла знать лишь Ставка Верховного Главнокомандования. Наши летчики активно вели разведку оборонительных укреплений и наиболее важных тыловых объектов противника.

Раньше советское командование получало хорошие разведывательные данные из партизанских отрядов. Здесь же их не было. Сведения о противнике добывались наблюдением и фотографированием с воздуха, с помощью агентурной и войсковой разведок.

Наши дороги из тыла к фронту проходили по территории Польши. Население относилось к нам дружественно. Но среди него действовала и вражеская агентура. Перегруппировку войск

требовалось производить скрытно, нужна была постоянная бдительность.

Вскоре враг преподал нам жестокий урок. Успокоенные снижением активности авиации противника, некоторые наши командиры ослабили охрану аэродромов. И вот 24 декабря группа «фокке-вульфов», численностью до 30 самолетов, нанесла удар по Вышкуву, где базировались два полка нашей 269-й истребительной авиационной дивизии. Мы потеряли значительное количество машин.

На следующий день после этого налета я побывал у К. А. Вершинина. Застал его очень расстроенным. О случае в Вышкуве я уже знал, поскольку туда было немедленно выслано звено санитарных самолетов. Но, видимо, и еще какие-то неприятности угнетали генерала.

Вершинин умел владеть собой. Однако в этот день ему не удавалось скрыть свои чувства. Приходивших к нему офицеров он отпускал быстро, разговор по ВЧ, о котором ему напомнил адъютант, отложил, сказав, что еще не готов к нему.

— Что вы стоите? — обратился ко мне командарм. — Садитесь.

Мы остались одни в кабинете.

— Сегодня у меня очень тяжелый день, — устало продолжал он. — Два таких удара! Вот телеграмма от товарища Сталина… — Генерал протянул мне небольшой листок. Телеграмма была лаконичной, но резкой: «Вершинину. Позор. Сталин». — Вот как! — вздохнул Константин Андреевич, забирая у меня бумагу. — И поделом: такие оплошности нельзя прощать. А тут еще из дому телеграмма пришла: серьезно заболела дочь… Словом, тяжелый выдался день! — заключил он.

Чтобы как-то успокоить командарма, я сочувственно заметил, что на войне всякое может случиться, в семейной жизни тоже бывают удачи и неудачи…

В армии велась большая работа по разъяснению воинам норм их поведения за рубежом. Всячески подчеркивалось, что Красная Армия вступила на территорию Польши с благородной освободительной миссией. Заместитель командующего по политической части генерал Ф. Ф. Веров не раз спрашивал у меня, как наша медслужба помогает местному населению.

Польские города, местечки и особенно села были совершенно лишены сколько-нибудь организованного медицинского обслуживания. А частные врачи, фельдшеры и акушерки не располагали ни медикаментами, ни медицинскими инструментами. Высокую смертность среди обнищавшего, полуголодного местного населения гитлеровцы цинично

называли «естественным отбором».

Кроме проведения противоэпидемических мероприятий санслужбы РАБ и авиасоединений отдавали много сил и средств лечению больных. Мы не скупились на лекарства и перевязочные материалы. Многие лазареты БАО организовали специальные отделения для поляков, нуждающихся в госпитализации.

Однажды мы с врачом 8-го истребительного авиационного корпуса подполковником медицинской службы Н. Т. Горчаковым заехали на «виллисе» в польское местечко. Рядом с ним находился аэродром.

Проезжая по улице, увидели над дверью каменного домика белую дощечку с красным крестом. Я попросил шофера остановить машину, и мы с Горчаковым вошли в медпункт. В коридоре увидели длинную очередь. В основном здесь были матери с детьми на руках. Прием больных вел старенький местный врач. Ему помогала молодая монахиня в чепце с большими полями.

Увидев военных с медицинскими эмблемами на погонах, врач шагнул нам навстречу и стал пожимать руки. Как большинство пожилых поляков, он неплохо говорил по-русски.

— За всю свою многолетнюю практику я никогда не имел такого богатства! — указал врач на стеклянный шкаф, заполненный коробками и пузырьками. — Это дар ваших врачей. Не подумайте, что я беру с больных деньги. Нет-нет, я тружусь бесплатно, как у вас, в Советах. Каждый день сюда приходит ваша военная женщина-врач и консультирует меня. Оказывается, я многого не знаю, отстал от современной медицинской науки.

Выяснилось, что этот медпункт был создан при активном содействии начальника санслужбы 20 РАБ Михаила Владимировича Корнеева. Врачом-консультантом оказалась капитан медицинской службы С. П. Подпругина.

— Я долго верил вражеской клевете на вас: мол, коммунисты бессердечные люди, — сказал польский врач. — Об этом совсем недавно твердили наши националисты. Но теперь у нас открылись глаза!..

Советское правительство помогало польскому народу и продовольствием. В Высоком Мазовецке и в других населенных пунктах я не раз видел, как разгружались вагоны с мукой, прибывшие из Советского Союза. А ведь в то время наши люди сами жили еще очень бедно, получая продукты по карточкам. Освобожденные поляки радовались нашим продовольственным пайкам как заботе вновь обретенной родины. Воины Красной Армии гордились тем, что даже в тяжелых условиях войны большевистская партия и Советское правительство показывают

высокий пример гуманизма и интернациональной солидарности.

Начальник штаба 4-й воздушной армии генерал А. З. Устинов очень внимательно относился к нуждам медицинской службы. В июне 1944 года его сменил генерал-майор авиации А. Н. Алексеев. В первой же беседе со мной он в шутку заметил:

— Я слышал, будто оперативный отдел в первую очередь вам сообщает обстановку.

— Всем спокойнее воевать, когда медики точно знают, куда им лететь или ехать, — ответил я.

Генерал Алексеев сохранял доброе отношение к медицинскому отделу.

В ноябре — декабре армейский дом отдыха работал с полной нагрузкой. Побывав там, начальник штаба в разговоре со мной похвалил деятельную Назарову — она устраивала вечера художественной самодеятельности, спортивные игры на свежем воздухе, заботилась о хорошем питании людей. Алексеев посоветовал увеличить количество домов отдыха для летного состава.

— Используйте затишье на фронте для укрепления здоровья летчиков, сказал генерал.

В газетах и радиопередачах (во всех частях и подразделениях появилось много трофейных радиоприемников) значительное место уделялось восстановлению освобожденных городов, подъему промышленности и сельского хозяйства на советской земле, очищенной от врага. Десятки тысяч добровольцев, съехавшихся со всех концов страны, отстраивали Сталинград, Киев, Смоленск, Минск. Уже давали уголь шахты Донбасса, железорудники Кривого Рога. Колхозы Украины, Белоруссии и других республик готовились к весенним полевым работам.

Никакого сомнения не было в том, что 1945 год станет годом полного уничтожения германского фашизма. Но военная мощь гитлеровской Германии все еще оставалась внушительной. Мы знали, что 18 октября вступило в силу решение германского правительства об образовании фольксштурма, подчиненного Гиммлеру. Он поставлял вермахту сотни тысяч новых солдат. Линия советско-германского фронта сократилась почти вдвое, и поэтому плотность вражеской обороны намного возросла. Но фашистскую Германию уже ничто не могло спасти.

Глава восьмая
Вслед за войсками

13 января 1945 года вновь загремели бои на Белорусских фронтах. А двумя днями раньше началось наступление 1-го Украинского фронта. Красная Армия развернула завершающие операции по уничтожению военной мощи фашистской Германии.

2-й Белорусский фронт должен был основными силами выйти в район Мариенбурга, чтобы отсечь восточно-прусскую группировку противника от Восточной Померании, от Данцига и Гдыни. Основной удар наносился с рожанского плацдарма через Млаву, вспомогательный — с серецкого. В состав фронта входили семь общевойсковых армий. На участке прорыва мы имели внушительное превосходство над врагом: по пехоте — девятикратное, по артиллерии и минометам — восьмикратное, по танкам — восемнадцатикратное.

Однако противник сопротивлялся настолько упорно, что лишь 19 января, после ввода в бой основных танковых и механизированных войск, прорыв был завершен. Мы овладели Млавой, Пшаснышем и Цеханувом.

В первые два дня наступления авиация из-за тумана и моросящих дождей могла вести лишь воздушную разведку. Зато потом, в период с 16 по 18 января, когда погода улучшилась, соединения нашей воздушной армии произвели 5220 вылетов. Своими ударами они оказали весьма существенную помощь наземным частям.

Накануне наступления медицинский отдел армии выборочно проверил готовность лазаретов БАО к приему раненых и больных. Особое внимание мы уделили тем из них, которые находились на передовых аэродромах.

Чтобы лазареты без задержки перемещались на новые места и не отрывались от авиационных частей, командующий армией издал 9 января приказ. Один из его пунктов гласил:

«В случае наступления войсковые лазареты БАО передислоцировать первым эшелоном, наравне с горючим и боеприпасами. Войсковым лазаретам предоставлять наилучшие из имеющихся помещений…»

Все части армии перед началом операции были обеспечены двухмесячным запасом медимущества. Расположение авиагоспиталя в городе Высокий Мазовецк было до наступления наиболее удобным для обслуживания частей: передовые аэродромы находились в восьми — десяти километрах восточнее

реки Нарев, а тыловые — в районе Белостока. Расстояние от переднего края наших войск до авиагоспиталя составляло на северном крыле 25–30 километров, на южном — 120 километров. Было принято решение организовать дополнительную хирургическую группу и выдвинуть ее вперед на 70–80 километров.

Поделить армейский авиационный госпиталь на две части, чтобы одну оставить в Высоком Мазовецке, а другую направить в Браньщик, не представлялось возможным: по штату он имел лишь одного хирурга и маломощную хозяйственную базу. Нецелесообразно было развертывать хирургическую группу и при лазарете какого-либо БАО, поскольку они передвигались по указанию штаба тыла, а не медицинского отдела. Такую группу на 50 коек мы создали на базе дома отдыха. Содержался он за счет штата отдельной комендатуры авиагарнизона и был хорошо обеспечен транспортом: имел 15 автомашин (ААГ по штату располагал всего тремя грузовиками). К началу наступления дом отдыха был на три четверти свернут.

В первых числах января хозяйство Назаровой мы перебазировали в местечко Браньщик. Теперь оно было рассчитано всего на 25 человек. Но и такого количества коек вполне хватало. Во время боев количество отдыхающих не превышало 15.

Хирургическая группа была сформирована в таком составе: хирург начальник лазарета 459 БАО майор медицинской службы Кривда (я знал его с 1942 года); врач-ординатор майор медицинской службы Лапчинский из ААГ; три медсестры (в том числе операционная) и четыре санитара — за счет штата армейского авиационного госпиталя. Остальной обслуживающий персонал и автотранспорт взяли из дома отдыха. Необходимые инструменты и аппаратуру дали авиагоспиталь и частично лазарет 459 БАО.

Хирургическая группа имела рентгеновский кабинет, который обслуживался врачом-специалистом армейского госпиталя, периодически выезжавшим туда. Задачи этой группы состояли в следующем:

— в первые дни боевых действий авиации принимать всех раненых, за исключением тех, которые нуждаются в специализированной хирургической помощи и должны эвакуироваться в соответствующие госпитали;

— в момент, когда возникнет необходимость перебазирования ААГ, принять от него всех раненых и больных;

— быть в постоянной готовности выдвинуться в район передовых аэродромов за наступающими войсками.

По договоренности с начальником санитарного управления фронта все черепные, челюстно-лицевые и нейрохирургические раненые эвакуировались в специализированные лечебные заведения в Белосток, Замбров, Острув-Мазовецки, Будзиску и другие пункты.

В целях ускорения розыска, оказания медицинской помощи и эвакуации раненых командующий воздушной армией приказал: всем летчикам, обнаружившим место посадки подбитого самолета или местонахождение экипажа, немедленно сообщить об этом на волне наведения установленным сигналом.

Для связи с медпостами при радиостанциях наведения и руководства их работой был выработан специальный радиокод.

На время наступления командующий кроме имевшегося санитарного звена самолетов приказал выделить еще одно из санэскадрильи ГВФ. Автотранспорт базировался при штабе армии. Всем авиачастям мы направили подробные указания по лечебно-эвакуационному и противоэпидемическому обеспечению боевой операции.

Теперь, под конец войны, медицинская промышленность вдоволь снабжала нас препаратами кола и фенамин. Помню, зимой 1941 года командир полка легких ночных бомбардировщиков К. Д. Бочаров был буквально одержим желанием получить их. Но со временем авиаврачи стали расходиться во мнении о пользе этих стимуляторов. Мы неоднократно проводили опросы летчиков о воздействии колы и фенамина. Отзывы были неодинаковыми. Один из дивизионных врачей писал в рапорте: «С врачебной точки зрения кола больше воздействует на психику летчиков, чем на нервный тонус, если не считать высокую калорийность шоколада…»

Фенамин, по нашим наблюдениям, давал больший эффект, чем кола, но нередко отмечалось его побочное воздействие: понижение аппетита, появление сухости во рту, нарушение сна. Многие летчики отказывались от этого стимулятора.

Препаратом кола пользовались охотно. Недостатком его применения было то, что каждому летчику он выдавался в одинаковых дозах, независимо от индивидуальных особенностей человека и степени боевой нагрузки. Молодые, крепкие люди заметного действия колы не испытывали. Другие же считали его неотъемлемым продуктом, повышающим бодрость и придающим силы. Мне кажется, что в конце войны, когда господство нашей авиации в воздухе стало неоспоримым, а боевое мастерство летчиков очень возросло, сама обстановка была лучшим стимулятором, снижающим усталость и увеличивающим силы.

Войска фронта вошли на территорию Восточной Пруссии.

Почти все дома в населенных пунктах были кирпичными, с толстыми стенами, подготовленные к обороне, Деревья в лесах пронумерованы, вокруг полей проволочные сетки. Дороги отличные, асфальтированные или гудронированные, обсажены деревьями, побеленными со стороны движения. Ночью свет от подфарников автомашин скользит по белым пятнам на стволах, это не дает свернуть в сторону, облегчает езду.

Немецкое население уходило в глубь страны. На обочинах дорог валялись перевернутые громоздкие фуры, сотни брошенных велосипедов, оставшиеся без бензина автомобили. На полях виднелись обгоревшие танки, на высотках зияли ямы и возвышались глыбы бетона: тут были доты…

Такую, как здесь, зиму в России называют гнилой. Неожиданные оттепели с туманами и дождями, перемежающие ясные морозные дни, сильно затрудняли действия авиации. На передовых, как правило грунтовых, аэродромах, непредвиденно покрывавшихся льдом или грязью, нередко случались аварии.

Войска левого крыла фронта вели боевые действия еще на территории Польши. Они заметно отставали от основных сил. Это тормозило наступление на правом, ударном крыле, Не исключалась опасность контрнаступления немецких войск из Восточной Померании.

В конце января возникла необходимость перемещения основной части ААГ в район передовых аэродромов Млава, Лидзбарк, Бродница. Из Высокого Мазовецка авиагоспиталь перебазировался в местечко Слощевы. Хирургическая группа в Браныцике приняла от него всех раненых и превратилась в его второй эшелон.

10 февраля Ставка приказала 2-му Белорусскому фронту нанести удар по противнику с рубежа Грауденц, Ратцебур, с тем чтобы разгромить его группировку в Восточной Померании, овладеть Данцигом и выйти на побережье Балтийского моря.

Боевые действия 4-й воздушной армии были, как я уже сказал, ограничены плохими метеорологическими условиями. Только три дня в феврале авиация работала с полным напряжением. Дней, когда удавалось сделать от 350 до 850 самолето-вылетов, в этом месяце мы насчитали двенадцать.

Первые эшелоны БАО не отрывались от наземных войск. Не было случаев и отставания лазаретов от своих батальонов. Срок их развертывания на новом месте не превышал трех-четырех часов. При перебазировании все раненые отправлялись в авиагоспиталь, а больные перевозились на новое место после развертывания лазаретов.

Однажды мне позвонил дивизионный врач 233 шад майор

медицинской службы А. С. Зорин и сказал, что, по сообщению медпоста при радиостанции наведения, среди пленных, захваченных одним из полков, оказались немецкий авиационный врач и несколько санитаров. Это меня очень заинтересовало.

По оставленным на крупных аэродромах и в различных городах медицинским учреждениям, в большинстве своем разрушенным, мы могли приблизительно судить об организации медицинской службы в германском воздушном флоте. Подробно опросить кого-либо из пленных немецких врачей не представлялось случая.

Я тотчас попросил, чтобы меня принял генерал Ф. Ф. Веров. Сказав: «А надо ли это вам?» — он все же начал звонить по телефону. После довольно долгих переговоров с неизвестными мне лицами, очевидно из политотдела 19-й армии, заместитель командующего сказал:

— Поезжайте, вам устроят встречу с пленными.

Пригласив с собой подполковника медицинской службы М. Г. Шефтеля, я поехал в стрелковую дивизию.

Немец врач оказался дюжим мужчиной средних лет с умным насупленным лицом. Мышиного цвета шинель с серебряными витыми погонами сидела на нем ладно, он походил на строевого офицера. Узнав, кто перед ним, вытянулся и сказал, что в немецкой армии такие должности занимают генералы. На вопросы, не видя в том нарушения военного долга, стал отвечать охотно…

В первых числах марта 2-й Белорусский фронт вышел на побережье Балтийского моря, овладел городом Кёзлин и частью своих сил повернул на восток, на Гдыню и Данциг. Из состава 1-го Белорусского фронта под командование маршала Г. К. Жукова временно была передана 1-я гвардейская танковая армия для разгрома противника в районе Гдыни.

В воздухе мы имели неоспоримое преимущество. Против нашей 4-й воздушной армии (около 1300 самолетов) гитлеровцы смогли выставить не более 500. Половину этого количества составляли истребители. В основном они базировались на аэродроме Данциг.

В штабе армии возникла мысль окончательно разделаться с авиацией противника. Тогда мы могли бы для нанесения ударов по наземным объектам использовать также истребители, освободившиеся от прикрытия войск и сопровождения штурмовиков.

Семь налетов на аэродром Данциг, в которых участвовало 232 наших бомбардировщика и штурмовика, фактически лишили противника истребительной авиации. Остатки «фокке-вульфов» и

«мессершмиттов» уничтожала 215-я истребительная авиационная дивизия, которой командовал полковник М. Н. Якушин.

Наши летчики успешно действовали и по кораблям противника. Было потоплено до 60 судов, в том числе два крупных военных корабля и пять транспортов.

28 марта пала Гдыня. 30 марта был взят Данциг. Благодаря мощным ударам авиации при овладении важнейшим портом и первоклассной военно-морской базой наши войска избежали упорных уличных боев.

В Восточно-Померанской операции 4-я воздушная армия произвела более 14 тысяч самолето-вылетов. С воздуха были подбиты и сожжены десятки танков, более 3000 автомашин, около 250 орудий, взорвано 27 вражеских складов с боеприпасами и горючим. В воздушных боях и на аэродромах наши летчики уничтожили до 160 немецких самолетов.

В течение марта авиагоспиталь базировался в местечке Слощево, в 120 километрах юго-восточнее Данцига. Ближе к передовой, в город Мариенбург, выдвинулся хирургический лазарет майора медицинской службы Кривды. Он принял на себя 45 раненых, в том числе 26 человек летного состава.

Начальник ААГ И. И. Жаботинский, в один из дней приехав в штаб армии, попросил меня принять его по личному вопросу. Присев к столу, за которым я трудился над отчетом, сказал, что сануправление фронта может назначить его начальником одного из эвакогоспиталей. Попросил не чинить препятствий, как говорится, отпустить с миром.

Я тоже ответил поговоркой: «Насильно мил не будешь». Сказал, что доложу командованию и, по всей вероятности, оно пойдет навстречу.

Приказом по воздушной армии начальником ААГ был назначен майор медицинской службы М. М. Полонский.

Тотчас после завершения боев в Восточной Померании войска 2-го Белорусского фронта, соединения 4-й воздушной армии стали готовиться к Западно-Померанской наступательной операции. Она являлась составной частью Берлинской стратегической операции. Она же оказалась последней, в которой 4-я воздушная армия принимала участие.

В Ленинградском военно-медицинском музее сохранился «Отчет о работе медицинской службы 4-й воздушной армии за время Великой Отечественной войны». Там есть подписанный мною лечебно-эвакуационный план медицинского обеспечения этой операции. Он был составлен с большой тщательностью.

…Вспоминается теплая ночь на 20 апреля. В воздухе разлит запах цветущих яблонь и вишен, небо светло-сиреневое, лишь над

землей сизо-серое. Вдали, над передовыми вражескими позициями, непрерывное мелькание осветительных ракет.

Через несколько минут в воздух поднимутся наши ночные бомбардировщики. На эту ночь штаб запланировал более тысячи боевых вылетов. На рассвете, после мощной артиллерийской подготовки, вперед устремятся войска 70-й и 49-й армий.

Из сообщений Совинформбюро каждый знал: 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты ведут бои на подступах к Берлину, 4-й Украинский фронт освободил столицу Австрии Вену. До полной победы над фашистской Германией оставались уже не месяцы, а считанные недели или даже дни.

На ПКП все замерли. Чувствуется напряженность генералов и офицеров. Командующий воздушной армией смотрит на часы. Резко опускает руку. Аэродром оживает мгновенно. В воздухе нарастает гул моторов…

20 и 21 апреля почти все силы воздушной армии поддерживали войска 49-й и 70-й армий. Однако наибольший успех при прорыве вражеской обороны обозначился в полосе 65-й армии, действовавшей на вспомогательном направлении. Получив доклад об этом, К. К. Рокоссовский сразу же отдал приказ начать перенацеливание основных сил ВА в интересах 65-й армии. К исходу 24 апреля Одер был форсирован, войска фронта при активной поддержке авиации приступили к выполнению маневра. Цель его состояла в том, чтобы лишить главные силы 3-й немецкой танковой армии возможности не только оказать содействие берлинской группировке, но и не отойти на запад. Когда эта задача была выполнена, ряд соединений фронта вышел к демаркационной линии, где должен был встретиться с частями союзных нам английских войск.

В те дни советский народ и все прогрессивное человечество отмечали семьдесят пятую годовщину со дня рождения В. И. Ленина. С именем Владимира Ильича советские воины-победители очищали от фашистской скверны последние десятки квадратных километров, где еще изрыгали огонь бесчисленные доты и траншеи. Красная Армия несла освобождение и немецкому народу, жестоко обманутому Гитлером и его кликой.

2 мая Берлин пал. 5 мая наступила тишина и на нашем 2-м Белорусском фронте. Накануне в боевых журналах были зафиксированы последние боевые вылеты соединений 4-й воздушной.

9 мая повсеместно гремела оглушающая канонада. Победа! Стреляли вверх из всех видов оружия. Объятия, поцелуи, рукопожатия… Тяжел был путь советского народа к этому дню. Он стоил миллионов жизней. Но Победа пришла, ей радовались

от всего сердца.

Мы вспоминали боевой путь нашей воздушной армии. Верховный Главнокомандующий 42 раза объявлял благодарность ее соединениям. 277 ее воинам присвоено звание Героя Советского Союза. В ней воевали такие прославленные асы, как А. И. Покрышкин, братья Д. Б. и Б. Б. Глинки, Г. А. Речкалов, А. Н. Ефимов, П. М. Камозин, Г. Ф. Сивков и многие другие. 17 частей и соединений армии были преобразованы в гвардейские, 46 — удостоены собственных наименований, 76 — награждены орденами.

Однако для медицинской службы война не кончилась.

На 9 мая в авиационном госпитале находилось более 160 раненых и больных. Имелись они и в лазаретах БАО. Нужно было продолжать напряженную работу по противоэпидемическому обеспечению частей.

Вылетать на аэродромы приходилось не реже, чем раньше. Не сразу я отвык в воздухе внимательно осматриваться: не настигнет ли вражеский истребитель?

Некоторые командиры с окончанием боевых действий стали проявлять халатность в отношении медслужбы. Произошел такой эпизод.

Я прилетел в авиационную дивизию, базировавшуюся в городе Нойбранденбург. Увидел весьма неприглядную картину размещения раненых и больных. Несмотря на существовавший приказ командующего армией о том, что помещения немецких медицинских учреждений выделяются медицинским учреждением 4 ВА, здание бывшего немецкого лазарета было занято под штаб. Раненые и больные находились под открытым небом.

Я стал искать командира дивизии, чтобы потребовать выполнения приказа командующего. Под разными предлогами меня не допускали к полковнику. Все же я пробился к нему, и у нас состоялся довольно неприятный разговор.

— Что вы жонглируете приказами командующего? Никуда переводить штаб я не буду, — заявил командир дивизии.

Поняв, что продолжать разговор бесполезно, я сказал, что заставлю его уважать приказы командующего, сел в самолет и полетел в штаб армии, в город Лабес. Приземлился поздно вечером. Сразу же зашел к генералу Алексееву и доложил о положении в Нойбранденбурге. Начальник штаба армии тут же продиктовал шифрограмму командиру дивизии: «К 24.00 помещение лазарета освободить, об исполнении доложить к 1 часу следующих суток».

К. А. Вершинина в этот вечер в штабе не было. В два часа ночи за мной пришел посыльный. Вызывал командующий. Когда я

вошел в кабинет, генерал-полковник с лукавым блеском в глазах спросил:

— Что вы там натворили, в Нойбранденбурге? Я рассказал о разговоре с полковником.

— Прочитайте, — подал мне листок телеграммы Вершинин.

Командир корпуса генерал А. С. Осипенко жаловался, что начмедарм в резкой форме предъявил требование командиру дивизии, а переезд штаба в другое место нарушит режим его работы и т. д. Оказывается, вместо того чтобы выполнить приказ генерала Алексеева, строптивый комдив обжаловал его перед командиром корпуса.

— Как думаете, что нужно сделать? — спросил командующий.

— Заставить комдива выполнить приказ, — ответил я.

— Пишите телеграмму…

За столом командующего я написал: «Предлагаю впредь приказания от моего имени за подписью начальника штаба не обсуждать, а безоговорочно выполнять. Помещение, занятое под штаб дивизии, освободить к 8.00. Исполнение доложить к 10.00». Вершинин подписал телеграмму и велел ее отправить.

Несколько дней спустя штаб армии переехал в Нойбранденбург. Позвонив в размещенный на аэродроме лазарет, я узнал, что раненым и больным мешает постоянный шум: штаб авиадивизии освободил помещение не полностью. Я доложил об этом командующему.

На следующий день Вершинин вызвал к себе командира дивизии, меня и корпусного врача подполковника медицинской службы Горчакова. Разговор начал вопросом к полковнику:

— Вы служить хотите?

Опешивший командир дивизии, держа руки по швам, ответил:

— Я вас не понимаю, товарищ командующий…

— Я спрашиваю вас еще раз: вы служить хотите? — повысил голос командарм. — Кто позволил вам не выполнять мои приказы? Даю вам час на перевод штаба из лазарета. Идите выполняйте.

После этого он обратился к Горчакову: — А куда смотрели вы, корпусной врач? Ведь это прежде всего ваша забота!

К. А. Вершинин ценил людей по их делам, был справедлив, не имел предвзятых мнений.

В годы войны многие врачи, фельдшеры, медицинские сестры, санитары 4 ВА были награждены орденами и медалями. После победы медотдел представил к награждению ряд товарищей, отличившихся в последних боевых операциях.

Наградной лист сначала визировал заместитель командующего по политической части. Ф. Ф. Веров был человеком импульсивным. Несколько раз он возвращал наградной лист на врача Ш. Тот имел слабость возить за собой несколько чемоданов с личными вещами. Генерал за это недолюбливал его.

Не наградить самоотверженно работавшего врача было несправедливо. В конце концов я подал наградной лист прямо К. А. Вершинину. Командующий подписал его. Ф. Ф. Веров устроил мне разнос по телефону и какое-то время при встречах делал вид, что не замечает меня, не разговаривал со мной. Потом этот инцидент был предан забвению.

В последних числах мая я полетел в Москву на очередное совещание начальников медицинских отделов воздушных армий и помощников начальников санитарных управлений военных округов.

Трудно описать радость от встречи с боевыми товарищами и коллегами. Павел Константинович Быков, уже в звании полковника медицинской службы, представлял 2-ю воздушную армию, Александр Дмитриевич Вайнштейн Харьковский военный округ, Михаил Николаевич Жук — 17-го воздушную армию, И. М. Шевченко — 5-ю воздушную армию, А. А. Браун — 16-ю воздушную армию.

Прибыли С. Т. Буханенко (1 ВА), Г. П. Петров (3 ВА), П. Л. Романович (6 ВА), К. Ф. Бородин (7 ВА), И. С. Бабак (8 ВА), Е. Н. Панов (9 ВА), З. Я. Перебейнос (10 ВА), В. П. Крапотин (11 ВА), В. А. Мефедов (12 ВА), П. II. Копошилко (13 ВА), А. В. Морозов (14 ВА), М П. Мельников (15 ВА), И. М. Прунтов (18 ВА, авиация дальнего действия), помощники начальников санитарной службы военных округов по ВВС, корпусные врачи.

Открыв совещание, генерал-лейтенант медицинской службы Л. Г. Ратгауз поздравил всех присутствующих с Победой. Затем он выступил с обстоятельным докладом, в котором подвел первые итоги работы медицинской службы в годы Великой Отечественной войны.

Советские медики, подчеркнул в докладе Ратгауз, добились выдающихся успехов в работе на фронте и в тылу. В строй было возвращено 72,5 % раненых и 90 % больных. Таких результатов не знала ни одна армия в мире. Военно-медицинская служба могла достичь замечательных результатов потому, что постоянно ощущала поддержку и заботу партии и правительства, придававших ей огромное значение. М. И. Калинин говорил, что медицинское обеспечение нашей Красной Армии стоит в одном ряду с авиационным и артиллерийским. Творчески используя

накопленный опыт, военные медики смело внедряли в практику последние достижения науки. Прежде всего это касается организации хирургической помощи раненым.

Система оказания помощи раненым на войне была разработана в нашей стране еще в мирное время. Она основывалась на выдвинутом русским военным врачом В. А. Оппелем в 1916 году принципе этапного лечения раненых. Эта мысль, существенно дополненная и развитая академиком Н. Н. Бурденко, позволила четко сформулировать представление об этапном лечении с эвакуацией по назначению. В годы войны разработанные положения нашли блестящее воплощение в практике работы фронтовых и тыловых госпиталей. Полностью оправдала себя практика широкой специализации медицинской помощи, ее максимальное приближение к войскам. Такая помощь оказывалась уже в армейских полевых госпиталях.

Медицинское обеспечение ВВС базировалось и было неразрывно связано с системой медицинского обеспечения Советской Армии в целом. Л. Г. Ратгауз отметил, в частности, что из-за поздней организации авиационных госпиталей в годы войны основная тяжесть лечебно-эвакуационного обеспечения легла на маленькие штатные войсковые лазареты БАО. В них лечилось 92 % раненых и больных летчиков. В строй вернулось в среднем 82–92 % всех лечившихся. Перегрузка войсковых лазаретов, ограниченный объем их лечебных возможностей и связанная с этим вынужденная эвакуация раненых авиаторов в госпитали наземных армий поставили на повестку дня вопрос о госпиталях воздушных армий.

В некоторых ВА такие лечебные учреждения были созданы в 1943 году распоряжением начальников санитарных управлений фронтов. Так, например, по инициативе помощника начальника санупра Западного фронта по ВВС М. Я. Зетилова[8] для 1-й воздушной армии из состава госпиталей фронта был выделен ЭГ № 2653 и развернут под Москвой в поселке Расторгуево. Поблизости от него оборудовали посадочную площадку для самолетов, которые доставляли раненых и больных из медпунктов и лазаретов авиационных частей, а также из авиаэвакоприемника № 77, обслуживавшего санитарную авиацию фронта.

Во 2-й воздушной армии авиационный госпиталь тоже был создан в 1943 году. С его организацией значительно сократился срок оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи раненым летчикам.

Штатные ААГ появились в 1944 году. Как показал опыт Великой Отечественной войны, один авиагоспиталь не мог

обеспечить полностью лечебно-эвакуационные нужды воздушной армии во время фронтовых наступательных операций. Вот почему начальник санитарного управления 1-го Украинского фронта генерал-майор медицинской службы Л. П. Устинов выделил на время Берлинской операции для воздушной армии второй госпиталь. В 4-й воздушной медотдел создал его своими силами на базе армейского дома отдыха.

Далее генерал Ратгауз остановился на результатах лечения раненых летчиков в авиагоспиталях. Он подчеркнул, что они сыграли исключительно важную роль в сохранении летных кадров для фронта. Так, в 1944 году вернулось в строй (по всему составу ВВС) из армейских авиагоспиталей 70,4 % раненых, из центрального авиагоспиталя — 79 %. В то же время возвращение летчиков, поступавших через фронтовые эвакопункты, составило 46,6 %, из эвакогоспиталей тыла страны — 49,2 %.

Штатные и нештатные дома отдыха выполнили значительную работу по восстановлению трудоспособности летного и инженерно-технического состава. Только за 1944 год по всем воздушным армиям в них отдохнули 12 201 человек. Дома отдыха были рассчитаны на 60-100 человек, со сроком пребывания в них в среднем 15 суток. Преимущественно в них направлялись летчики с явлениями переутомления. Опыт войны показал: летному составу необходимо периодически (несколько раз в течение года) предоставлять кратковременный отдых и раз в год более длительный — на 1–1,5 месяца.

Вопросы медицинского снабжения, противоэпидемического обеспечения и многие другие тоже рассматривались в докладе. В заключение Л. Г. Ратгауз сказал:

— Авиационные медики, начиная с врачей и кончая младшим составом, работали с беззаветной преданностью, мужеством и стойкостью, нередко проявляя героизм и самопожертвование. Успешное решение стоявших перед нами задач стало также возможным потому, что медицинская служба авиации получала постоянную и всестороннюю помощь со стороны сухопутной. Кроме того, ею руководили опытные врачи, получившие хорошую специальную подготовку еще в мирное время.

С начала мая часть войск 3-го Белорусского, 2-го Украинского и некоторых других фронтов начала убывать на восток.

Не вызывало сомнений то, что предстоят боевые действия против милитаристской Японии, если она в ближайшее время не сложит оружие. Последнее было маловероятно. Каким-то воздушным армиям тоже лежал путь на восток. Поэтому в докладе Л. Г. Ратгауза и выступлениях других товарищей звучали такие фразы: «Этот опыт (например, двух авиагоспиталей в

воздушной армии в период крупной наступательной операции) должен быть учтен в будущем…»

На совещании вновь отметили, что первый опыт организации в ВВС медицинских поисковых групп и системы эвакуации пострадавших летчиков был осуществлен медслужбой 4 ВА. Он нашел широкое распространение в других ВА в 1944–1945 годах. Интересно было узнать, что в условиях Крайнего Севера, на Карельском фронте, и во время боевых действий авиации в горно-лесистой местности Карпат (8 ВА) применялась выброска специально подготовленных парашютистов для розыска раненых летчиков и оказания им медицинской помощи.

Жизнь постепенно входила в новое русло. Ряд соединений и частей расформировывался, в оставшихся налаживалась боевая учеба.

Санитарно-гигиенические мероприятия стали для медицинской службы вопросом номер один. Требовало внимания противоэпидемическое обеспечение. Большую заботу мы проявляли о раненых и больных, остававшихся в госпиталях и лазаретах.

Значительно больше внимания можно было уделить теперь организации отдыха и лечения офицерского состава, прошедшего такую тяжелую войну. Наш армейский дом отдыха работал с предельной нагрузкой. Гораздо строже стал подход к проведению врачебно-летной экспертизы и ежеквартальных врачебных осмотров летного состава. Они осуществлялись строго по плану.

Для армейского дома отдыха мы подобрали бывший немецкий курорт в горах.

Горный воздух, прекрасный лесной ландшафт, благоустроенные домики, хорошая водолечебница (здесь лечили в основном почечных больных) как нельзя лучше отвечали нашим целям. В санатории временно оставался прежний штат. Большую работу с этими людьми провела Э. М. Назарова. Вскоре она уволилась в запас. Начальником дома отдыха назначили майора медицинской службы Дегтяря.

По возвращении из Москвы я провел учебный сбор руководящего медсостава, ознакомил товарищей с итогами совещания и поставил задачи по организации обеспечения учебно-боевой подготовки.

К офицерам стали прибывать семьи. Нужно было позаботиться и о их медицинском обслуживании. В авиагарнизонах создавались лазареты с терапевтическим и хирургическим отделениями. Им придавались и родильные отделения.

Армейский авиационный госпиталь также расположился

удобно. Его работа перестраивалась на мирный лад. Был утвержден штат мирного времени. Начальником оставался М. М. Полонский.

Одна тогдашняя встреча воскресила в памяти забывшийся эпизод первых лет моей службы в армии. Как-то ко мне зашел высокий худощавый подполковник медицинской службы и представился как начальник одного из госпиталей сухопутных войск. Попросил меня передать им здание, пустовавшее, но находившееся в ведении нашей армии.

Мне этот человек показался знакомым. Всмотрелся в его лицо пристальнее и неуверенно спросил:

— Богданов?

Тогда и он узнал меня.

В 1931 году я, сугубо гражданский парень, прибыл в 138-й полк 46 сд. Богданов был там старшим врачом. Полк стоял в местечке Переяслав, километрах в двенадцати от Днепра. Однажды меня вызвали на медицинскую комиссию. Потом приказали быть готовым к командировке. С группой человек в тридцать, собранных со всей дивизии, я вместе с санинструктором Филяновым приехал в город Черкассы. Оттуда нас переправили на остров, находившийся посреди Днепра. Остров усиленно охранялся. Нас поселили в палатках, отгороженных колючей проволокой. Предупредили: выходить из зоны запрещено. На следующий день мы прошли мандатную и повторную медицинскую комиссии. Последняя была своеобразной: перед строем появился фельдшер с банкой в руке, из которой торчали шпатели. Последовала команда: «Открыть рот!» Фельдшер внимательно проверил у каждого, нет ли вставных зубов. Тем, у кого они были, тут же приказали выйти из строя.

Затем по очереди мы дули в трубку спирометра. Емкость моих легких была около шести тысяч кубических сантиметров, но я надул только пять тысяч: шепотом передавали, что больше нельзя, забракуют. За этот обман я вскоре едва не поплатился жизнью. Проверили также, все ли умеют плавать.

Отобранных молодых курсантов перевели в другие палатки. Мы стали изучать ВАП. В учебном руководстве было сказано: «ВАП — водный аппарат пехоты, служит для форсирования рек по дну и выхода из подводных лодок». Он состоял из полуторалитрового кислородного баллончика с давлением сто пятьдесят атмосфер, коробки с поглотителем углекислоты и резиновой трубки с загубником, вставляемым в рот. Под водой нос зажимался специальным зажимом.

Практические занятия строились так: обвязанный веревкой

(чтобы его можно было вытащить в случае необходимости) курсант погружался в воду; его местонахождение указывала плававшая сверху надутая футбольная камера, привязанная к нему тонкой бечевкой. Надо было пробыть под водой пять минут, привыкнуть дышать через ВАП. Затем следовало хождение по дну реки вдоль каната, протянутого на дне. Такие тренировки продолжались два месяца.

В конце лета, когда вода в Днепре стала холодной, курсантам усилили паек. Но мы все равно худели. Я, например, потерял пять килограммов веса. На берегу грелись у костра, глотали выдававшуюся норму спирта (я не пил и взамен спирта получал сахар и масло). Потом разрешили при погружении надевать теплое белье. Однако оно мало помогало.

Наконец настал день сдачи зачета. На остров приехало высокое начальство. Курсантам предстояло скрытно погрузиться в проток Днепра и с оружием форсировать его по дну. Я с напарником, фамилию которого не помню, тянул под водой пулемет «максим». Глубина местами достигала двадцати метров (каждые десять метров увеличивали давление на тело на одну атмосферу). Одной рукой мы перебирали канат. Колеса пулемета вязли в иле и глине. Мне не хватало кислорода — объем моих легких требовал его больше, чем подавал баллончик. Напарник внезапно всплыл, оставив меня одного. Задыхаясь, я продолжал тянуть пулемет. Бросить оружие не позволяла честь комсомольца. Боялся и наказания. Едва вышел из воды, упал и потерял сознание. Случись это под водой, помочь мне было бы некому…

Я получил звание инструктора-подводника. Правда, никогда после эта специальность мне не потребовалась, да и ВАП не получили распространения.

Богданов, старший врач полка, впоследствии узнал, что на медкомиссии я поступил по-мальчишески…

Я пригласил старого знакомого на семейный ужин. Пообещал помочь, чтобы приглянувшееся ему здание отдали ею госпиталю.

Вскоре после войны К. А. Вершинин уехал в Москву. Через некоторое время он был назначен командующим ВВС Советской Армии.

Еще весной летчики того самого авиаполка, который когда-то первым стал летать на одноместных «илах», уехали в тыл принимать новые, усовершенствованные штурмовики Ил-10. Война кончилась раньше, чем эти самолеты нашли себе применение. А на вооружение военно-воздушных сил уже принимались новые машины. Наступала эра реактивной авиации. Об этом шли разговоры, это занимало умы летчиков.

Вскоре командующий ВВС маршал авиации К. А. Вершинин

проводил большие авиационные учения, в которых принимала участие наша авиация. Происходило перебазирование летных частей на полевые аэродромы, расположенные на значительных расстояниях друг от друга.

Правды ради надо сказать, что в первые послевоенные месяцы, особенно после смены командующего, престиж медицинской службы стало поддерживать труднее. На учениях произошел случай, стоивший мне немалых переживаний.

За несколько сот километров были передислоцированы два истребительных авиаполка. Командир БАО, готовя заранее полевой аэродром, не побеспокоился об организации медицинского обеспечения. Все медимущество и лазарет он оставил на старом месте.

На аэродром прибыл лишь фельдшер со своей сумкой. Между тем в полках оказалось несколько больных, среди них летчики. Их поместили в сарае, прямо на соломе, через худую крышу сочилась вода: шли дожди.

Не лучше в этом БАО обстояло и с организацией питания летного состава. Забой свиней производили около выгребной ямы. На мое требование немедленно навести порядок комбат не обратил внимания. Только накануне по докладу начальника тыла он получил от генерала Степичева благодарность за хорошее обеспечение летных частей.

Прилетев в штаб, я доложил об увиденном генералу Коротаеву. Он подписал подготовленную мною телеграмму с требованием срочно перебазировать лазарет и создать необходимые санитарные условия на пищеблоке. Через два дня выяснилось, что командир БАО ничего не сделал. Я вновь обратился к генералу Коротаеву, потребовал наказать виновного. Коротаев ответил отказом. Я пошел к начальнику политотдела. Тот развел руками: «Обратитесь к Степичеву…» Так и пришлось поступить.

Подготовив проект приказа о наложении взыскания на командира БАО авиаполки должны были вот-вот включиться в учения, могли произойти аварии, а медпомощь летчикам нечем и некому оказать, и антисанитарные условия на пищеблоке могли вызвать массовые пищевые отравления, — я пошел к командующему. Генерал усомнился в правильности моего доклада. Тогда я поставил вопрос так:

— Товарищ командующий, хотя вы и очень заняты подготовкой к учениям, я прошу вместе со мной слетать на этот аэродром. Если мой доклад не соответствует действительности — отстраните меня от должности. Если же соответствует — вы подпишете приказ.

Генерал приказал на пять ноль-ноль подготовить Ли-2.

Все подтвердилось. Командующий авиацией группы не пожалел весьма нелестных эпитетов в адрес командира БАО.

— Два дня назад я объявил вам благодарность, теперь вы будете строго наказаны, — сказал он.

Приказ, подготовленный мной, был подписан.

Генерал Коротаев, к которому я относился с искренним уважением, перестал со мной разговаривать. Это, конечно, не было характерным для взгляда на медслужбу в мирное время. Но в какой-то мере оправдывалась поговорка: «Когда человек здоров, он о враче не вспоминает».

Глава девятая
В Главном штабе ВВС

В конце 1947 года я перевелся по службе в Москву. Получил назначение на должность начальника медицинской службы Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Это старейшее высшее учебное заведение нашей Родины. Оно было создано в 1920 году на базе Центрального аэрогидродинамического института, организованного в 1918 году по указанию и при поддержке В. И. Ленина.

Первый выпуск авиационных специалистов состоялся в 1925 году. Во время Великой Отечественной войны академия в сокращенные сроки осуществляла подготовку многочисленных инженерных кадров ВВС, проводила большую научно-исследовательскую работу в интересах фронта.

Среди выпускников академии, чьим талантом и неутомимым трудом создавалась в грозные годы войны и после нее боевая авиационная техника, всемирно известные генеральные конструкторы С. В. Ильюшин, А. И. Микоян, А. С. Яковлев, Н. Д. Кузнецов, А. К. Туманский и др.

С первых дней нового, 1948 года я приступил к исполнению своих обязанностей.

Начальником академии в то время был генерал-майор инженерно-технической службы Владимир Иванович Волков.[9] Он служил в Советской Армии с 1919 года, окончил военно-техническую академию, выполнял ряд ответственных задач в штабе ВВС Вооруженных Сил СССР. Внимательный, интеллигентный, он пользовался большим уважением профессорско-преподавательского состава и слушателей. Мне, еще при первом моем представлении (после беседы с флагманским врачом ВВС генералом А. П. Поповым), он обещал постоянную помощь в работе.

Пост начальника политотдела занимал генерал-майор авиации Иван Григорьевич Литвиненко, человек с большим опытом партийной работы в ВВС. Заместителем В. И. Волкова был генерал-лейтенант авиации В. И. Иванов, а заместителем по тылу — генерал-майор инженерно-технической службы Б. Н. Бабинский.

Я попал в совершенно новую для себя обстановку. Начал, конечно, со знакомства с личным составом медицинской службы академии, с учебным процессом, с размещением и условиями

труда и отдыха слушателей и преподавателей.

Все врачи имели хорошую практическую подготовку и солидный опыт работы. Начальник лазарета Нина Ивановна Бахирева, ординатор лазарета хирург Николай Сергеевич Симонов, начальник поликлиники Лев Соломонович Янкелевич, врачи подполковники медслужбы Д. Н. Вишневский, Е. И. Семенов, И. К. Выд-рин, Ф. Б. Хоменко, В. Г. Близнюк, врач-терапевт полковник медслужбы М. М. Михайлов, невропатолог подполковник медслужбы А. П. Тюрин, вольнонаемные врачи Е. В. Неверова, Е. В. Земская, К. А. Морозова, Е. М. Рач-кова, Л. В. Фадеева, Н. Ф. Горохова и другие оказались энтузиастами своего дела.

Вскоре мы провели всестороннее освидетельствование всего постоянного (профессорско-преподавательского) и переменного (слушательского) состава, завели на всех медицинские книжки, которые нам отпечатали в типографии академии. Централизованное обеспечение ими наладилось значительно позднее. Организовали диспансерное наблюдение за личным составом. Это дало полную характеристику состояния здоровья людей и позволило приступить к плановым лечебно-профилактическим мероприятиям для всех нуждающихся.

Особое внимание мы обратили на отбор кандидатов, поступающих в академию. Руководствовались специальными требованиями, изложенными в расписании болезней. Но при этом внесли в него ряд дополнений и поправок, которые были приняты Центральной военно-врачебной комиссией Министерства обороны. В частности, отныне строже отбирали кандидатов в слушатели по остроте зрения и цветному зрению. Инженер-цветоаномал, не различая разницы в окраске проводов электрооборудования, может перепутать их и тем самым создать предпосылку к летному происшествию. Инженер, работающий в очках, зимой и ночью (при искусственном освещении) испытывает затруднения и неудобства, плохо видит объект, что тоже чревато опасными последствиями.

Мы стали очень строго подходить к комплектованию медицинской комиссии, которая освидетельствовала кандидатов в военном лагере академии. Если возникали сомнения в здоровье поступающих, они подвергались обязательному стационарному обследованию в лазарете.

Были четко определены функциональные обязанности врачей факультетов. Для них разработали специальные инструкции. Серьезное внимание уделили и физической подготовке, которая имела большое значение в деле сохранения здоровья личного состава. В соответствии с приказом Министра обороны весь

личный состав распределили на группы для физических занятий.

В первую группу вошли генералы и офицеры в возрасте до 42 лет, а также некоторые 50-летние, имевшие хорошее физическое состояние. Во вторую включили лиц старше этого возраста, в третью — людей с противопоказаниями к занятиям физподготовкой; им рекомендовали ограничиться лечебной физической культурой.

Общее руководство группами осуществлял преподаватель кафедры физподготовки подполковник Гаврилов. Так как методистов по лечебной физкультуре в академии больше не было, я привлек для проведения занятий врачей подполковников медицинской службы Семенова, Близ-нюка, Симонова, Вишневского и других.

В каждой группе лечебной физкультуры кроме врача имелся офицер-методист. Еженедельно Гаврилов инструктировал всех их и составлял план занятий. Контроль за состоянием здоровья занимающихся осуществлялся путем наблюдения за пульсом, кровяным давлением, снятия электрокардиограмм и т. д.

Весьма важно было наладить организованный отдых постоянного и переменного состава. Санаторных путевок получали недостаточно. Мы начали настойчиво добиваться возвращения ранее принадлежавшего нам дома отдыха «Чемитоквадже» на Кавказе. Из имевшейся в архиве переписки я выяснил, что этот дом отдыха на 75 человек был организован силами самой академии в 1934 году. После войны он перешел в ведение Главного военно-медицинского управления и теперь находился в состоянии полного упадка. Я выступил на одном из партийных активов академии, попросил поддержать ходатайство медслужбы вернуть нам дом отдыха. Получили мы его, правда, не скоро, только в 1950 году. Зато потом, благоустроенный, хорошо оснащенный (большая заслуга в его развитии принадлежала Борису Николаевичу Бабинскому), переведенный на круглогодовую работу, он способствовал укреплению здоровья нескольких тысяч людей. К сожалению, в 1956 году его вновь отобрали у нас.

Среди других беспокоивших меня вопросов подготовки авиационных инженеров было обучение слушателей основам авиационной медицины. Я твердо убежден, что современный инженер не может обеспечивать надлежащее состояние материальной части, дальнейшее развитие и совершенствование авиационной техники без знания основ авиационной физиологии, гигиены и психологии. По моей просьбе, при самой активной поддержке начальника академии генерала В. И. Волкова, было возбуждено ходатайство о введении курса лекций по авиационной

медицине. На должность преподавателя авиационной медицины назначили А. А. Лавникова. Впоследствии его должность была ликвидирована. Я продолжал сам вести лекции, но уже факультативно.

Много сил и старания медслужба вкладывала в развитие детских учреждений академии. Когда ввели в строй новый двенадцатиэтажный дом на Петровско-Разумовской аллее, нам отдали под детский сад два первых этажа. Это позволило значительно увеличить его пропускную способность. Ежегодно в Кашире, на берегу Оки, стали организовывать пионерский лагерь на двести двести пятьдесят ребятишек. Бессменным его руководителем был преподаватель кафедры физической культуры подполковник Е. А. Орлов.

Благодаря постоянной заботе В. И. Волкова и его заместителя генерала Б. Н. Бабинского военный лагерь благоустраивался, развивался и превратился в образцовый. Владимир Иванович любил говорить: «В академии и стены должны учить слушателей». Он требовал поддержания безукоризненного порядка, чистоты в помещениях и на территории академии. Часто бывая в медицинской службе, помогал ей советами и делом. Он добился (по моему докладу) увеличения штата врачей-специалистов и другого медицинского персонала.

Строгий, требовательный, В. И. Волков вместе с тем был внимателен и заботлив к людям. Запомнился такой случай. Солдат-водитель из автопарка академии совершил случайный наезд на пешехода в городе. Его судили. Из заключения шофер написал генералу письмо, в котором доказывал, что его вина в происшествии была меньше, чем пешехода. Начальник академии занялся этим вопросом, попросил судебные органы пересмотреть дело, и солдат был оправдан.

Лично я многому научился у Владимира Ивановича. Навсегда сохраню о нем самые теплые воспоминания.

Для меня чрезвычайно важным обстоятельством являлось то, что Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского на заре своего развития сыграла не последнюю роль в становлении медицинского обеспечения советской авиации. Врачи, проводя систематическое наблюдение за учебно-боевой подготовкой, питанием и отдыхом летного состава, тщательно и всесторонне изучая все причины аварий и катастроф, пришли к выводу: состояние быта летного состава имеет существенное значение для увеличения или уменьшения аварийности. Они также разрабатывали вопросы организации отдыха и питания летчиков, исследовали проблему влияния полета на психофизиологические функции человека.

Усилиями врачей были обоснованы первые нормы питания летного состава, с которыми ознакомился В. И. Ленин. При его личном участии в 1920 году был издан приказ РВС, узаконивший их. В 1921 году на основании ходатайства врачебной комиссии появился приказ РВС о ежегодном двухмесячном отпуске для летного состава. Та же комиссия способствовала принятию Совнаркомом РСФСР постановления, по которому с 1 октября 1922 года для 2000 летчиков вводилась дополнительная денежная компенсация.

Эти мероприятия сразу сказались на повышении качества подготовки летного состава и резком снижении аварийности в ВВС.

В июле 1920 года был издан приказ начальника Главвоенвоздухфлота, которым определялся порядок отбора людей в летные школы по медицинским показателям и создавалась специальная медицинская комиссия. Врачебное освидетельствование всего летного состава ВВС, которое предлагал С. Е. Минц, тогда провести не удалось.

В 1920–1921 годах тот же С. Е. Минц организовал на базе Московской авиационной школы психофизиологическую лабораторию — первый научный центр авиационной медицины. В 1924 году на Центральном аэродроме им. М. В. Фрунзе из нее выросла Центральная психофизиологическая лаборатория ВВС. Вскоре подобные лаборатории были организованы в ряде военных округов. Задачи их сформулировал врач Н. М. Добротворский, работавший вместе с Минцем. Они состояли в следующем:

1) изучение физического и психофизиологического состояния летного состава и наблюдение за его здоровьем;

2) отбор по физическим и психофизиологическим данным поступающих кандидатов;

3) изучение труда в авиации и его влияния на организм.

С. Е. Минц и Н. М. Добротворский были первыми научными работниками Центральной лаборатории. Минц занимался изучением аварийности в авиации и разработкой мероприятий по ее предупреждению. Добротворский основное внимание уделял гигиене рабочего места летчика, вопросам энергозатрат летного состава во время полетов в зависимости от типа самолета и нормирования работы.

Центральная психофизиологическая лаборатория была реорганизована в авиационный сектор Научно-исследовательского испытательного санитарного института Красной Армии, а он, в свою очередь, в 1935 году — в Институт авиационной медицины имени И. П. Павлова.

Зная об этой славной странице истории академии, я решил

продолжить традиции ее медслужбы и наряду с выполнением прямых обязанностей заняться научно-исследовательской работой. Мне казалось важным осмыслить и обобщить опыт медицинского обеспечения Военно-Воздушных Сил в годы Великой Отечественной войны.

В библиотеке академии по истории развития авиации и о Великой Отечественной войне имелась обширная литература. Материалы, связанные с медицинским обеспечением ВВС, я черпал в медицинском управлении Военно-Воздушных Сил (оно было организовано после войны и просуществовало до 1953 года), в Военно-медицинском музее Ленинграда, куда меня несколько раз отпускал генерал Волков, в сохранившихся записных книжках, в беседах и переписке с бывшими фронтовиками — руководящими медицинскими работниками ВВС.

А. Д. Вайнштейн теперь возглавлял медицинскую службу Московского округа ПВО. П. К. Быков занимал должность старшего инспектора медслужбы ВВС. Я неоднократно встречался с ними. Любезно предоставили в мое распоряжение некоторые свои работы генералы Мой труд потребовал ряда лет. В 1952 году мне была присвоена ученая степень кандидата медицинских наук. В 1955 году в издании академии под редакцией А. П. Попова моя кандидатская диссертация вышла отдельной книжкой.

Одиннадцать лет работы в академии имени Н. Е. Жуковского дали многое. Однажды я был озадачен приглашением в Главное военно-медицинское управление к полковнику медицинской службы Н. С. Аландарову. Его отдел руководил медицинским обеспечением ВВС, хотя в Главном штабе ВВС был флагманский врач Военно-Воздушных Сил и небольшой инспекторский аппарат. Существовала какая-то двойственность в руководстве.

Сначала Аландаров говорил со мной на отвлеченные темы. А потом вдруг сказал: «С вами хочет познакомиться генерал-лейтенант Столыпин».

Начальник Главного военно-медицинского управления Советской Армии, усадив меня, задал несколько вопросов о моей службе в академии. Затем, как бы между прочим, спросил: «Что больше всего утомляет летчиков во время полетов?» Я ответил, что, по моим наблюдениям, ничто так не утомляет их, как длительное нахождение на аэродроме в состоянии полной готовности, как ожидание очередного вылета. «Пожалуй, вы правы, — согласился генерал. Нервно-эмоциональное напряжение в такой момент велико, особенно если плановая таблица составлена не совсем продуманно», — и Столыпин поинтересовался калорийностью летного пайка и фактическими

энерготратами летчиков. Высказал обеспокоенность тем, что у некоторых из них нередко появляется избыточный вес, что отрицательно влияет на сердечно-сосудистую систему. «Как избежать этого неблагоприятного явления?» — задал он мне вопрос.

Я объяснил, что одна из особенностей летного труда — недостаточная подвижность, гиподинамия. В ожидании вылета летчик сидит. На аэродром и обратно его везут на автомашине. Последнее, разумеется, правильно: необходимо сохранить его силы. Но если к этому добавить излишне высокую калорийность питания — все взятое в комплексе и создает предпосылки для появления избыточного веса. Меры профилактики, сделал я вывод, вижу только в одном: в увеличении подвижности летчика. Главный путь для решения такой задачи — систематическая и целенаправленная физическая подготовка. Она должна занимать достойное место в учебно-боевых планах. По опыту войны знаю, что в ряде воздушных армий, где командиры понимали значение физической подготовки, летчики занимались физкультурой даже после боевых вылетов. Волейбол, баскетбол, городки, а зимой — лыжи снимали нервно-эмоциональное напряжение у авиаторов, укрепляли их физически. В мирное время тем более необходимо уделять физ-подготовке должное внимание.

Выслушав меня, генерал заметил: «Да, к сожалению, некоторые командиры летных частей недооценивают роль и значение физической подготовки летного состава. Видимо, кое-кто полагает, что коль авиация стала реактивной, то можно прохладнее относиться к этому вопросу. А такое мнение — глубоко ошибочное».

Поблагодарив за беседу, генерал попрощался со мной. Уходя, я невольно подумал, что скрывается за этим приглашением. Не намечается ли мой перевод из академии? А куда?

Разгадка пришла, хотя и не скоро. В феврале 1959 года меня вызвали в управление кадров ВВС. Начальник, генерал-лейтенант авиации Федор Семенович Гудков, без особых предисловий сказал:

— Александр Николаевич, есть мнение главнокомандующего ВВС маршала авиации Вершинина и Военного совета ВВС рекомендовать вас на должность флагманского врача ВВС — заместителя начальника Главного военно-медицинского управления Советской Армии. Как вы относитесь к такому предложению? Справитесь с работой?

— Если Военный совет и главнокомандующий ВВС считают возможным рекомендовать меня на эту должность, я сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие, — ответил я.

Возвращался в академию, полный раздумий о предстоящей новой работе.

До этого дня медицинскую службу ВВС возглавлял известный специалист в области авиационной медицины генерал-майор медицинской службы Алексей Павлович Попов. Я неоднократно встречался с ним и в годы войны, и в послевоенный период. Он выступал официальным оппонентом, когда я защищал кандидатскую диссертацию. Всесторонне образованный врач, А. П. Попов длительное время специализировался по отоларингологии в клинике известного профессора В. И. Воячека, являлся его учеником, под его руководством выполнил ряд оригинальных научных исследований применительно к практике авиационной медицины. Несколько лет Попов возглавлял кафедру в Военно-морской медицинской академии, а затем в Центральном институте усовершенствования врачей, работал в Институте авиационной медицины и в Главном штабе ВВС. Его перу принадлежало значительное количество научных работ и статей.

Захотелось встретиться с Алексеем Павловичем. Он находился на излечении в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале (ЦНИАГ). Попов был рад моему приезду. Мы поговорили о многом.

— Я написал маршалу авиации Вершинину письмо, в котором рекомендовал вас на свое место, — сказал Алексей Павлович. — Он вас хорошо знает по войне. Это облегчит вам работу.

Я поблагодарил Алексея Павловича за веру в мои возможности.

Вскоре меня пригласил к себе новый начальник Главного военно-медицинского управления (ГВМУ) генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов. В годы войны я видел его на Южном фронте: он прилетал из Москвы и проводил совещания руководящего состава санитарной службы.

Адъютант провел меня в кабинет Смирнова. Высокий, плотный, с большим лбом, генерал мало изменился за прошедшие годы, теперь он только наголо брил голову.

Смирнов сказал, что помнит меня, в чем я, признаюсь, усомнился. Разговор был неожиданным.

— Как вы посмотрите на то, что вас назначат начальником важного медицинского учреждения, а на должность флагманского врача ВВС мы подберем другого кандидата? — спросил генерал-полковник.

Я знал, что Военный совет ВВС рассматривал не одну мою кандидатуру. У начальника Главного военно-медицинского управления, видимо, были свои соображения в отношении

кандидата на должность флагманского врача ВВС. Ответил генералу, как подсказывал долг:

— Ефим Иванович, я уже дал согласие и не считаю возможным брать его обратно.

— Ну что же, неволить не могу, — с холодком произнес Смирнов. — Жаль, что не хотите возглавить рекомендованное учреждение. Работа там интересная. — С этими словами он отпустил меня.

Через несколько дней мне сообщили, что Е. И. Смирнов завизировал представление главнокомандующего ВВС о моем назначении флагманским врачом ВВС. Выписка из приказа поступила в академию. Я сдал дела полковнику медицинской службы А. Ф. Виноградову.[10] Теплое прощание с личным составом медслужбы академии запомнилось на всю жизнь. Много добрых слов в свой адрес выслушал от В. И. Волкова.

Сдав дела, я прибыл в Главный штаб ВВС. В то время, согласно существовавшей штатно-организационной структуре, флагманский врач ВВС подчинялся заместителю главнокомандующего ВВС по боевой подготовке. Им тогда был генерал-лейтенант авиации (ныне маршал авиации) Филипп Александрович Агальцов. В годы войны он командовал авиационным соединением. Я несколько раз встречал его у К. А. Вершинина.

Выше среднего роста, худощавый, с сединой в шевелюре, очень уравновешенный, с негромким голосом, заместитель главнокомандующего ВВС рассказал о характере работы управления боевой подготовки, других управлений и служб Главного штаба ВВС, заметил, что мне необходимо будет побывать в авиагарнизонах.

— Командировки в войска у нас частые. Будете пристраиваться к какой-нибудь группе офицеров и облетаете авиационные части.

Моим заместителем оставался работавший с А. П. Поповым полковник медицинской службы Василий Аверьянович Мефедов. В 1945 году он возглавлял медотдел одной из воздушных армий, участвовавшей в разгроме милитаристской Японии.

Как я упомянул, старшим инспектором медслужбы ВВС был Павел Константинович Быков. Наша встреча была сердечной.

— Поменялись местами в порядке подчиненности, — пошутил Павел Константинович. — Сработаемся, Александр Николаевич?

Я был искренне рад снова работать с П. К. Быковым. Знал, что всегда смогу опереться на него. Не только фронтовая дружба, но и общность взлядов по многим вопросам служебного характера

сближала нас.

(Через полтора года Павел Константинович ушел в отставку. В приказе главнокомандующего ВВС были отмечены его большие заслуги. От коллектива управления боевой подготовки и медслужбы ВВС Павлу Константиновичу преподнесли адрес).

Председателем Центральной врачебно-летной комиссии являлся Константин Федорович Бородин, в годы войны — флагманский врач 7-й воздушной армии. И его я хорошо знал.

Я пошел к Вершинину представиться по случаю назначения на должность.

После войны мне лишь дважды (в 1946 и 1947 годах) довелось видеться с бывшим командующим 4-й воздушной армией, ставшим главкомом ВВС.

Годы наложили свой отпечаток на Константина Андреевича. Он погрузнел, в густых волосах появилась седина. Но по-прежнему молодо поблескивали его широко расставленные карие глаза.

— Почему долго не появлялись? Ведь решение Военного совета ВВС состоялось давно, — протянув руку, с улыбкой спросил Вершинин. — Долго шло оформление? — Как и прежде, он не стал тратить время на бессодержательный разговор. Сразу перешел к делу: — Александр Николаевич, мы сейчас проводим большое и важное мероприятие, направленное на повышение безопасности полетов. Речь идет о повышении надежности авиационной техники, ее безотказности. Как вы сами должны понимать, первостепенную роль здесь играет человек с его физическим и нервно-психическим состоянием. Нужно позаботиться о том, чтобы здоровье наших летчиков, инженеров, техников и других офицеров, занятых обеспечением полетов, было бы всегда хорошим. Мы и в годы войны постоянно занимались организацией отдыха летчиков и техников. Идите к генералу Агальцову и члену Военного совета генералу Рытову, они готовят проект соответствующего документа. В нем необходимо предусмотреть пункт об улучшении организации отдыха летного состава. Надо добиться, чтобы санатории и дома отдыха, которые имели ВВС раньше, были нам возвращены. Побывайте у начальника Главного военно-медицинского управления генерала Смирнова и передайте ему, что я хотел бы встретиться с ним по этому вопросу. Когда полностью войдете в курс дела, заходите, подумаем, чем нужно помочь медицинской службе.

Стиль работы Константина Андреевича Вершинина был прежним. Доверие к подчиненным, простота в обращении, ясность в постановке задач, требование активности, личной

заинтересованности в деле. На меня это подействовало вдохновляюще.

Я доложил Филиппу Александровичу Агальцову и Андрею Герасимовичу Рытову свои соображения о мероприятиях по улучшению отдыха летного состава.

Через день вместе с Е. И. Смирновым я снова был у главкома ВВС. Вершинин принял начальника Главного военного медицинского управления очень приветливо. С улыбкой, словно в шутку, спросил:

— Что же вы не хотите возвратить авиации санатории и дома отдыха? А летчики на вас надеялись! Генерал не поддержал шутливого тона.

— Я на стороне летчиков, — сказал он сухо. — Вот список того, что мы передадим вам.

— Прекрасно! — Вершинин продолжал улыбаться. Быстро просмотрел список и передал его мне. — Удовлетворяет это вас, Александр Николаевич?

Ряд санаториев и домов отдыха, ранее принадлежавших ВВС, в списке отсутствовал. В частности, дом отдыха «Чемитоквадже» академии имени Жуковского и санаторий на Рижском взморье. Я сказал об этом.

— Ефим Иванович! — развел руками Вершинин. По ироническому прищуру его глаз можно было понять, что он ожидал этого. — Да я вижу, вам подготовили не совсем точный список.

С полчаса Смирнов упорствовал. В конце концов сдался, пообещал вернуть все санатории и дома отдыха. Не прошло и трех дней, как я был вызван к генерал-майору медицинской службы Н. В. Смирнову, помощнику Е. И. Смирнова.

— На следующей неделе состоится заседание парткома Главного военно-медицинского управления. Заслушаем ваш доклад «О состоянии медицинского обеспечения ВВС».

Удивленный, я ответил, что работаю какую-то неделю, в войсках еще не был и не знаю положения на местах. Не понимаю, как могу выступать на парткоме совершенно неподготовленным.

По натуре человек очень мягкий, деликатный, Н. В. Смирнов смущенно замялся.

— Я сам не знаю, почему возникла такая срочность с вашим докладом. Конечно, вам следовало бы хорошо подготовиться. Но я получил приказание от генерал-лейтенанта Лайока (он был заместителем Е. И. Смирнова по политической части)… Впрочем, доклад уже составлен. — Он протянул мне стопку листов с машинописным текстом.

Мое удивление возросло еще больше. Мой доклад,

написанный без моего участия? Я отказался его взять.

Н. В. Смирнов пожал плечами и повторил, что выполняет указание генерала В. М. Лайока.

Я пошел к генерал-лейтенанту, но его не было на месте. Попросил, чтобы меня принял Е. И. Смирнов. Выслушав меня, генерал-полковник медицинской службы пообещал разобраться. Я был уверен, что заседание парткома с такой повесткой дня перенесут на более поздний срок.

Однако на следующей неделе меня и секретаря партийной организации медслужбы ВВС пригласили в партком Главного военно-медицинского управления. Заседание было расширенным. Присутствовали офицеры из медицинского отдела Московского военного округа, из отделов и управлений ГВМУ, из Главного госпиталя. Доклад о состоянии медицинского обеспечения ВВС зачитал сам Н. В. Смирнов. В нем не было ни конкретных фактов, ни выводов и предложений. Я полагал, что цель заседания — помочь новому флагманскому врачу улучшить организацию медицинского обеспечения ВВС. Оказывается, на первом плане было иное.

— Товарищ Бабийчук, — обратился ко мне В. М. Лайок, — мы хотели бы послушать вас. Ваше мнение: где должен находиться аппарат медицинской службы ВВС, в Главном военно-медицинском управлении или в штабе ВВС?

— Безусловно, в штабе, — ответил я.

Взял слово полковник медицинской службы Е. Н. Панов. В годы войны он был начальником медицинского отдела 9-й воздушной армии, теперь работал в ГВМУ. Он бывал в частях ВВС и, разумеется, знал недостатки их медобеспечения. На них он и остановился. Подытоживая свое выступление, он сказал:

— В Главном штабе ВВС медицинская служба не нужна, необходимо создать аппарат медслужбы для ВВС в ГВМУ и отсюда осуществлять руководство медслужбой ВВС. Тогда недостатки медобеспечения частей ВВС будут устранены быстрее. Санатории и дома отдыха передавать ВВС не следует, так как там некому руководить деятельностью этих учреждений.

«Вот где собака зарыта», — подумал я. Мне еще в начале заседания показалось странным, что на парткоме отсутствует Е. И. Смирнов. Огорчил своей позицией Е. Н. Панов, хорошо знавший специфику медицинского обеспечения ВВС.

Выступили другие товарищи. Голоса разделились. Часть руководящих медицинских работников была, как и я, за то, чтобы укрепить аппарат медслужбы в Главном штабе ВВС. Указывали, что он должен повысить роль врачебно-летной экспертизы, контроль за здоровьем летного состава, медицинским

обеспечением полетов. Санатории и дома отдыха, ранее принадлежавшие ВВС, надо вернуть.

Встал В. М. Лайок и поддержал точку зрения Е. Н. Панова. Флагманский врач ВВС, сказал он, должен находиться в аппарате ГВМУ, а не в Главном штабе ВВС. Никаких санаториев и домов отдыха ВВС передано не будет.

— Я предлагаю, — сказал он, — создать специальную комиссию, которой поручить подготовить письмо в вышестоящие инстанции, где изложить наши предложения по этому вопросу.

Среди офицеров медицинской службы, которых он предложил включить в состав комиссии, был и я.

Я попросил слова и заявил, что категорически против выводов, сделанных товарищами Пановым и Лайоком, они могут только нанести вред медицинскому обеспечению ВВС. В комиссию прошу меня не включать.

Мою фамилию из списка вычеркнули.

На следующий день в моем присутствии К. А. Вершинин, к которому я пришел с докладом, позвонил Маршалу Советского Союза И. Х. Баграмяну, в то время заместителю Министра обороны — начальнику Тыла Советской Армии.

— Иван Христофорович, мы с вами обо всем договорились относительно медицинской службы ВВС и, в частности, о возвращении ВВС санаториев и домов отдыха. Что затевает генерал Лайок? Мне это непонятно!

Ответ маршала мне был слышен из трубки:

— По меньшей мере, со стороны генерала Лайока это бестактно. Я разберусь.

Спустя несколько часов секретарь парткома Тыла Министерства обороны сообщил мне, что никакого письма в вышестоящие инстанции писать не будут. Санатории и дома отдыха ВВС подлежат безусловному возврату им.

Я так подробно остановился на этом эпизоде потому, что в дальнейшем со стороны некоторых товарищей из ГВМУ не прекращались попытки ликвидировать медицинскую службу в Главном штабе ВВС. Все они, благодаря постоянной поддержке К. А. Вершинина, были отбиты. Необходимость центрального аппарата медслужбы ВВС подтвердила сама жизнь. Практика показала также и то, что медслужба ВВС, в отличие от медслужб других родов войск, должна подчиняться не начальнику Тыла, а заместителю главкома по боевой подготовке или непосредственно главкому.

Обеспечение безопасности полетов — одна из главных задач медицинской службы ВВС. Начав знакомство с авиационными частями, я уделял ей самое пристальное внимание.

Вылетая в тот или иной авиагарнизон, выяснял, как врачи частей и соединений изучают ошибочные действия летного состава в воздухе и предпосылки к летным происшествиям, входящие в компетенцию медслужбы. Это прежде всего отправление людей в полет в болезненном состоянии или с плохим самочувствием. Случаи такие, к сожалению, бывают. Некоторые летчики стремятся скрыть недомогание из чувства ложного стыда, другие — боясь, что отстанут в выполнении программы боевой подготовки, третьи — опасаясь, что командир заподозрит в трусости.

Обязательных предполетных медицинских осмотров летного состава не существовало. Признаться, меня это удивило. Работая в инженерной академии, я специально не интересовался этим вопросом, но считал само собой разумеющимся, что перед полетом на реактивном сверхзвуковом самолете люди непременно должны показаться врачу. Даже кажущееся неопасным какое-то простудное заболевание, например катар верхних дыхательных путей, в условиях перегрузок, огромной скорости, при необходимости принимать решение в доли секунды может послужить причиной возникновения драматической ситуации.

Для медицинских осмотров не отводилось специальное время. Я подал доклад, в котором предлагал узаконить предполетный врачебный осмотр летного состава. Командование ВВС включило это положение в наставление по производству полетов.

Я полагал, что врачи должны оказывать помощь командованию и в изучении ошибочных действий летного состава, которые связаны не с состоянием здоровья, а с индивидуальными психофизиологическими особенностями того или иного летчика. Этим удалось заняться несколько позже.

Важнейшей проблемой мне виделась необходимость и неотложность особого обучения авиационных врачей, повышение боевой подготовки медицинской службы ВВС в целом. Следует сказать, что ее организация в то время значительно отставала в своем развитии от организации медобеспечения в сухопутных войсках. Требовалось активизировать работу научно-исследовательских учреждений.

Осенью 1959 года я созвал служебное совещание руководящего состава медслужбы ВВС. Начальник академии имени Н. Е. Жуковского генерал В. И. Волков по моей просьбе любезно предоставил нам помещение. На совещании присутствовал генерал Ф. А. Агальцов. Начальники медслужб соединений и частей подняли много актуальных, наболевших

вопросов. В частности, говорили о том, что авиационных врачей надо оснастить портативной медицинской аппаратурой, которая позволяла бы в полторы-две минуты получить основные показатели физиологических функций летчика перед полетом (пульс, температура, кровяное давление).

Забегая вперед, скажу, что такая аппаратура тогда же была заказана ряду научно-исследовательских институтов. Прошло, однако, пятнадцать лет, прежде чем мы получили более или менее удовлетворительные образцы.

Высказывались протесты против обременения авиаврача предполетным контролем за специальным снаряжением, кислородным оборудованием и некоторыми другими техническими системами. Приказом маршала авиации К. А. Вершинина эти функции были распределены между летным, инженерно-техническим составом и медицинской службой. На врачей возложили обязанность научить летный состав пользоваться различными видами специального снаряжения, проводить первичную подгонку высотно-компенсирующих костюмов, герметических шлемов, кислородных масок и т. д.

Совещание нацелило нас на более обстоятельное изучение работы профилакториев для летного состава. Вскоре Министерство обороны по докладу главкома ВВС расширило их сеть. Мы стали направлять в них летчиков не только для восьмичасового предполетного отдыха, но и на больший срок для восстановления сил после интенсивной летной работы. Расположенные где-нибудь в лесу, на берегу реки, вдали от аэродрома, с надлежащим уютом и спортивными занятиями, профилактории стали играть большую роль в укреплении здоровья летчиков.

30 сентября 1959 года адъютант К. А. Вершинина сообщил, что Главком хочет поговорить со мной. Меня удивило, что он не вызывает, а приглашает для беседы. Конечно, я тут же направился к нему. Он принял меня сразу.

Первые слова были произнесены им в шутливом тоне:

— Александр Николаевич, вы не раздумали стать доктором наук?

— Нет, товарищ маршал, не раздумал, — ответил я, но, сказать по правде, насторожился.

— Знаю, вы организованный человек, — уже серьезно продолжал Вершинин. Честно говоря, я немного колебался, прежде чем кое-что вам предложить. Предупреждаю заранее: то, чем вы займетесь, прямого отношения к вашим служебным обязанностям иметь не будет. Для этого вы сможете использовать только личное время… Но ведь и науке как-то надо помочь. А вы,

надеюсь, не допустите, чтобы страдала служба. Дело вот в чем. Немного помолчав, маршал авиации продолжал: — К нам обратилась Академия наук СССР. Ученые считают возможным запуск космического корабля с человеком на борту. Конечно, космонавт должен быть очень хорошо подготовлен к полету. Кого можно быстрее подготовить для такого полета? Несомненно, летчика-истребителя реактивной авиации, привычного к перегрузкам, скорости, мгновенно ориентирующегося в быстро меняющихся ситуациях. Мы пойдем навстречу Академии наук и подберем для соответствующего обучения группу летчиков. Освоение космоса — это большая народнохозяйственная задача. Космос никогда не должен стать объектом военного соревнования между государствами, наоборот, в будущем — в это хочется верить — он может послужить ареной тесного сотрудничества народов. Открыть же для человечества космос — дело чести советских людей! Вы уже начали готовить новую диссертацию и мы порекомендуем подключить вас, как ученого, к работе с будущими космонавтами. Ну, что ответите?

Мне оставалось лишь горячо поблагодарить Главного маршала авиации. Передо мной открывалась широкая возможность для активной научной деятельности.

Спустя несколько дней я побывал в Академии наук. Там познакомился с президентом Академии наук СССР М. В. Келдышем, с академиками В. В. Лариным, В. П. Черниговским и другими крупными учеными. Поскольку первых кандидатов в космонавты предполагалось отобрать из числа военных летчиков, мои собеседники, естественно, интересовались принципами медицинского освидетельствования летчиков-истребителей, моим опытом авиационного врача.

Так я получил возможность собирать ценные материалы, используя результаты обследования космонавтов. Надо ли говорить, что для научной работы я готов был жертвовать всем своим свободным временем, отпусками! Не мог я допустить и того, чтобы «страдала служба», как выразился К. А. Вершинин.

Еще в октябре 1957 года мир узнал о первом искусственном спутнике Земли. Потом в космосе побывали автоматические станции. Пионером освоения космического пространства утвердила себя наша страна.

Решение очень сложных медико-биологических проблем, связанных с изучением жизнедеятельности организма в условиях космического полета, породило новую отрасль медицинской науки — космическую медицину. Ее колыбелью, основой, родоначальницей была и остается авиационная медицина. Накопленные ею научные материалы по вопросам питания,

воздействия на человека перепадов барометрического давления, высоких и низких температур, шума, вибрации, разработанные физиолого-гигиенические требования к устройству герметических кабин, компоновке рабочего места летчика, созданию скафандров, противоперегрузочных устройств и других средств защиты от экстремальных факторов внешней среды и многое другое легло в основу космической медицины.

В интересах космоса были также использованы и научные исследования военно-морской медицины (жизнеобеспечение экипажей подводных лодок). Общей теоретической основой космической медицины были и остаются ведущие положения отечественной медицинской науки, в частности положение о единстве организма и среды, впервые сформулированное основателем школы русской физиологии И. М. Сеченовым.

Среди авиационных врачей, чьи работы были связаны с обеспечением первых высотных полетов на самолетах и аэростатах и в дальнейшем послужили космической медицине, можно назвать В. В. Стрельцова, Д. Е. Розенблюма, М. П. Бресткина, А. П. Аполлонова, В. А. Спасского, Е. Н. Гришанова, Д. И. Иванова.

Зачинателями научных исследований медико-биологического характера при запуске ракет с животными в верхние слои атмосферы выступили В. И. Яздовский, В. И. Попов, А. Д. Серяпин, А. В. Покровский, В. Г. Буйлов, Е. О. Попова, Б. В. Блинов. Постепенно эта группа исследователей расширилась. Программу работы консультировали академики В. П. Черниговский и В. В. Ларин. Врачи и биологи трудились в тесном содружестве с С. П. Королевым и его помощниками.

Во время полета ракеты животные размещались в герметических кабинах, оборудованных аппаратурой для регистрации частоты пульса, дыхания, перегрузок, перепадов барометрического давления. Поведение животных во время полета фиксировалось на кинопленку. Решались вопросы питания и водообеспечения животных, регенерации воздуха, терморегулирования кабин и т. д. Полет Лайки на втором искусственном спутнике Земли 3 ноября 1957 года положил начало расширению работ по подготовке к космическому полету человека.

Разработку медицинских требований к системам жизнеобеспечения космонавта возглавил А. М. Генин. В его группу входили авиаврачи А. Д. Серяпин, М. Ф. Фомин, А. Г. Фомин, Л. А. Мохов и другие.

Исследованиями устойчивости человека к тепловым нагрузкам занялись Е. Я. Шепелев и Л. Г. Головкин. Испытания

систем катапультирования осуществляли С. А. Гозулов, В. А. Дегтярев. В. Волошин. Вопросы бортового питания разрабатывали Г. А. Арутюнов, П. П. Лобзин, Р. В. Кудрова, И. Г. Попов. Параметры искусственной атмосферы стали предметом изучения Д. И. Иванова, В. Б. Малкина, И. П. Чернякова и других.

Было ясно, что во время космического полета человек столкнется с воздействием различных неблагоприятных факторов внешней среды: пониженным барометрическим и парциальным давлением кислорода в атмосфере кабины, перепадами температуры, космической и солнечной радиацией, метеорной опасностью. Выведение корабля на орбиту сопряжено с влиянием на организм ускорений, хотя и кратковременных. Совершенно открытым оставался вопрос, как себя будет чувствовать космонавт в условиях длительной гиподинамии и невесомости, а затем при возвращении к земным условиям существования. Как с точки зрения психологической перенесет длительное одиночество и изоляцию от внешнего мира? Огромную сложность представляли проблемы поддержания в кабине корабля определенной температуры, влажности и чистоты воздуха, удаления продуктов жизнедеятельности человека и т. д.

В июле 1959 года большой группой ученых из числа специалистов в области авиационной и космической медицины Академии медицинских наук СССР, представителей конструкторских бюро и ряда ПИИ был составлен первый общий план отбора и подготовки космонавтов.

Предусматривалось провести в авиационных частях предварительный отбор летчиков — кандидатов в космонавты и затем организовать их углубленное клинико-физиологическое обследование.

В августе начала создаваться лабораторная и материально-техническая база, необходимая для подготовки будущих космонавтов. Это было зарождение нынешнего Центра подготовки космонавтов (ЦПК). Первым его начальником назначили Евгения Анатольевича Карпова, опытного врача, участника Великой Отечественной войны.

Е. А. Карпов проделал огромную работу по подбору и комплектованию штата ЦПК, изысканию необходимого оборудования, улучшению проектов строительства специальных зданий. ЦПК создавался в живописной местности под Москвой.

Отобрали кандидатов в космонавты. После медицинского обследования летчиков осталась группа из двадцати человек.

Я видел этих молодых жизнерадостных, крепких людей. По возрасту и должности старшим из них был тридцатипятилетний командир эскадрильи Павел Беляев. На два года моложе его —

инженер-капитан Владимир Комаров. Его ровесник капитан Павел Попович имел наиболее солидную летную подготовку: он летал на истребителе МиГ-19 (другие товарищи — на истребителях МиГ-15 и МиГ-17). Старшим лейтенантам Валерию Быковскому, Юрию Гагарину и лейтенанту Алексею Леонову шел двадцать шестой год, старшему лейтенанту Герману Титову — двадцать пятый. В возрасте двадцати пяти — тридцати лет были и остальные кандидаты. Они горели желанием заняться новым, поистине небывалым делом. Об их оптимизме и задоре свидетельствовала остроумная, наполненная юмористическими рисунками стенгазета «Шприц» (потом я узнал, что ее выпускал Леонов).

В состав специальной медицинской комиссии вошли видные клиницисты и научные работники: А. А. Вишневский. Н. С. Молчанов, М. М. Филиппов, К. Ф. Бородин, А. Г. Кузнецов, К. Ф. Канарейкин, Г. Л. Комендантов, А. С. Усанов, В. И. Яздовский, Е. А. Карпов, Н. Н. Гуровский и другие.

Комиссия со всей внимательностью, я бы сказал, дотошностью и придирчивостью, рассмотрела результаты обследования кандидатов и пришла к выводу, что эту группу летчиков можно допустить к специальному обучению и тренировкам.

В начале 1960 года руководителем космонавтов стал Каманин Николай Петрович. Один из первых Героев Советского Союза, участник экспедиции по спасению челюскинцев. Он являлся высоким авторитетом для летчиков-космонавтов. Командир штурмовой авиационной дивизии, а затем штурмового авиационного корпуса в годы Великой Отечественной войны, в послевоенное время он окончил Военную академию Генерального штаба, находился на ответственных командных должностях. Энергичный, инициативный, прекрасный организатор и воспитатель, он сделал чрезвычайно много для отечественной космонавтики. Занимаясь вопросами медицинского обеспечения космонавтов, я проработал с ним до 1971 года.

Центр подготовки космонавтов, ныне всем известный Звездный, стал расти не по дням, а по часам. Усилиями ученых, инженеров, врачей, преподавателей различных дисциплин вскоре были созданы условия для занятий кандидатов в космонавты.

Перед началом учебы группа была представлена главкому ВВС Главному маршалу авиации К. А. Вершинину. Константин Андреевич побеседовал с каждым летчиком, предупредил, что программа подготовки, разработанная Академией наук, очень сложна, занятия будут трудными, требующими дисциплины. Летчики заверили Главного маршала авиации, что оправдают

доверие.

В ЦПК собрался исключительно удачный коллектив руководителей и наставников: начальник Центра — Е. А. Карпов, В. А. Ковалев, Н. Ф. Пикирясон, Е. Е. Целикин, А. И. Сусоев, Г. Г. Масленников. Из разных медицинских учреждений туда перешли работать специалисты: Г. Ф. Хлебников, Н. Х. Ешанов (физиологическая оптика), А. А. Лебедев (вопросы теплообмена и гигиены), И. М. Аржанов (отоларинголог), М. Н. Мокров (хирург), В. А. Батуренко (окулист-хирург), А. С. Антощенко (испытание гигиенических средств, скафандров, средств спасения, в частности плавучих костюмов), Н. В. Кузнецов (невропатолог, начальник клинической лаборатории), А. С. Красовский (биохимик), А. В. Никитин (терапевт, прикрепленный к группе космонавтов для постоянного медицинского контроля), А. В. Береговкин и другие товарищи.

Вскоре состоялась первая встреча будущих космонавтов и некоторых работников ЦПК с Главным конструктором ракетно-космическпх систем Героем Социалистического Труда академиком С. П. Королевым. На ней присутствовали также Н. П. Каманин, Е. А. Карпов, Н. Н. Гуровский, В. И. Яздовский и я.

Мы вошли в конструкторское бюро. Стены просторного конференц-зала были увешаны схемами и эскизами космического корабля, его техническими характеристиками.

Впервые я увидел Главного конструктора. Он был плотный, широкоплечий, широколицый, с живыми карими глазами. Голову держал чуть наклоненной вперед, и поэтому иногда казалось, что он смотрит исподлобья. Я слышал о его крутом характере, вспыльчивости. Но лицо Сергея Павловича было освещено мягкой улыбкой, выражало доброту и интерес к будущим испытателям его творений.

Мне запомнилось его рукопожатие — короткое, сильное, дружеское.

Королев сразу же покорил всех своей простотой. С молодыми летчиками разговаривал как с равными. Но при этом внимательно вглядывался в их лица, как бы изучал, хотел уяснить для себя: те ли это люди, которые ему нужны.

Несколькими шутливыми фразами разрядив естественное напряжение своих гостей, Главный конструктор заговорил о космическом корабле и о том, как планируется осуществить первый в истории полет человека за пределы земной атмосферы.

— Сначала мы ставим скромную цель: полетит только один человек на трехсоткилометровую орбиту и только с первой космической скоростью. Полетит кто-то из вас. — Королев обвел взглядом летчиков.

Некоторые участники этой встречи впоследствии рассказывали: они заметили, что Главный конструктор еще тогда особенно часто останавливал взгляд на Юрии Гагарине и беседовал с ним дольше, чем с другими. Может быть, это так и было. Мне лично это не бросилось в глаза и не запомнилось. Хороши собой были все, подтянутые, со смелыми одухотворенными лицами, молодые люди в летной форме. Королеву они явно понравились.

Главный конструктор повел всех в огромный, просторный цех завода, где готовились отдельные узлы космического корабля. Предварительно мы надели белые халаты.

После объяснений Сергеем Павловичем механизма посадки космонавта после полета — на этом он останавливался подробно — все с особым интересом осмотрели кресло корабля. На высоте семи тысяч метров оно должно катапультироваться, а на высоте четырех тысяч метров отделиться от космонавта. Последний продолжит спуск на парашюте. Спускаемый аппарат тоже приземлится на парашюте.

Кресло, снабженное ракетными двигателями, всех удовлетворило. Оно было еще не полностью собрано. Инженеры продемонстрировали его примерку к кораблю.

Минут на десять Королев поручил сопровождать группу будущих космонавтов одному из своих помощников. Заговорил с Карповым, Каманиным и Яздовским о ЦПК. Попросил развертывать шире и форсировать все работы там. Пообещал вскоре посетить ЦПК.

Когда мы покидали КБ, С. П. Королев подарил каждому участнику встречи копию вымпела, доставленного советской автоматической станцией на Луну в сентябре 1959 года.

Я бережно храню этот подарок как воспоминание о первом знакомстве с замечательным человеком.

В медико-биологической подготовке космонавтов большое внимание уделялось состоянию вестибулярного аппарата и его тренировке. Изучались вестибулярные реакции, возникающие при действии на тренируемых лиц одновременно угловых, прямолинейных ускорений и так называемых ускорений Кориолиса.

Важным являлось изучение психофизиологических особенностей каждого космонавта в целях более полного определения его возможностей в профессиональной деятельности.

Нечего говорить о том, что огромное количество времени отводилось физической подготовке. В практическую учебу входили тренировки в космическом корабле, на центрифуге, в

термокамере, в полетах на специально оборудованных самолетах и т. д.

Я часто ездил в ЦПК и имел возможность наблюдать за подготовкой космонавтов. Мне рассказывали о приезде в ЦПК С. П. Королева, о новых встречах космонавтов с ним.

По службе главным моим делом оставалось улучшение медицинского обеспечения авиационных частей и соединений. В то время как раз был широко и остро поставлен вопрос об обязанностях и методах работы авиационного врача.

Во второй половине 1959 года на страницах газеты «Советская авиация» появилась статья генерал-майора авиации В. Платова «Авиационный врач и полеты». Она вызвала дискуссию. Газета напечатала много писем читателей. Редакция обратилась ко мне с просьбой подвести итоги обсуждения.

Я выступил со статьей «Все новое, полезное — в практику авиационного врача». Постарался четко и ясно изложить свои взгляды на задачи авиаврача и медицинской службы ВВС в целом.

Авиационный врач должен в совершенстве владеть новейшими методами диагностики и лечения, изучения функциональных особенностей органов и всего организма, иметь достаточную подготовку по авиационной физиологии, гигиене и авиационной психологии, вопросам физической культуры и т. д. Ему необходимо также знать основы авиационной техники и специального снаряжения, используемого летным составом, особенности различных видов полетов и требования к ним с точки зрения медицинского обеспечения. Непременным условием успешной деятельности врача является постоянный контроль и систематическое наблюдение за состоянием здоровья летного состава.

Я высказал свое глубокое убеждение в том, что врач должен сам принимать участие в высотных испытаниях авиационной техники с целью изучения переносимости членами экипажа перепадов барометрического давления, влияния понижения парциального давления кислорода, тех затруднений, с которыми встречается летчик или штурман в ходе боевой учебы. Без этого он не может предусмотреть профилактические меры, определить в каждом конкретном случае рациональную нагрузку тому или иному авиатору. Участие врача необходимо при разработке распорядка дня, организации и осуществлении контроля за режимом питания и отдыха личного состава, гигиенического состояния рабочих мест и т. п.

Неизмеримо возросла роль авиаврача в повышении уровня знаний летного состава по авиационной медицине. Хорошая подготовка авиаторов в этой области — залог безаварийного

проведения полетов.

Я согласился с предложением автора одной из статей, полковника медицинской службы С. Камшалюка, о необходимости проведения предполетного медицинского контроля в два этапа: накануне летного дня и в день полетов. Безусловно, решение вопроса о необходимом объеме медицинского контроля как накануне, так и в день полетов в каждом отдельном случае должно предоставляться врачу, а не командиру части или подразделения.

Затрагивая вопрос о взаимоотношениях командира и врача, я указывал, что врач не всегда привлекается к разбору предпосылок к летным происшествиям. Призывал политработников, партийные и комсомольские организации воспитывать у летного состава нетерпимость к нарушениям предполетного режима, распространять передовой опыт лучших офицеров медицинской службы. Ответственность за медицинское обеспечение полетов, как известно, возлагается на самого командира. Следовательно, он обязан всегда считаться с мнением врача, тем более в решении о допуске летчика к полету, организации предполетного режима, проведении оздоровительных мероприятий.

То, что излагал в статье, я и старался проводить в жизнь: повышать профессиональную подготовку медицинского состава авиационных частей, теснее и действеннее увязывать работу медслужбы с боевой учебой войск. Меня твердо поддерживал заместитель главнокомандующего ВВС по боевой подготовке генерал Ф. А. Агальцов. Это облегчало мою работу, позволяло не отступать от требований.

Глава десятая
Летчики штурмуют космос

Подготовка первой группы космонавтов была закончена к марту 1961 года. Специальная комиссия, в которую входили и врачи, приняла от них зачеты.

В марте космонавты первый раз посетили Байконур. Они увидели космодром, построенный в неоглядной, плоской, как стол, степи. С него уже стартовал ряд космических кораблей.

19 августа 1960 года в космосе побывали собачки Белка и Стрелка. Вместе с ними были сорок мышей, две крысы, насекомые, растения. Они совершили семнадцать с половиной витков вокруг Земли. Контейнер с животными и кабина на своих парашютах благополучно приземлились в районе Орска.

1 декабря 1960 года на околоземную орбиту вышел очередной, третий, корабль-спутник с собачками Пчелкой и Мушкой. На Землю он не вернулся: во время спуска изменил траекторию и при входе в плотные слои атмосферы прекратил свое существование.

Чрезвычайно огорченный этой неудачей, С. П. Королев распорядился сообщить о ней космонавтам. Он хотел напомнить им, что полной гарантии безопасности полета в космос быть не может. Космонавты встретились с Главным конструктором. Они сказали ему, что в авиации и на освоенных самолетах бывают происшествия. Никто из них не отказывается сделать первый шаг в космос. Выйдет из строя автоматика — они сумеют посадить корабль с помощью ручного управления. Главного конструктора тронули их слова.

19 февраля 1961 года с космодрома запустили межпланетную станцию на Венеру. 9 марта — на один виток вокруг Земли — корабль с собакой Чернушкой, морскими свинками, мышами, лягушками. Их полет и спуск были удачными.

В присутствии космонавтов 25 марта был совершен запуск корабля с собакой Звездочкой, также на один виток.

Величественное зрелище подъема гигантской ракеты произвело на космонавтов огромное впечатление. После их возвращения с космодрома я приехал в ЦПК и, помню, спросил П. И. Беляева:

— Наверное, и смотреть-то страшновато? Он ответил с улыбкой:

— Нет, товарищ генерал, но это просто потрясает. Такая мощь!

В ЦПК космонавты пробыли всего несколько дней. 2 апреля им предстояло снова лететь в Байконур. Близился исторический час запуска первого космического корабля с человеком на борту.

30 или 31 марта я докладывал главнокомандующему ВВС по ряду служебных вопросов, а потом рассказал и о последних медицинских обследованиях группы космонавтов. Перед этим он подписал мой рапорт о краткосрочном, в счет очередного, отпуске.

— Кто же из них полетит? — блестя глазами, с оживлением спросил К. А. Вершинин. Назвать фамилию первого, кто поднимется в космос, должна была Государственная комиссия уже в Байконуре. — Президиум Верховного Совета учредил новое персональное звание — «Летчик-космонавт СССР», — продолжал Главный маршал авиации. — Желаю счастливого полета в Байконур! — пожал мне на прощание руку.

В ночь на 2 апреля в Москве и Подмосковье выпал снег. Казалось, снова вернулась зима.

На рассвете с подмосковного аэродрома взлетело несколько самолетов. Взяли курс на юго-восток.

В салоне одного из самолетов находились трое космонавтов, Н. П. Каманин, Е. А. Карпов, один из главных конструкторов, несколько инженеров и врачей. Не смолкали разговоры, шутки, смех.

Байконур обрадовал нас солнцем и теплом. Сердечной была встреча, организованная С. П. Королевым.

Тут же на аэродроме Сергей Павлович назвал ориентировочный срок пуска корабля. Поинтересовался у Каманина, чем будут заниматься космонавты в оставшиеся дни.

— Тренировками, — ответил Николай Петрович.

— Правильно, — одобрил Главный конструктор. — Нужно, чтобы они повторили порядок ручного спуска, не забыли связь, еще и еще поработали в скафандре.

На космодроме день для космонавтов начинался с физзарядки. Вместе с ними занимались и мы с Николаем Петровичем Каманиным. Сам отличный спортсмен, он задавал тон, бегал, прыгал, играл в бадминтон. Потом все отправлялись на завтрак. После этого наступали часы тренировок. Они заканчивались занятиями по физической подготовке, которые проводились по специально разработанной программе.

Однако Сергей Павлович Королев не позволял чересчур перегружать космонавтов. Вызвав к себе Евгения Анатольевича Карпова, он сказал ему:

— Не разрешайте слишком усердствовать ни тем, кто учит, ни тем, кто учится. Вы, врачи, ратуете за то, чтобы в полет летчик

уходил в наилучшей форме. Вот и действуйте, пожалуйста, как нужно. Благо теперь здесь царит ваша, медицинская власть.

Карпов передал свой разговор с Главным конструктором Каманину.

8 апреля утром состоялось заседание Государственной комиссии по пуску космического корабля «Восток» с человеком на борту. В работе участвовали конструкторы, академики — среди них М. В. Келдыш, видные специалисты-ракетчики, авиационные врачи. Рассмотрели и утвердили задание на космический полет. Заслушали доклады о готовности средств поиска космонавта и корабля после приземления.

В тот же день прошло совещание. Решали вопрос — кто полетит? Н. П. Каманину были даны полномочия назвать старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича, а его дублером старшего лейтенанта Титова Германа Степановича. Комиссия единогласно одобрила этих кандидатов.

На следующий день Н. П. Каманин объявил космонавтам решение комиссии. Гагарин был очень обрадован. Титов крепко обнял его и пожелал успеха.

10 апреля в 11.00 состоялась встреча членов Государственной комиссии, ученых, конструкторов с группой космонавтов. Это было официальное представление командира корабля и его дублера тем, кто готовил полет.

Первым выступил Сергей Павлович Королев.

— Дорогие товарищи, — сказал он, — не прошло и четырех лет с момента запуска первого искусственного путника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Первым полетит Гагарин. За ним и другие в недалеком будущем, даже в этом году…

Главный конструктор с большой сердечностью пожелал Юрию Гагарину успешного полета.

Вечером прошло торжественное заседание Государственной комиссии. Стрекотали киноаппараты, все выступления записывались на магнитофонную ленту. Сергей Павлович Королев доложил о готовности корабля к пуску. Фиксируется решение комиссии: «Утвердить предложение… о производстве первого в мире полета космического корабля «Восток» с космонавтом на борту 12 апреля 1961 года». По докладу Каманина принимается второе решение: утвердить первым космонавтом Ю. А. Гагарина, запасным — Г. С. Титова…

11 апреля. До старта корабля — сутки. Ракета, сжатая со всех сторон металлическими конструкциями, высится на пусковой площадке. Над степью безоблачное синее небо. Здесь, в Байконуре, почти триста дней в году чистое небо.

В 13.00 на стартовой площадке — встреча Ю. Гагарина со стартовой службой. Юрий горячо поблагодарил присутствующих за их труд, заверил, что сделает все от него зависящее, чтобы полет космического корабля явился триумфом нашей страны, строящей коммунизм. Его открытое мужественное лицо, обаятельная улыбка, спокойствие, с каким он держался, вызывали восхищение.

Конечно, это правда, что облик Ю. А. Гагарина в какой-то степени предопределил то, что он стал космонавтом номер один. Он наиболее соответствовал общему представлению о том, каким должен увидеть мир первого советского космонавта.

Но выбор его для первого полета, разумеется, был продиктован гораздо более глубокими соображениями. Все шесть космонавтов, отобранные для первого полета, были подготовлены отлично. Но они разнились по психофизиологическому складу, опыту летной работы и т. д. С. П. Королев смотрел далеко вперед. Так, например, Комарова и Беляева он с самого начала «придерживал» как командиров будущих многоместных кораблей. С каждым новым одиночным полетом также должны были усложняться задачи, возрастать объем работы на орбите.

Е. А. Карпов в официальном документе так характеризовал космонавтов по результатам тренировок на учебном космическом корабле (УКК):

«**Ю. А. Гагарин.** Отличался быстрым и в то же время обстоятельным выполнением упражнений, четкими и лаконичными докладами, самокритичностью и глубиной анализа.

Г. С. Титов. Для него характерна быстрая гибкая работа на фоне эмоционального творческого анализа собственных действии, с образными сравнениями и объективными самооценками в инициативных докладах.

А. Г. Николаев. Проявлял высокую дисциплинированность, сосредоточенность и аккуратность в работе. Ему не свойственна торопливость или необдуманность действий. Спокойная работа у него сопровождается немногословным, содержательным докладом. Перерывы в тренировках мало отражались на устойчивости его навыков.

В. Ф. Быковский. Обладает высокой стойкостью автоматизации навыков, быстрым и в то же время высокоэкономным характером действий, острой наблюдательностью. На тренировках выступает профессиональная летная обстоятельность, навыки высокоустойчивы…» Ю. А. Гагарин наиболее подходил на роль лидера. После встречи со стартовиками Юрий Гагарин, Герман Титов и другие космонавты отправились на обед. Для Юрия и его

дублера он был не «земным», а «космическим».

Задолго до этого дня специалисты разработали большой ассортимент различных блюд в виде паштетов, пюре, соусов, которые помещались в специальные тубы весом 160 граммов каждая.

Юрия и Германа двое суток назад перевели на облегченное питание, такое, что давало минимальное образование шлаков в кишечнике. Сейчас на обед они получили Щавелевое пюре с мясом, мясной паштет и шоколадный соус. Выдавив содержимое тубы в рот, оба, смеясь, восклицали: «Вкусно!»

Потом их провели в маленький, стоявший отдельно домик. Космонавты должны были как следует отдохнуть. С этой минуты допуск к ним был ограничен. Навещать их могли только С. П. Королев, Н. П. Каманин, Е. А. Карпов, В. И. Яздовский, врач А. В. Никитин и я.

Владимир Иванович Яздовский, один из пионеров и активнейших организаторов медико-биологического обеспечения полетов живых существ в космос, вложил много труда и в подготовку космических полетов человека, Здесь, на космодроме, его помощниками были врачи Л. Г. Головкин, И. А. Акулиничев, А. Р. Котовская.

Андрей Викторович Никитин был прикреплен к космонавтам с начала работы ЦПК. Космонавты сдружились с умным, общительным, хотя и строгим врачом.

Заглянув к космонавтам, Сергей Павлович Королев произнес ставшую знаменитой фразу:

— Через пять лет можно будет по профсоюзной путевке летать в космос.

Космонавты рассмеялись.

Королев, чрезвычайно занятый, быстро ушел. Юрий и Герман, проводив его взглядом, одновременно вздохнули и покачали головой. Наверное, собственные переживания казались Юрию ничтожно маленькими в сравнении с грузом ответственности Главного конструктора.

Мы не надоедали космонавтам вопросами о самочувствии. Настроение у Гагарина было прекрасное, несколько озорное.

Вечером мы пришли укрепить Юрию Алексеевичу датчики для записи физиологических функций организма. Этой процедурой занялся И. А. Акулиничев. Дело долгое, займет больше часа. Чтобы Юрий Алексеевич не заскучал, лежа на кушетке, Николай Петрович Каманин включил магнитофон. Лента содержала запись песен и музыки.

Артериальное давление у Юрия Алексеевича было 115 на 60, пульс 64, температура 36,6.

Мы уточнили с космонавтами распорядок следующего дня: подъем в 5.30, затем физзарядка, туалет, завтрак, медицинский осмотр, надевание скафандра, проверка его, выезд на старт… Все было расписано по минутам.

Вновь пришел С. П. Королев. Посидел минут пять, пожелал космонавтам спокойной ночи. Мы тоже пожелали спокойной ночи Юрию и Герману и покинули домик. В соседней с космонавтами комнате остался один А. В. Никитин.

Наверное, никто из специалистов, готовивших полет, в эту ночь не спал.

В свете прожекторов и электрических огней космодром казался каким-то гигантским заводом, продолжавшим трудиться и ночью. Параллелепипед окруженной конструкциями ракеты возносился далеко в черное небо, держа на своей вершине красные огни.

В три часа утра начались заключительные проверки на стартовой площадке и командных пунктах. Наконец часовая стрелка медленно приблизилась к цифре «пять». Мы разошлись по своим комнатам, быстро оделись и вновь собрались в холле. Лица у всех были взволнованные.

Юрий Гагарин проснулся бодрым. Он спал хорошо. С удовольствием приступил к физзарядке. Последний медицинский осмотр показал, что температура тела, кровяное давление, пульс космонавта в пределах обычной нормы.

После завтрака Гагарин на автомашине был доставлен в специальное помещение, где началось надевание скафандра.

Приехал Королев. Потом Юрий Алексеевич говорил, что в это утро впервые увидел Сергея Павловича озабоченным и усталым. Пока Королев негромко давал Гагарину какие-то советы, все, отойдя в сторону, молчали.

Вскоре подошла минута отъезда на стартовую площадку.

Гагарин и Титов сели в специально оборудованный автобус. В нем же разместились Н. П. Каманин, П. Попович, В. Быковский. Машина медленно тронулась.

Автобус остановился недалеко от ракеты. Юрию и Герману помогли выйти. Космонавтов встречали члены Государственной комиссии. Поднеся руку к гермошлему, Юрий доложил:

— Товарищ Председатель Государственной комиссии, летчик-космонавт старший лейтенант Гагарин к полету на первом в мире космическом корабле-спутнике «Восток» готов!

После рапорта Гагарина я обратил внимание на Королева. Каким он мне запомнился в те минуты? Человеком с огромным самообладанием. Ничто в его лице не показывало переживаний, волнения. Стоял прямо, чуть опустив по привычке голову. Потом

подошел, спокойно, по-отечески обнял Юрия. Недолгий негромкий разговор между Главным конструктором и космонавтом, и вот мы услышали слова:

— Пора, Юра!

Стоя на площадке, с которой лифт должен был поднять его к космическому кораблю, Гагарин помахал нам рукой.

С момента посадки Ю. А. Гагарина в корабль с ним поддерживалась двусторонняя радиосвязь.

До пуска ракеты оставалось еще немало времени, но все провожавшие удалились со стартовой площадки. Я с группой товарищей, обеспечивавших подготовку полета, отправился туда, откуда наблюдали за пуском.

Ракета медленно начала освобождаться от окружавших ее устройств. Пуск первого в мире космического корабля с человеком на борту был произведен в 9 часов 07 минут по московскому времени.

Тогда по телеметрии мы могли получить лишь ограниченные данные о состоянии космонавта. На землю поступала запись электрокардиограммы и пневмограммы. Поэтому большое значение имел личный доклад космонавта о самочувствии.

Во время полета корабля переговоры с Юрием Алексеевичем по радиотелефону вели С. П. Королев, Н. П. Каманин, космонавты капитан П. Р. Попович и старший лейтенант А. А. Леонов, а также представители Центра управления полетом на пунктах связи.

Перед стартом частота пульса у Гагарина была 66 ударов в минуту, частота дыхания — 24. В момент выведения корабля на орбиту пульс возрос до 140–158, а частота дыхания составляла 20–26. На десятой минуте невесомости частота пульса составляла 97, количество дыханий в минуту — 22.

В 10 часов 30 минут включилась тормозная двигательная установка и корабль пошел на спуск. В 10 часов 55 минут Юрий Алексеевич Гагарин приземлился близ деревни Смеловка, недалеко от Саратова.

На участке спуска под воздействием перегрузок было отмечено некоторое учащение его дыхания. При входе в плотные слои атмосферы оно стало более редким — около 16 в минуту. Через три часа после приземления частота пульса составляла 68, дыхания — 20 в минуту, что соответствовало обычному состоянию Ю. А. Гагарина.

Как только на космодроме было получено сообщение о благополучном завершении полета, началось форменное столпотворение. Мы, толпившиеся у репродукторов, стали выкрикивать слова восторга, радости и гордости за наш народ, Коммунистическую партию, гений наших ученых, инженеров и

рабочих. Поток людей хлынул туда, где находился Главный конструктор. Его буквально вытащили из помещения пульта управления, подхватили на руки и начали подбрасывать в воздух…

Полет Ю. А. Гагарина позволил сделать вывод большого научного значения о практической возможности освоения человеком космоса. Космонавт нормально перенес перегрузки при выходе корабля на орбиту и возвращении на Землю.

Полет подтвердил правильность научных и технических решений, заложенных в конструкцию корабля, надежность ракетно-космического комплекса. Выдержала экзамен и разработанная советскими врачами система отбора, подготовки и тренировки космонавтов к орбитальным полетам.

Ученые решили, что целесообразно осуществить суточный полет корабля «Восток-2». Он позволил бы выяснить воздействие на человеческий организм и его работоспособность наименее изученного фактора космического полета продолжительного, многочасового состояния невесомости, О длительном влиянии ее на ориентацию человека в пространстве, координацию его движений, функционирование сердечно-сосудистой и пищеварительной систем, психическое состояние высказывались достаточно противоречивые мнения. Прежде всего требовалось выяснить характер ее воздействия на кровообращение и дыхание, то есть установить, насколько она безопасна для человека.

Как протекают важнейшие физиологические процессы, связанные с суточной периодикой и суточным ритмом жизни: смена сна и бодрствования, труда и отдыха, периодических приемов пищи, влияние необычного ритма космических дня и ночи? Однозначного ответа на эти вопросы на Земле получить было невозможно.

В мае Ю. А. Гагарин и С. П. Королев с семьями поехали на отдых в Сочи. Вскоре туда выехали Н. П. Каманин, Е. А. Карпов и В. И. Яздовский. Сергей Павлович и на отдыхе продолжал размышлять о втором полете человека в космос и приглашал к себе специалистов посоветоваться.

В. И. Яздовский сообщил С. П. Королеву, что некоторые видные медики хотели бы, чтобы второй космический полет человека ограничился тремя витками вокруг Земли. В этом случае посадка корабля произойдет на нашей территории. Кроме того, наблюдения над животными показали, что после шестого-седьмого витка они начинают вести себя беспокойно. Причина этого еще не выяснена.

Перед вылетом в Сочи Владимир Иванович говорил и со мной по поводу предложения приземлить второго космонавта после

трех облетов планеты. Надо сказать, что я был согласен с желательностью такого эксперимента до суточного полета. На этой точке зрения стояли и руководители космонавтов Н. П. Каманин и Е. А. Карпов. С. П. Королев решительно воспротивился. Он был за программу не менее чем двадцатичетырехчасового космического полета.

В июне Сергей Павлович вернулся в Москву, где уже шла деятельная подготовка корабля «Восток-2». А 31 июля Главный конструктор (он только что стал дважды Героем Социалистического Труда), космонавты и специалисты вновь вылетели на космодром Байконур.

Полетит дублер Гагарина — Герман Степанович Титов. Хотя главком ВВС благожелательно относился к моей научной работе, я, конечно, не мог проводить ее за счет своего служебного времени. При запуске второго космического корабля с человеком на борту мне не привелось присутствовать.

В этом полете расширялся объем регистрации физиологических функций космонавта. На Землю должна была передаваться запись не только электрокардиограммы, пневмограммы, но и сейсмокардиограммы и электроокулограммы.

Как и накануне первого полета человека в космос, велись тщательные медицинские осмотры космонавта, проверка оборудования, систем жизнеобеспечения.

«Восток-2» был поднят в космос 6 августа. Герман Титов пробыл в своем историческом полете 25 часов 11 минут, совершил семнадцать витков вокруг Земли. Путь его корабля в космосе составил более 700 тысяч километров.

Полет корабля «Восток-2» поразил мир. Французская газета «Комба», например, писала: «Ступив вчера утром на Землю, майор Титов не только открыл новый этап в космонавтике, он сделал больше: положил начало прикладной космонавтике».

Длительное пребывание в условиях невесомости не вызвало у Титова каких-либо патологических расстройств. Были отмечены лишь некоторые изменения со стороны вестибулярного аппарата, проявившиеся в неприятных ощущениях. Однако, когда космонавт принимал исходную позу в кресле и не делал резких движений головой, они исчезали. Работоспособность сохранялась в течение всего полета.

Теперь, когда космонавты успешно трудятся в условиях невесомости месяцами, наши тревоги тех дней могут показаться преувеличенными. Но тогда происходило открытие неведомого.

После полета Г. С. Титова было обращено особое внимание на тренировку вестибулярного аппарата космонавтов.

В следующем, 1962 году намечался первый многосуточный групповой космический полет. Наряду с научно-техническими задачами ставились медико-биологические. Космонавты обязаны были проводить медицинский самоконтроль: регистрировать пульс, частоту дыхания, переносимость вибраций, перегрузок, шумов, невесомости, докладывать о своем сне, аппетите, работоспособности; выполнять психологические, физиологические и вестибулярные пробы; оцепить удобства санитарно-бытового оборудования и гигиенические условия в кабине: чистоту воздуха, освещенность, температуру, влажность; особенности приема пищи и ее качество. При хорошем самочувствии космонавты должны были ежедневно отсоединяться от подвесной системы, закрепляющей их, и свободно «плавать» в кабине 50–60 минут в каждом сеансе. Тут им надо было оценить удобство такого «плавания», возможность и качество ориентировки и т. д.

Решено было расширить ассортимент продуктов, включить в рацион космонавтов жареное мясо, котлеты, язык, телятину, куриное филе, сандвичи с паюсной икрой, пирожки с килькой, фрукты. Потом прибавили даже воблу.

Предстоящему рейсу в космос сразу двух кораблей предшествовала новая встреча С. П. Королева с космонавтами и рядом специалистов. На ней Сергей Павлович, между прочим, сказал:

— У нас каждый имеет право и даже обязан, не взирая на чины, ранги и звания авторов обсуждаемых предложений, высказывать свою точку зрения… Никто не посмеет упрекнуть тебя за это. Единственное условие — открыто отстаивай то, в чем убежден. Мы высоко ценим честных оппонентов и благодарны им. Но мы сторонимся людей, у которых сегодня одни взгляды, а завтра другие…

В этих словах был весь характер Сергея Павловича.

Предложение о многосуточном полете двух «Востоков» не подвергалось принципиальной критике, хотя различные предостережения высказывались. С. П. Королев сказал, что учтет их, он сознает необходимость чрезвычайной осторожности. Выступавшие космонавты заявили, что они готовы выполнить программу новых полетов. Главный конструктор поблагодарил их.

— Ничего другого от космонавтов я и не рассчитывал услышать, — сказал он.

…Быстро прошел год после полета Г. С. Титова. Утром 11 августа 1962 года, получив краткосрочный отпуск, я вместе с другими товарищами присутствовал при запуске корабля

«Восток-3» с космонавтом Андрианом Николаевым на борту. Сутки спустя ракета вывела на орбиту «Восток-4», который пилотировал Павел Попович.

Я упомянул о том, что у Г. С. Титова во время семнадцативиткового полета наблюдалось некоторое нарушение функций вестибулярного аппарата и что соответственно были внесены изменения в методику тренировки космонавтов. П. Т. Асташенков в книге «Главный конструктор» пишет: «О том, как шли эти тренировки, Попович говорит: «Члены комиссии, которые проверяли нашу с А. Г. Николаевым готовность к полету, глядя на нас, чувствовали себя неважно, а мы — хоть бы что!»[11]

Очевидно, Павел Романович Попович имел в виду, что сложнейшие занятия космонавтов на центрифуге и других тренажных устройствах со стороны казались поистине головокружительными, которые трудно выдержать человеку. Зато врачи были уверены, что теперь космонавты подготовлены к полету еще лучше.

А. Г. Николаев провел в полете 94 часа 14 минут, П. Р. Попович — 70 часов 57 минут. В свободном «плавании» в кабине оба находились примерно по три с половиной часа. Этот эксперимент, во время которого изучалась способность ориентироваться, вести наблюдения, поддерживать связь с Землей, представлял особый интерес. Было доказано: можно работать, «плавая» в невесомости!

Космонавты поддерживали радиосвязь не только с землей, но и между собой. Не говоря о технической значимости этого эксперимента, он был очень важен в психологическом плане: в бескрайнем просторе космоса Николаев и Попович не чувствовали себя одинокими.

В многосуточном групповом полете командиры космических кораблей не испытывали никаких неприятных ощущений и нарушений координации движений. Мы могли наблюдать космонавтов и их работу на экране телевизора: возникло космовидение.

В середине января 1963 года проходил сбор начальников тылов ВВС, на котором опять был поднят вопрос, почему медицинская служба в Главном штабе ВВС находится в подчинении заместителя главнокомандующего ВВС по боевой подготовке, а не начальника тыла. Выступив, я сказал, что нет оснований возвращаться к этому вопросу. Медслужба призвана прежде всего обеспечивать безопасность полетов, а эта задача — прерогатива управления боевой подготовки. На следующий день К. А. Вершинин подчеркнул эту мысль в своем докладе.

С 1962 года я состоял членом экспертной комиссии в

Министерстве высшего образования и секции авиационной и космической медицины московского научного общества физиологов. Эти обязанности отнимали немало времени.

Я ежедневно был занят до предела, кроме служебных обязанностей выполнял партийные поручения. Заместитель начальника Политического управления ВВС генерал Ю. Н. Артамошин привлек меня для чтения лекций и включил в лекторскую группу. Я всегда с удовольствием выполнял его поручения. Юрий Николаевич очень много помогал лично мне и медицинской службе ВВС в проведении политико-воспитательной работы.

В те же дни, когда проходил сбор начальников тыла ВВС, мне пришлось докладывать в экспертной комиссии заключение по диссертации полковника медицинской службы Е. Е. Шелудякова «Распространение и особенности клинического течения гипертонической болезни у офицерского состава ВВС», а на заседании в научном обществе отстаивать книгу А. А. Сергеева.

Александр Александрович Сергеев написал очень интересные «Очерки по истории авиационной медицины». Известный специалист в области авиационной психологии профессор К. К. Платонов неожиданно выступил с заявлением, что этот труд якобы в искаженном виде освещает ряд важных вопросов. Собрание научного общества не поддержало К. К. Платонова и некоторых его единомышленников, признало книгу А. А. Сергеева ценным вкладом в историю отечественной авиационной медицины. Было вынесено решение ходатайствовать перед ВАКом о присуждении А. А. Сергееву за его труд ученой степени доктора медицинских наук.

Перелистывая свои дневники, читаю:

«16.1.63. Сегодня узнал приятную новость: по нашему ходатайству, подписанному К. А. Вершининым, Министр обороны разрешил провести осенью в Москве симпозиум с участием начальников медслужб авиации социалистических стран. Будет положено начало координации научных исследований в области авиационной медицины в рамках Варшавского Договора».

«22.1. Сегодня закончилось совещание начальников медицинских, служб видов Вооруженных Сил (ВВС, ВМФ, ПВО, ракетных войск) у начальника ЦВМУ генерал-лейтенанта медицинской службы Д. Д. Кувшинского.[12] Обсуждали итоги прошлого года и задачи на этот год. Совещание проходило очень активно, ставились важные вопросы по специфике медобеспечения видов Вооруженных Сил».

«22.2. Присутствовал на заседании Комитета по координации научных исследований. По просьбе начальника медико-

санитарного управления гражданского Воздушного флота А. С. Асрибекова рассматривали возможность создания Института авиационной медицины ГВФ. ГВМУ Министерства обороны и командование ВВС поддержали предложение об организации в ГВФ такого института.

«За» выступил и представитель Академии медицинских наук Василий Васильевич Парин. К сожалению, «против» был представитель Минздрава, который заявил, что вопросы авиационной медицины ГВФ могут разрабатываться в различных институтах Министерства здравоохранения. С 1958 года Минздрав отклоняет просьбы ГВФ…»

«13.3. Все последнее время мы заняты подготовкой к очередному пленуму Ученого медицинского совета при начальнике ЦВМУ (так стало называться ГВМУ), Он будет проходить в Ленинграде. Наши доклады: «Организация специализированной медицинской помощи в ВВС», «Организация медицинского обеспечения авиации на аэродроме» и «Анализ заболеваемости летного и инженерно-технического состава, работающего на современной материальной части».

«30.3. С 19-го по 29-е был в Ленинграде на пленуме. Наши доклады вызвали большой интерес. Принято специальное решение, подтверждающее необходимость дальнейшего совершенствования форм и методов медицинского обеспечения в ВВС».

«17.4. Ежегодно в различных авиационных гарнизонах мы проводим специальные медицинские учения и научно-практические конференции по наиболее актуальным вопросам медобеспечения авиачастей. Приглашаем авиационных врачей из других гарнизонов. Идет обмен опытом.

Сегодня вернулся с такого сбора врачей дальней авиации, В частности, многие говорили об организации центров активного отдыха летного состава. Об этом надо серьезно подумать и доложить командованию…»

Большая занятость почти не оставляла времени для научных занятий, по вечерами, когда не находился в командировках, я начал готовить исследование по зарубежным и отечественным материалам «Современная авиация и медицинское обеспечение безопасности полетов». Работа тем более увлекала, что выявлялся различный подход к задаче у нас и в иностранных армиях.[13]

По данным командования ВВС США, 66 % всех аварий и катастроф происходит вследствие ошибок летчика и только 23 % — вследствие отказа материальной части. Начальник медицинской службы ВВС Италии генерал-лейтенант Ломонако полагал, что в 45 случаях из 100 причиной аварий являются

физические и психические нарушения у членов экипажа. Зарубежные специалисты выдвигали три фактора, отрицательно влияющих на безопасность полета и способствующих ошибкам летчика: физические условия, физиологические возможности и психологические изменения.

Под физическими условиями они понимают недостатки в физическом состоянии летчика, которые по каким-либо причинам не были своевременно обнаружены при медицинском отборе на летную работу. Подчеркивают, что это является большой редкостью, так как медицинский отбор весьма тщателен.

Однако статистика показывала, что в военно-воздушных силах за рубежом, в частности в США, сердечно-сосудистые заболевания у летчиков — явление распространенное. Полковник медицинской службы ВВС США, консультант по вопросам терапии, Г. У. Кун указывал в публичных выступлениях, что они вторая по значению причина смертности среди летчиков (первое место он отводил катастрофам и авариям).

К физиологическим возможностям зарубежные врачи относят неприспособленность человеческого организма к жизни на больших высотах, на которых в настоящее время осуществляются полеты. Хотя современные самолеты имеют герметические кабины, где искусственно поддерживаются необходимое атмосферное давление и температура, а кислород для дыхания подается под избыточным давлением, гипоксия — одна из наиболее частых причин летных происшествий.

Психологические изменения, утверждают американцы, являются главной причиной аварий и катастроф. Им подвержены лица, индивидуальные психологические качества которых находятся в пределах нормы, но склонные к психологическим срывам.

Ошибочные действия летчиков происходят, по американским данным, в основном из-за плохого знания и неправильной эксплуатации материальной части, отсутствия достаточных летных навыков (вследствие чего летчик может потерять пространственную ориентировку, неправильно определить скорость движения самолета, сближения с землей и другими предметами), плохого пилотирования (как результата недоученности, длительных перерывов в полетах, недостаточного объема внимания при контроле за показаниями приборов и т. п.) и недостатков в оборудовании рабочего места (неправильное размещение отдельных приборов и трудность чтения их показаний, нерациональная компоновка органов управления самолетом).

Так, например, непродуманное размещение селектора выбора

канала связи приводило к тому, что, переводя взгляд на него, летчик испытывал головокружение и самолет входил в штопор. При посадке пилоты иногда не выпускали шасси, так как принимали полуспрятанные рычаги аварийного выпуска за обычные и пытались дотянуться до них.

Чрезвычайно опасны сдвиги в физиологических функциях человеческого организма, которые могут возникнуть под влиянием неблагоприятных физических факторов полета. Это прежде всего кислородное голодание из-за неисправностей оборудования. Недостаточное содержание сахара в крови приводит к гипогликемии, которая наблюдается, когда пилот совершает полет натощак или после недостаточного завтрака. В этом случае у летчика может появиться неуверенность в себе и даже чувство страха, что вместе с большим нервно-эмоциональным напряжением приводит к нарушениям центральной нервной системы — общей слабости, потливости, дрожанию пальцев рук, спутанности сознания, вплоть до полной его потери.

Потеря сознания наблюдалась у ряда летчиков-канадцев, завтрак которых состоял лишь из чашки кофе и поджаренного хлеба. Опыт советской авиационной медицины, основанный на строго научной системе организации питания и постоянном контроле за летным составом, позволяет исключить потери сознания подобного рода.

Причиной летных происшествий может быть также отсутствие средств защиты или неправильное их использование. Например, при дыхании под избыточным давлением без применения средств защиты происходит не только отток крови из сосудов грудной полости. Одновременно наблюдается и уменьшение общей массы циркулирующей крови за счет перехода ее жидкой части в ткани. Если в этих условиях на летчика будут воздействовать ускорения даже небольшой величины, то может возникнуть нарушение кровотока в сосудах мозга и как следствие мгновенная потеря сознания.

Отрицательное влияние на организм летчика могут оказывать ускорения малой величины, если последние действуют длительно и сочетаются с раздражением зрительного анализатора, повышенной температурой в кабине, прерывистым шумом и т. п.

При внезапной разгерметизации кабины в полете летчик подвергается декомпрессии, что вызывает патофизиологические нарушения в организме. Кроме того, перепад температур влечет за собой образование тумана, который может быть принят за появление дыма. По данным зарубежных авиаврачей, у летчика

нередко возникает аэро-эмболизм, приводящий к потере сознания.

Надежным средством защиты от декомпрессионных расстройств является современное летное снаряжение. Однако в целях предупреждения возможных повреждений внутренних органов, в первую очередь легких и желудочно-кишечного тракта, которые могут наблюдаться при взрывной декомпрессии, не следует допускать к полетам лиц с заболеванием дыхательных путей.

Усталость летного состава, которую американские врачи считают одной из причин летных происшествий в ВВС США, не имеет места в советской военной авиации. Это достигается системой врачебного контроля, предполетного и послеполетного отдыха.

Полеты на современных самолетах требуют от человека не только хорошего здоровья и физической выносливости, высоких волевых качеств и нервно-эмоциональной устойчивости, но и способности к быстрому восприятию окружающей, часто меняющейся обстановки, моментальному переключению внимания и ответным реакциям. Промедление во времени, неправильное ответное действие грозят опасностью.

Некоторые зарубежные специалисты пытаются утверждать, что благодаря использованию сервомеханизмов, радиосвязи, радиолокации и различных систем электрооборудования значительно облегчился труд пилота, а применение радиосвязи и радиолокации привело к постепенной утрате органами чувств своего первоначального значения.

С этим нельзя согласиться. Кабина современного самолета насыщена большим количеством приборов, сигнальных ламп, тумблеров, кнопок и пр. Они размещаются не только впереди летчика, но и сбоку от него, внизу, вверху и даже позади. Всю эту аппаратуру летчик должен держать в поле зрения, своевременно откликаться на показание каждого прибора. Если к этому добавить, что он обязан поддерживать постоянный радиообмен с землей и другими членами экипажа, следить за обстановкой в воздухе и параллельно выполнять ту или иную боевую работу, то станет совершенно очевидным, насколько он перегружен. Физические же возможности человека не безграничны.

Настало время максимально разгрузить летчика от его обязанностей во время полета, в частности его зрительный и слуховой анализаторы, интегрировать для этой цели показания ряда приборов, дающих информацию о полете, одновременно улучшив возможность чтения их показаний; предельно автоматизировать управление самолетом, оставив за пилотом

функции контроля за автоматами и дублера по управлению машиной на случай отказа автоматических устройств.

В общей аварийности в ВВС США большой удельный вес приходится на долю катастроф, связанных с потерей пространственной ориентировки. Из-за непрерывного изменения величины и направления гравитационного поля, вращательных движений, которым подвергается пилот, нарушается вестибулярная и зрительная информация. Затрудняется и ее переработка центральной нервной системой. Двигательная реакция проводится по другим каналам, более пригодным для управления самолетом, а не по тем, по которым поддерживается равновесие и определенное положение тела в наземных условиях. Поэтому летчик должен все время приспосабливаться к особенностям управления самолетом, которые далеко не всегда согласуются с его естественными возможностями.

Человек с его индивидуальными физическими и психологическими особенностями — один из ведущих и определяющих факторов в причинах летной аварийности. На первом месте в профилактике происшествий стоит качество отбора кандидатов на летную работу. Чем выше квалификация врачей-экспертов, чем современнее методика обследования, чем лучше оснащены врачебно-летные комиссии совершенными медицинской аппаратурой и оборудованием, тем меньше вероятность «просмотреть» те или иные скрытые недостатки в физическом и психологическом статусе летчика.

Не менее важно постоянно изучать причины и предпосылки летных происшествий и разрабатывать на этой основе мероприятия по их предупреждению. Авиационные врачи должны обязательно участвовать в расследовании каждой аварии и катастрофы, независимо от ее причинности. К сожалению, некоторые ошибочные действия летчиков, если они не повлекли за собой аварии, остаются нераспознанными и, следовательно, неизученными.

Вместо Ф. А. Агальцова, перешедшего на другую работу, заместителем главнокомандующего ВВС по боевой подготовке был назначен генерал-полковник авиации С. И. Миронов. Человек высокой культуры, Сергей Иванович пришелся всем по душе.

Весной заместитель главкома предложил мне сопровождать его в облете авиационных гарнизонов. Мы побывали на севере, востоке, юге и западе нашей страны, познакомились с боевой учебой, жизнью и бытом военных летчиков. Везде С. И. Миронов уделял внимание состоянию медицинской службы, вникал в условия работы авиаврачей.

Когда я вернулся в Москву, полным ходом шла подготовка к

новому групповому космическому полету. На этот раз должна была полететь и первая в мире женщина-космонавт.

До сих пор в космос поднимались летчики реактивной авиации, привыкшие к скорости и перегрузкам. Женщины, обучавшиеся и тренировавшиеся в Центре подготовки космонавтов, в прошлом были парашютистками аэроклубов. Таким образом, предстояло выяснить влияние космического полета на организм менее подготовленного человека.

Полету женщины С. П. Королев придавал и большое социальное значение как яркому доказательству равноправия, активности и героизма советских женщин. Вместе с тем это было бы свидетельством надежности нашей космической техники.

14 июня 1963 года в 15 часов на корабле «Восток-5» взлетел Валерий Быковский, а 16 июня в 12 часов 30 минут на «Востоке-6» стартовала Валентина Терешкова. Полет В. Ф. Быковского продолжался 119 ч 04 м, В. В. Терешковой 70 ч 50 м. «Восток-6» должен был находиться на орбите одни сутки с возможным продолжением полета до трех суток. «Чайка» выполнила максимальную программу.

На пуске этих кораблей я не присутствовал. Попал лишь на пресс-конференцию космонавтов, которая состоялась в актовом зале МГУ 25 июня. Присутствовало огромное количество корреспондентов из разных стран мира. Вступительное слово произнес академик М. В. Келдыш. Затем выступили академик А. А. Благонравов, В. П. Яздовский, один из секретарей ЦК ВЛКСМ, наконец, В. Быковский и В. Терешкова.

В космическом полете космонавты работали превосходно. Но было отмечено, что Валентина Владимировна трудно переносила некоторые фазы полета.

В. Ф. Быковский полет перенес хорошо на всех его участках, не испытывал никаких неприятных ощущений, связанных с состоянием невесомости. В. В. Терешкова этого сказать не могла. Медицинская комиссия отметила у нее повышенную чувствительность вестибулярного аппарата.

Пришли к мнению, что нельзя производить отбор, подготовку и тренировку космонавтов, их обследование до и после полета разрозненными группами специалистов. Нужно слить эти группы и сосредоточить их в ЦПК.

Начальником ЦПК к этому времени стал Герой Советского Союза известный авиатор Н. Ф. Кузнецов. В годы войны он, как летчик-истребитель, сражался на Ленинградском, Западном, 1-м Белорусском и других фронтах.

В конце июля — начале августа в одном из военных округов прошли учения.

На них был сформирован и развернут авиационный госпиталь и показана его работа. Демонстрировалась также работа медицинских пунктов ОБАТО и АПСО.[14] Это были интересные и полезные учения.

В ноябре в Москве состоялся симпозиум по авиационной медицине представителей медслужбы ВВС армий социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. В нем участвовали наши научные сотрудники в области авиационной медицины и начальники медслужб некоторых авиационных соединений и округов ПВО.

В ноябре же собралась Всесоюзная конференция по авиационной медицине, организованная по ходатайству медслужбы ВВС. Активное участие в ней приняли Академия медицинских наук СССР и московское научное общество физиологов. Съехалось около четырехсот делегатов. Было заслушано сто шестьдесят докладов. По своей значимости конференцию можно было приравнять к Всесоюзному съезду. Проходила она в Доме офицеров академии имени Жуковского.

Об итогах конференции я подробно рассказал начальнику ЦВМУ генералу Д. Д. Кувшинскому. Дмитрий Дмитриевич, еще будучи слушателем Военно-медицинской академии, участвовал в боях с белофиннами. Великую Отечественную войну провел в основном на Карельском фронте. Был тяжело ранен. В послевоенные годы он — начальник медицинской службы военного округа и начальник медслужбы группы войск. Познал на собственном опыте трудности и сложности медицинского обеспечения больших контингентов войск. Возглавив ЦВМУ, Дмитрий Дмитриевич направил всю свою энергию на совершенствование форм и методов нашей работы. Следует подчеркнуть, что он очень внимательно и вдумчиво подходил к особенностям медицинского обеспечения различных видов вооруженных сил. При его непосредственном участии разрабатывались научно обоснованные требования и к структуре медицинской службы ВВС.

В 1964 году в целях координации и разработки исследований в области космической биологии и медицины министерством здравоохранения СССР было организовано управление космической биологии и медицины, которое возглавил доктор медицинских наук Н. Н. Гуровский, и создан институт медико-биологических проблем. Это подняло соответствующую работу на новую ступень.

В Москве, в Сокольниках, строился новый комплекс зданий ЦНИАГ. Проектировал его архитектор Мороз. Мы хотели расширить объем работы в госпитале не только в плане летной

экспертизы, но и в направлении чисто лечебных функций в интересах ВВС. Исходили из положения, что не может быть хорошего специалиста по врачебно-летной экспертизе, который не был бы одновременно и хорошим врачом-клиницистом.

Центральный авиационный госпиталь возник в годы Великой Отечественной войны на базе клинического отдела Института авиационной медицины, когда вопросы медобеспечения боевых действий авиации и комплектования ВВС потребовали серьезной переработки и совершенствования организации лечебно-эвакуационной системы и врачебно-летной экспертизы.

В ЦАГе был научно обоснован метод вынесения индивидуальных решений в практике ВЛЭ. Благодаря этому стало возможным в условиях войны значительно повысить число возвращенных в строй летчиков после лечения, а в последующие годы — пересмотреть на научной основе требования к состоянию здоровья летного состава.

Для врачей-экспертов важное значение имеют правильное представление об условиях работы летного состава на современных типах самолетов, знание средств жизнеобеспечения и спасения. В изучении этих вопросов большую помощь специалистам ЦНИАГ (так стал называться ЦАГ с 1946 года) оказывали летчики-испытатели С. Н. Анохин, В. К. Коккинаки и другие, а также прославленные асы И. Н. Кожедуб, А. И. Покрышкин, братья Б. Б. и Д. Б. Глинки и другие.

Особое место в работе госпиталя занимали и занимают вопросы ЛОР-экспертизы, которая в условиях ЦНИАГ приобрела характер самостоятельных исследований. Ими занимались такие видные специалисты, как А. П. Попов, профессор Г. Г. Куликовский, А. А. Ушаков, И. Я. Борщевский. Тут же были разработаны новые методы исследования барафункции и вестибулярной функции уха (И. И. Брянов).

В начале зимы вместе с председателем Центральной врачебно-летной комиссии генерал-майором медицинской службы К. Ф. Бородиным и начальником ЦНИАГ полковником медицинской службы А. С. Усановым я осмотрел новый корпус госпиталя.

Первый, цокольный, этаж был отдан новым лабораториям и другим службам. Всего в отличных корпусах мы собирались разместить 300 коек.

Я всегда с удовольствием бывал в коллективе ЦНИАГ, не преминул и в этот раз обстоятельно побеседовать с главным терапевтом полковником медицинской службы Е. Т. Малышкиным, заместителем начальника по пауке полковником медицинской службы М. Д. Вядро и другими товарищами.

Через несколько дней мне пришлось выехать в Ленинград, чтобы разобраться с состоянием дел на кафедре авиационной медицины Военно-медицинской академии. С ее начальником А. Г. Шишовым подробно обсудил основные направления проводимой здесь научной работы. В частности, рекомендовал научить летать на тренажере всех слушателей авиационного факультета — лишь при этом условии будущие врачи смогут целенаправленно изучать ошибочные действия летного состава, связанные с их индивидуальными психофизиологическими особенностями, и разрабатывать рекомендации по их предупреждению. Сказал, что по нашему докладу главкому ВВС подготовлены программа и указания в войска об обучении всех авиационных врачей полетам на тренажере.

Начальник академии генерал-полковник медицинской службы П. П. Гончаров согласился с тематикой научных работ, которую я рекомендовал для кафедры. Мы договорились и о создании специальной лаборатории при кафедре, которая даст возможность укрепить последнюю авиационными кадрами. Основное внимание в научных исследованиях будет обращено на вопросы отбора и подготовки летного состава, в том числе на психологический отбор.

Первые шаги в разработке и обосновании методов психологического отбора в авиацию относятся к 1958 году. В следующем году при наборе курсантов в два авиационных училища комплексом психологических методик было обследовано несколько сот человек.

На основании результатов психологического обследования были выделены группы лиц: с благоприятным прогнозом, которых желательно принять в училище, с неблагоприятным и с неопределенным прогнозами. Через год результаты обследования сопоставили с данными фактической летной успеваемости. Оказалось, что из тех, кому был поставлен благоприятный прогноз, 83 % летали хорошо и отлично. Из тех, кто получил неблагоприятный прогноз, 63 % летали посредственно и плохо. 73 % всех поставленных прогнозов подтвердились.

Начиная с 1961 года в трех училищах стали проводить регулярный практический отбор различными методиками, в частности так называемой бланковой. В научно-исследовательскую работу по психологическому отбору кандидатов в высшие авиационные училища летчиков включились НИИ психологии УССР (И. И. Петров, Е. А. Милерян), научно-исследовательская лаборатория при Институте физической культуры имени Лесгафта в Ленинграде (Т. Т. Джамгаров, В. Л. Марищук), московские специалисты В. П.

Зухарь, Б. Л, Покровский, П. Д. Мартимонов и др.

Теперь предстояло шире развернуть эту работу.

Глава одиннадцатая
На тернистых трассах

14 марта 1964 года Академия наук СССР приняла решение о подготовке экипажа космического корабля новой серии «Восход». Экипаж должен состоять из командира, ученого и врача.

Врачи понимали, что при отборе кандидатов в экипаж космического корабля ни в коем случае нельзя снижать требования к состоянию сердечно-сосудистой, центральной нервной системы, а также вестибулярного аппарата. Допустимо было сделать послабления лишь к остроте зрения (с 1,0 до 0,8), слуха (с 5 м до 4 м) и состоянию некоторых органов для ученого и врача.

В первой половине мая мне позвонили из того госпиталя, в который поместили на обследования кандидатов в космонавты: «У нас Королев». Я тотчас собрался и поехал туда. Сергей Павлович и его заместитель профессор К. Д. Бушуев беседовали с врачами. Я понял, что целью посещения ими госпиталя было оказать определенное влияние на врачей, чтобы медицинское обследование кандидатов проводилось не так строго.

12 августа я присутствовал в ЦПК на заседании Государственной комиссии. Из медиков в нее входили также заместитель министра здравоохранения СССР А. И. Бурназян и В. Н. Правецкий. С. П. Королев приехал с большой группой своих помощников.

Рассматривались кандидатуры в состав экипажа трехместного космического корабля «Восход». Главный конструктор называл свое детище внеземной лабораторией. На «Восходе» не будет системы катапультирования, по возвращении из космоса он мягко приземлится. Программа полета рассчитана на сутки. Люди полетят без скафандров.

Сергей Павлович назвал кандидатом в экипаж молодого талантливого ученого К. П. Феоктистова. Его участию в полете Главный конструктор придавал большое значение.

С того дня я с нетерпением ожидал новой встречи с Байконуром. Беспокоился, не задержат ли меня дела в Москве.

Наконец подошло время запуска «Восхода».

Я получил возможность присутствовать при его старте.

Выдержки из дневниковых записей:

«4.10,64 Прилетел в Байконур вместе с первой группой космонавтов. Ее называют гагаринской. На аэродроме нас встретили Председатель Государственной комиссии, С. П.

Королев, Н. П. Каманин и др. В доме, где размещают космонавтов, нас ждали специалисты по космической медицине А. М. Генин, Г. Ф. Хлебников, И. А. Акулиничев и другие».

«5.10. Заседание Государственной комиссии. Принято решение: пуск «Восхода» завтра. Это генеральная репетиция, на борту корабля — манекен. Крепко досталось от Королева некоторым конструкторам за выявленные во время проверки готовности корабля огрехи в работе отдельных систем».

«6.10. В 40.00 состоялся запуск ракеты-носителя с «Восходом»). Организовано трехсменное дежурство. Я остался с группой генерала Каманина».

«7.10. В 10.18 по московскому времени корабль благополучно опустился в заданном районе.

Во время его полета по телеметрии поступала различная информации. Температура воздуха в кабине была в пределах 15–16 градусов С, барометрическое давление — 748–750 мм ртутного столба, парциальное давление О2 152–148 мм.

Находился с группой до двух часов ночи. Когда вышел из помещения наружу, степь вся серебрилась от инея. Вспомнил палящий зной, который стоял, когда готовился полет Николаева и Поповича. Припомнилась вдруг и заиндевелая степь под Невинномысском в ноябре 1942 года, ожидание отправки нашего авиаполка ночных бомбардировщиков на фронт… Сколько произошло перемен с той поры!

Днем имел разговор с Н. П. Каманиным. Высказал свои предложения: в этот раз после завершения полета космонавтов сразу вернем сюда, на космодром. Здесь и проведем их медицинское обследование. Каманин согласился с этим. Председатель Государственной комиссии и С. П. Королев тоже приняли это предложение».

«9.10. Сегодня осматривали доставленный сюда с места приземления корабль. Перегрузки при посадке, по расчетам конструкторов, составили до 8 g на корпус. Это немного. В двух местах снаружи треснула теплоизоляция. Корабль обгорел незначительно, не больше чем предполагалось.

Сегодня же был в МИКе (монтажпо-испытательном комплексе), тде производилась примерка кресел для экипажа и последний раз проверялось размещение космонавтов в корабле. Пригласив меня к лифту, СП (тут все так называют С. П. Королева) сказал товарищу, открывшему дверь: «Поднимите доктора!» При этом с улыбкой тронул меня за плечо. В лифт вошел также В. Н. Пра-вецкий. После того как мы побывали в корабле и спустились в лифте, Королев подошел к нам. «Ну как с размещением экипажа? — спросил, глядя чуть исподлобья. И сам

же ответил: — Комфорта пока маловато, но не все сразу. Дальше будет и это».

«10.10. В 17.00 по местному времени состоялось заседание технического руководства. Присутствовали виднейшие конструкторы и ученые. После докладов ответственных за отдельные системы было принято решение: вывозить корабль на старт завтра, а послезавтра произвести пуск.

В 19.30 состоялось заседание Государственной комиссии, где официально были названы командир и члены экипажа корабля: Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Борис Егоров. Их поздравили С. П. Королев и другие присутствовавшие. Стрекотали кинокамеры.

Вечером, сразу после заседания, начали готовить экипаж к полету. С этого часа он переведен на бортовое питание».

«11.10. Космонавты в домике на площадке километрах в трех от установленной ракеты. При них неотлучно находится Никитин. Сегодня подгонялись и окончательно закреплялись на специальном поясе датчики для передачи на землю сейсмокардиограммы, пневмограммы и электрокардиограммы. С каждого космонавта снят фон клинико-физиологических характеристик».

«12.10, В 7.30 по местному времени (5.30 московского) вместе с Г. Ф. Хлебниковым приехал в домик к космонавтам. Сделали побудку. Никитин роздал градусники, затем смерил пульс и кровяное давление. Настроение у космонавтов бодрое. После завтрака они надели легкие шерстяные костюмы. За два часа до старта медленно двинулись в автобусе к кораблю.

Волнующая, как всегда, церемония проводов… Первым в корабль поднялся Феоктистов, за ним Егоров, последним Комаров.

10.30 московского времени. Пуск. Бушующий огонь, медленный поначалу подъем гигантской сигарообразной серебристой ракеты, затем слепящее пятно второго солнца на небе… «Герои!» — это единственное слово, которое приходит на ум, когда глядишь вслед уносящимся космонавтам.

Мое дежурство в оперативной группе на измерительном пункте начиналось в 14.00, но я отдежурил несколько часов и с первой группой. Здесь же находились все члены Государственной комиссии, ее Председатель и С. П. Королев. Вначале несколько увеличилась влажность в кабине космонавтов, но в пределах допустимого».

«13.10. Космонавты приземлились, все хорошо! Во второй половине дня они уже доставлены сюда. Их ожидала специальная врачебная бригада, которая сразу приступила к медицинскому

освидетельствованию.

В вестибюле домика, где находятся космонавты, собрались Председатель Государственной комиссии, Королев, Каманин и другие. Все были радостно возбуждены. Космонавтов обнимали, поздравляли…»

В этом полете космонавты проделали действительно огромную работу. Командир ориентировал корабль, используя ручное управление, по солнцу, звездам, горизонту Земли и «бегу» земной поверхности, определяя при этом время ориентации, расход рабочего тела микродвигателей, удобство управления и т. д. В его обязанности входили радиосвязь с Землей, контроль за работой бортовых систем, наблюдение земной поверхности при различной освещенности, определение световой чувствительности глаз и возможности визуальной ориентировки. Результаты опытов и наблюдений он записывал в бортовой журнал и на магнитофон.

К. Феоктистов регистрировал параметры, характеризующие работу бортовой аппаратуры, показания прибора «Глобус», вел фотографирование и различные научные наблюдения.

Для медиков и биологов особый интерес представляло участие в космическом полете врача.

Едва корабль вышел на орбиту, Борис Борисович Егоров осмотрел товарищей и записал в бортжурнал результаты наблюдений: пульс, частоту дыхания, реакцию на переход к состоянию невесомости, общие впечатления. Он определил также порог чувствительности вестибулярного аппарата.

Впоследствии Б. Б. Егоров осуществлял физиологические наблюдения за сердечно-сосудистой и кровеносной системами, функциями вестибулярного аппарата, центральной и периферийной нервными системами, исследовал внешнее дыхание, газообмен и энергозатраты в условиях невесомости, брал у товарищей кровь для исследования.

Врач регистрировал биотоки головного мозга и электрические потенциалы, возникающие при произвольных и непроизвольных движениях глаз, определял параметры, характеризующие координацию движений при вычерчивании фигур и т. д.

Спали Комаров, Феоктистов и Егоров поочередно по три — пять часов. Сон был глубокий, без сновидений.

Сразу же после полета «Восхода» стал готовиться к запуску «Восход-2». Из этого корабля человек должен был выйти в открытый космос.

Главными частями «Восхода-2» были герметическая кабина с тремя иллюминаторами, имевшими жаропрочные стекла,

приборный отсек и пристроенная к кабине шлюзовая камера. Из нее в открытый космос вел особый люк, который можно было открыть вручную или с помощью электродвигателя.

На Землю возвращалась только кабина. Приборный отсек со всей аппаратурой и шлюзовая камера, отделившись, сгорали.

Лететь должны были два космонавта в одинаковых скафандрах, чтобы в случае необходимости один мог помочь другому и в открытом космосе. Полная герметичность скафандра достигалась оболочкой в несколько слоев. Шлем имел двойное остекление с защитным фильтром в шлеме. Специальное покрытие предохраняло от жара Солнца. На спине у выходящего за борт крепился ранец системы жизнеобеспечения.

Я снова приведу выдержки из своего дневника, попутно дополняя и объясняя их.

«17.2.65. Сегодня проведено медицинское освидетельствование двух экипажей космонавтов для «Восхода-2». В первый экипаж входят Беляев Павел Иванович, 1925 г. р., и Леонов Алексей Архипович, 1934 г. р. Они в ЦПК с 1959 г., «старички». Состояние здоровья у обоих хорошее. Все испытания (барокамера, центрифуга, вестибулярные тренировки и др.) перенесли отлично. По состоянию здоровья к полету годны».

Осуществление эксперимента по выходу человека в открытый космос вызывалось научно-практическими задачами космонавтики. Сборка на орбите многоцелевых космических станций, выполнение ремонтно-профилактических работ на них, помощь экипажу, терпящему бедствие, и многое другое трудно представить без выхода космонавтов в открытый космос и возможности выполнения человеком нужных работ вне корабля.

В предполетную подготовку космонавтов было внесено много специфических дополнений. Очень серьезное внимание уделяли повышению их общефизической и вестибулярной устойчивости.

При этом использовались вращающееся кресло, качели Хилова, кресло с неустойчивой опорой, спортивное колесо, лопинг, батут и другие стенды. Часть исследований этого направления производилась на самолетах, имитировавших в полете невесомость.

Заключительные проверки показали, что после такого комплекса тренировок время восстановления равновесия на кресле с неустойчивой опорой у космонавтов значительно сократилось. Так, у Беляева оно уменьшилось с 3,5 до 2 секунд, а у Леонова с 6,3 до 2,3 секунд.

Принципиально новым разделом в программе предполетной и специальной медицинской подготовки явилась биомеханическая тренировка, осуществлявшаяся на «безопорных»

стендах и в полетах на Ту-104 с имитацией невесомости.

В «плавательном бассейне» самолета-лаборатории был установлен макет кабины нового космического корабля со шлюзом. В полете, на участках повторных воспроизведений кратковременной невесомости, космонавты по частям выполняли специальные учебные упражнения по шлюзованию, отходу и подходу к люку шлюза, выходу и входу в шлюз и т. д. Контроль за состоянием космонавтов велся с помощью широкого комплекса физиологических методик».

«9.3.65. В 11.50 по московскому времени с группой космонавтов прилетел в Байконур. Их встречали Председатель Государственной комиссии, представитель Минздрава В. Н. Правецкий и другие.

С. П. Королев приехал на аэродром минут через десять после посадки нашего самолета и выразил неудовлетворение тем, что его неточно информировали о времени прибытия космонавтов. Каманин спросил командира лайнера, почему так получилось. Тот объяснил, что это произошло по независящим от него причинам.

Тут же на аэродроме было назначено на 19.00 (поместному времени) совещание, на которое Председатель и Королев пригласили Н. П. Каманина, Е. А. Карпова, В. Н. Правецкого, меня и других.

Был на совещании. Дело в следующем. У Е. А. Карпова есть сомнение в правильности отбора экипажа № 1. В частности, во время одного из тренировочных полетов у Беляева были зарегистрированы единичные экстрасистолы (добавочные сокращения сердца).

Но все испытания и функциональные пробы космонавты перенесли хорошо, я не вижу причин для отстранения Беляева от полета. За экипаж № 1 (Беляев и Леонов) высказались Каманин, Правецкий, наконец, Королев. Экипаж утвержден».

«10.3. Вчера, когда мы прилетели, был теплый весенний день (+ 16°), светило солнце. Ночью подул холодный ветер, небо затянули облака, температура упала до минусовой.

В 8.30 (по местному) выехали туда, где началась подготовка экипажей к полету. После обеда космонавты примеряли скафандры.

Я встретился с С. П. Королевым и попросил разрешить поставить на борт «Восхода-2» прибор «Резеда» для определения жизненной емкости легких, частоты дыханий в минуту, а главное, для забора проб воздуха в специальные бюретки. На земле по этим пробам, взятым от каждого космонавта в отдельности, можно будет определить основной обмен и энерготраты

космонавтов в полете.

Королев попросил показать ему прибор, но только завтра, и в принципе дал согласие установить его на корабле».

«11.3. Космонавты начали «обсидку» корабля. В это время в МИКе собрались все члены Государственной комиссии. Долго о чем-то разговаривали, отойдя в сторону, Королев, его заместитель и академик Келдыш.

Когда они кончили, я подошел и спросил у Сергея Павловича, когда можно показать ему «Резеду». Очень любезно он ответил: «Пожалуйста, сейчас». Взяв в руки компактный прибор, он попросил показать, как им пользоваться, сам выдыхал в газовые часы воздух, шутил. Разрешил поставить «Резеду».

«12.3. В. Н. Правецкий предложил согласовать программу последующих медико-биологических исследований при запуске очередных кораблей. Целый день ушел на это.

Программа, на наш взгляд, чрезмерно академична. Она предусматривала задействовать два корабля для полетов животных в хроническом и остром опытах. Наше мнение — надо больше проводить исследований вестибулярного и зрительного анализаторов человека, его способности ориентироваться в космическом пространстве, управлять системами корабля и пр. К согласию не пришли, и обсуждение программы отложили.

На улице выпал снег, дует сильный ветер».

«14.3. Провели клиническое обследование космонавтов. Вечером беседовали с ними по программе научных исследований в полете.

Беляев — немногословен, сдержан, очень собран. Леонов — импульсивен, с бьющей через край энергией, улыбчив, общителен. Дополняют один другого».

«16.3. Напряженный день. Два заседания технического руководства и заседание Государственной комиссии. Ракета вывозится на старт завтра.

Поздно вечером С. П. Королев собрал совещание по программе научных исследований в последующих полетах. Минздрав достаточно широко включил вопросы изучения психофизиологических особенностей деятельности космонавтов по управлению системами корабля.

В ответ на мои слова, что надо делать акцент на изучение деятельности экипажа, С. П. Королев сказал: «Полностью согласен с вами. Но у нас впереди — корабли «Союз». Там мы это расширим».

Пуск «Восхода-2» с космонавтами П. И. Беляевым и А. А. Леоновым состоялся 18 марта в 10.00 по московскому времени. То, что предшествовало старту — побудка космонавтов в 5.30,

после завтрака надевание поясов с датчиками и скафандров, проводы, — повторяло уже сложившийся на космодроме порядок.

Ракета быстро исчезла в низкой облачности.

К 11.30 по московскому времени корабль закончил первый виток вокруг Земли. На борту все было в порядке. Экипаж космического корабля начал подготовку к главному эксперименту. И вот по телевизору мы наблюдаем незабываемую картину первого в мире выхода человека в космическое пространство…

Много раз это было описано, но я повторю. Леонов, медленно выбрался из шлюзовой камеры, потом оттолкнулся и поплыл, несколько раз помахав рукой. Потом начал вращаться вокруг своей оси, опять приблизился к кораблю и проделал это несколько раз в течение двенадцати минут. Всего он пробыл в условиях открытого космоса двадцать четыре минуты.

Мы кричали «ура», обнимались…

На другой день, на шестнадцатом витке, корабль должен был покинуть орбиту. И тут произошло непредвиденное.

Команда на спуск по телеметрии не прошла. Не сработала автоматическая солнечная ориентация корабля, которая, в свою очередь, заблокировала автоматическое включение тормозной двигательной установки. Корабль продолжал лететь по прежней орбите.

Конечно, это были очень тревожные минуты. Но в группе специалистов, руководивших посадкой, никакой растерянности не возникло. Приняли решение посадить корабль с помощью ручного управления, о чем запросил и П. И. Беляев. Надо сказать, что С. П. Королев и его помощники не сомневались, что можно устранить неполадки и в автоматике, но полет корабля пришлось бы продлить еще на одни сутки (иначе он не мог приземлиться на территории СССР).

Экипаж, проявивший исключительное хладнокровие, блестяще выполнил на восемнадцатом витке маневры по посадке корабля вручную. Получился значительный перелет от намечавшегося ранее места приземления. Космонавты сели севернее города Пермь, в 100 километрах от Соликамска.

Работавшую радиостанцию корабля запеленговали сразу. На поиски вылетели самолеты и вертолеты. Найти маленькую кабину в заснеженной уральской тайге непросто. Когда же она была обнаружена, оказалось, что в этом месте нельзя посадить вертолеты или выбросить парашютистов.

Наконец спасательная группа в составе трех человек, спущенная с одного из вертолетов, добралась по глубокому снегу до космонавтов. Те чувствовали себя хорошо, были веселы,

говорили, что переживают приключения героев Купера или Жюля Верна. В полутора километрах спасатели оборудовали посадочную площадку для вертолета. Оттуда космонавтов вывезли на другую площадку. В тот же день космонавты вернулись в Байконур.

Тотчас по прилете состоялась их внеплановая встреча с членами Государственной комиссии. Потом космонавты поступили в распоряжение врачей-специалистов группы Е. А. Карпова.

Жалоб на состояние здоровья П. И. Беляев и А. А. Леонов не имели. Каких-либо патологических отклонений со стороны внутренних органов у них выявлено не было. Отмечались признаки компенсированного утомления. Потеря в весе у Беляева составила 1 кг, у Леонова — 0,9 кг; разница в пульсе до и после полета у командира корабля + 4, артериального давления — 5, у члена экипажа соответственно — 4 и — 5.

22 марта прошло заседание Госкомиссии, на котором космонавты выступили с подробным рассказом о своем полете. Я записывал быстро, почти со стенографической точностью, в чем приобрел навык на многочисленных совещаниях. Процитирую наиболее интересные места по своему дневнику. Насколько я знаю, эти выступления П. Беляева и А. Леонова нигде не публиковались.

Из доклада П. И. Беляева: «Работа шла не совсем по графику, составленному на земле, а сообразно с обстановкой. Например, цикл выхода (Леонова), разработанный на земле, не совпал с космическим. Были эмоциональные наслоения. Нужно было успокоиться, успокоить пульс и дыхание. Раскрыли шлюз, давление в дутиках составляло 0,62 атмосферы. Включили освещение, увидели, что все нормально. После открытия клапана перепуска давление в спускаемом аппарате (т. е. в кабине) составило 0,72 атмосферы, в шлюзовой камере 0,7. Чтобы довести его в шлюзовой камере до 0,7, израсходовали 10 атмосфер давления кислорода из баллона. Крышки люков открывались легко.

Во время нахождения Леонова в шлюзовой камере удерживал его от поспешного выхода в космос, следил за пульсом и дыханием. Перемещения человека отражаются на поведении корабля (вес космонавта в скафандре — до 120 кг). Все движения Леонова ощущал и слышал через стенки кабины…

Для проведения исследований пришлось с трудом доставать необходимое оборудование. Во время полета давление кислорода достигало 355 мм (верхняя граница).

Угловое вращение корабля после отстрела шлюзовой камеры

— тогда был слышен звук хлопка, потом много пыли и кусочков материи двигалось вместе с кораблем, постепенно отставая, — составляло 360 градусов за 20–22 секунды. В дальнейшем угловая скорость стала уменьшаться и дошла до одного оборота за 40–45 секунд. После команды включить ручное управление корабль успокоился, и в это время мы могли очень хорошо проводить астронавигационные наблюдения.

Все шло хорошо до включения автоматической посадки. По загоранию табло я решил, что автоматическая ориентация сработала. Но датчики ориентации солнце не ловили, корабль не сориентировался по солнцу. Запросил разрешение на посадку вручную. Когда получил данные для ручного спуска, сориентировал корабль. Давление в баллонах ручной ориентации было 106 атмосфер, ориентировать нужно было точно и один раз. Не спешил с включением ТДУ (тормозной двигательной установки). Включил, ТДУ заработала, и корабль сразу изменил свое положение. Потянул ручку на себя и выровнял корабль по вектору скорости. Сидели в креслах привязанные, заняли посадочную позу.

Первое, что заметили, — отстрел приборного отсека. А то, что идем к земле, видели по частицам пыли, оседавшим вниз. Дальше начали расти перегрузки, по иллюминаторам забили огненные струи, послышались хлопки, треск — отлетали расплавленные куски наружной части кабины. Перегрузки были не более 7 *g*, мы могли свободно разговаривать и свободно поднимать ногу, руку. Потом перегрузки спали. Через некоторое время взвелось кресло. Далее начала действовать парашютная система. Сработал пороховой двигатель мягкой посадки. После этого корабль мягко опустился в снег.

Мы приготовились к выходу. Начали открывать люк, но он не открывался до конца, что-то мешало. Нажали плечом, и люк открылся.

В течение всего полета связь была надежной. Она ухудшалась тогда, когда корабль поворачивался антеннами в сторону от Земли. Скафандры свое назначение выполнили. Система мягкой посадки себя оправдала. Спать не пришлось, хотя и можно было. Просто мы так решили.

Питание — нужно над этим подумать. Страшно мучает жажда, все время хотелось пить. Паек очень обезвожен».

Из доклада А. А. Леонова: «Перегрузки при выходе корабля на орбиту перенес хорошо. О главном, что я должен был сделать… Люк в шлюзовую камеру открыл командир. Когда он передал по радио, что все операции выполнены, я начал выплывать из шлюза. Хотелось скорей выйти в космос. Командир

меня удерживал. Когда подлетали к Черному морю, я вышел в космос.

Обратил внимание на то, что корабль равномерно освещен, красиво сверкает. Когда солнце попадало мне на лицо, чувствовал тепло. Хорошо видел поверхность Черного моря, цвет был темный с сизым, словно вороненый. Звезды очень яркие. Снял заглушку с кинокамеры и бросил вниз, она ушла в сторону Земли и скрылась с глаз. Первый отход от корабля сделал плавный и в этом положении завис. На фале плавно подтянулся к кораблю. Один раз подтянулся рывком, и меня бросило на корабль. Выставил вперед руку и самортизировал. Меня закрутило. Я подождал, пока закончится закрутка, и раскрутился в обратную сторону. Хорошо видел реки, леса, Волгу, Енисей.

Первая попытка войти в корабль не получилась. Для облегчения входа сбросил давление в скафандре 0,27 атмосферы. В шлюз влез после того, как забросил туда кинокамеру и помог себе руками. Камера снова выплыла в космос, я ее поймал. После моего входа в шлюзовую камеру в ней начало увеличиваться давление, в скафандре же уменьшаться. Когда вошел в кабину, сильный пот заливал лицо. Открыл гермошлем и начал вытирать лицо. Отрицательного влияния вестибулярного аппарата не чувствовал при всех вращениях.

Вестибулярные пробы. Полет проходил с угловыми вращениями, по стенам корабля все время бегали солнечные зайчики. Явлений иллюзии ни у меня, ни у командира не возникало. Пробы выполнили на втором и пятнадцатом витках. Провели пробу с газообменом и неврологические исследования. Болевая и тактильная чувствительность адекватны земной. Исследовали координацию движений, в частности, провели пальцево-носовую пробу.

На звездном небе наблюдали яркостпые неоднородности. Корабль и шлюзовая камера освещались прямыми лучами солнца и отраженными от атмосферы.

В том скафандре, в котором я выходил в космос, проводить монтажные или демонтажные работы трудно. Чтобы сжать перчатки, необходимо усилие 25 кг. Скафандр должен быть более мягким.

После приземления начали вытаскивать оборудование, в том числе НАЗ (неприкосновенный аварийный запас). В НАЗе не оказалось сухого спирта. Содержимое НАЗа надо пересмотреть.

Из предстартового времени много уходит на медицинские исследования. Производят электрофизиологические записи (снимают фон) перед стартом. Основное для космонавтов перед стартом — сон, а здесь на кровати ты окружен приборами…

Готовились к полету мы очень напряженно, одних вестибулярных тренировок выполнили 113…»

Десять лет спустя полковник А. А. Леонов станет командиром космического корабля «Союз», совершившего исторический полет и стыковку на орбите с американским кораблем «Аполлон».

«Восход-2», собственно, подвел итог главнейшим экспериментальным полетам в космос. Это был и последний полет космонавтов при жизни С. П. Королева…

В 1965 году отмечалась двадцатая годовщина победы над фашистской Германией. Было много встреч с фронтовыми друзьями.

У меня возобновились дружеские отношения с бывшим работником оперативного отдела 4-й воздушной армии Г. А. Пшеняником. Теперь он возглавлял одну из кафедр Военно-воздушной академии, имел звание генерал-майора авиации. Уже тогда я подумывал написать книгу воспоминаний, и беседы с Георгием Андреевичем для меня были очень интересны.

Не дожил до двадцатилетия Победы А. Д. Вайнштейн. Он умер за год до этого. Я, П. К. Быков, М. Н. Поляков, бывший начальник санслужбы одного из РАБ 4-й воздушной армии, моя жена, которая в послевоенные годы специализировалась по офтальмологии и теперь работала в Центральной глазной больнице Москвы, на встрече почтили его память.

Получил я — и, конечно, сам послал — очень теплые письма от родного брата Владимира и двоюродного брата Ростислава Владимировича. В той главе книги, где речь шла о заключительных боевых операциях 2-го Белорусского фронта, и в частности 4-й воздушной армии, я забыл поведать о нашей почти неправдоподобной встрече с Владимиром.

Наши армейские связисты (это было где-то в районе польского города Швец) однажды увидели, что поблизости солдаты вкапывают телефонные столбы и натягивают провода.

Решили подвесить к этим столбам и свой кабель.

Оказалось, что солдаты устанавливают правительственную линию. На просьбу наших связистов они ответили:

— У нас тут Бабийчук за главного. Его спросите.

— А мы своему Бабийчуку даем связь. У нас Бабийчук начальник медотдела армии, — удивились совпадению фамилий наши ребята.

Подошел старший лейтенант, командир роты связи.

— У вас брата нет? — спросили его солдаты.

— Вообще-то был. Не знаю, жив или нет.

И вот мы сидели друг против друга… Оставшись сиротами в раннем детстве, мы жили с братом у теток. В голодные двадцатые

годы Володя, младший из нас, потерялся. Теперь он рассказывал невеселую повесть о своей жизни: был беспризорником, познакомился с исправительно-трудовой колонией. Советская власть не дала пропасть подростку. Перед войной он уже работал помощником машиниста на паровозе. Окончил военную школу связи.

Пытался разыскать меня и родственников, но из этого ничего не получилось…

Владимир выглядел мужественным, серьезным молодым человеком. И его и меня переполняло счастье, и мы, фронтовики, не могли сдержать слез.

После войны Владимир устроился жить и работать в Мелитополе. В год двадцатилетия Победы ему исполнилось пятьдесят.

О двоюродном брате Ростиславе, друге моих детских лет, я ничего не знал еще дольше. В 1953 году, будучи в служебной командировке в Москве, он сам разыскал меня.

Вошел широкоплечий, плотный человек. Он назвал себя, и мы обнялись. Моя жена захлопотала у стола.

— Кем работаешь, Ростислав? — спросил я, когда подняли рюмки за радостную встречу.

— В настоящее время — министр культуры УССР. До этого был первым секретарем Житомирского и Львовского обкомов партии, еще раньше инструктором ЦК Компартии Украины, комсомольским работником, заводским рабочим.

Ростислав мой одногодок. С 1971 года он на заслуженном отдыхе.

В июне 1966 года вместе с начальником управления физической подготовки и спорта ВВС полковником В. Т. Вощеыко и инспектором боевой подготовки полковником В. Е. Борецким я побывал в Польской Народной Республике. Целью нашей поездки было ознакомление с деятельностью так называемых кондиционных центров для летного состава.

Нас принял заместитель министра обороны ПНР, мы имели беседу с начальником медицинской службы польских вооруженных сил. После этого в сопровождении полковника медицинской службы Зигмунда Квечинского, начальника медслужбы ВВС, отправились в военный кондиционный центр.

Польские военные летчики обязательно ежегодно посылаются в такие центры сроком на три недели (помимо этого, они имеют месячный отпуск, который проводят по своему усмотрению). Здесь с ними занимаются общефизической подготовкой и специальными тренировками на снарядах, помогающими лучше переносить полеты на современных реактивных самолетах.

По прибытии в центр летчик проходит врачебный осмотр и испытания на степень физической подготовки. Его записывают в одну из четырех групп (подготовленные слабо, удовлетворительно, хорошо и отлично). С каждой группой занятия проводятся по особой программе. Люди занимаются восемь часов в день (шесть часов до обеда и два часа после), остальное время у них свободно. Подъем производится в 6.00, отбой в 22.00. Раз в неделю летчик может отлучиться из центра, но к отбою он обязан вернуться.

Окрестности городка очень красивы, воды озера плещутся у самых домов. Летом тут процветают все виды водного спорта: плавание, гребля, водные лыжи, прыжки с парашютной вышки, походы на шлюпках и яхтах. Зимой на первом месте лыжи, коньки, буера, особые санки и т. д.

По данным Института авиационной медицины ПНР, половина летчиков, имеющих избыточный вес, побывав в центре, убывают в часть с нормальным весом, соответствующим их возрастной группе. Контроль за физическим состоянием людей осуществляется как врачами центра, так и специалистами этого института. Пребывание здесь весьма положительно сказывается на общефизическом состоянии летчиков: у них повышается динамометрия, спирометрия, снижаются вес и количество холестерина в крови и т. д.

Центр был довольно хорошо оснащен спортивным инвентарем.

Еще один центр расположен в горах близ чехословацкой границы, в живописной горной местности, на высоте 970 м над уровнем моря. Нам показалось, что он оборудован еще лучше. Вместо водного спорта здесь развит горный.

Мы ознакомились также с Институтом авиационной медицины и авиационным госпиталем. Они составляют одно целое и ведут большую научно-практическую работу. Имеется хорошая баролаборатория, оснащенная отечественными барокамерами, центрифуга (одноплечевая, с радиусом 8 м, с барокамерой и телевизионной установкой).

По возвращении в Москву я доложил главкому ВВС и члену Военного совета генерал-полковнику авиации А. Г. Рытову о наших впечатлениях и попросил их поддержать создание таких центров у нас, для начала в Прибалтике и Прикарпатье. К. А. Вершинин и А. Г. Рытов отнеслись к этому предложению с одобрением и поручили мне подготовить докладную записку Министру обороны.

Дня через три-четыре я принес ее Главному маршалу авиации на подпись. Константин Андреевич, предупредив, что наверняка

возникнут трудности с ассигнованиями, подписал бумаги. Когда я собрался выйти из его большого и какого-то пустоватого кабинета, он задержал меня.

Главком уезжал в отпуск. Как всегда, оставались какие-то дела, которые надо было решить незамедлительно.

Перед поездкой в Польшу я был в составе группы генералов и офицеров, инспектировавших части ВВС в Белорусском военном округе. Проверка, которой руководил заместитель главнокомандующего ВВС по боевой подготовке генерал А. Н. Катрич, показала, в частности, что вопросы медицинского обеспечения полетов отработаны хорошо. Значительно слабее обстоит дело с лечебной работой, авиационной профилизацией недавно переданного нам госпиталя.

Я обратился к главкому ВВС с просьбой подписать письмо начальнику Тыла Советской Армии о возвращении нам лабораторий авиамедицины; затем по поводу расширения авиационного факультета в Академии имени С. М. Кирова. Теперь и не вспомнить, но каким еще вопросам я то и дело приходил к Константину Андреевичу, зная, что всегда найду у него поддержку.

Обговорив все, что не хотел оставлять до своего возвращения из отпуска, Вершинин откинулся на спинку стула.

— Да, — произнес он не то в шутку, не то всерьез. — Знал же вас как беспокойного человека. Наверное, другой флагманский врач так бы меня не мучил.

Я засмеялся.

— Чему смеетесь? — спросил Константин Андреевич.

— На выпускном вечере в Военно-медицинской академии имени Кирова, где я от вашего имени поздравлял новых авиационных врачей, со мной беседовал присутствовавший там Иван Христофорович Баграмян. То же самое сказал: доставляю много беспокойства Тылу Министерства обороны. Но он добавил, что приветствует это, что рекомендует и дальше так действовать.

Вершинин улыбнулся.

— Что же, он прав. Зачем нужны спокойные люди? Спокойные — почти всегда равнодушные… Над докторской диссертацией работаете? — спросил через минуту заинтересованно.

Я ответил:

— Да. Моим научным руководителем любезно согласился быть генерал-лейтенант медицинской службы профессор А. С. Георгиевский, заместитель начальника Военно-медицинской академии.

— Это хорошо, — одобрил Константин Андреевич.

…1 сентября, впервые за мою службу в Главном штабе ВВС, я был приглашен на заседание коллегии Министерства обороны. В числе других заслушивался и доклад начальника ЦВМУ генерал-лейтенанта медицинской службы Д. Д. Кувшинского о состоянии медицинского обеспечения в Советской Армии.

Касаясь вопросов медобеспечения ВВС, начальник ЦВМУ отметил, что проверки работы авиационной медслужбы серьезных недостатков не обнаружили. Летчиков, безусловно, нужно лучше обеспечивать санаторно-курортным лечением, увеличить количество путевок для членов их семей; надо разрешить расширить авиационный факультет в Академии имени Кирова.

Вершинин еще находился в отпуске. На коллегии присутствовал генерал-полковник А. Г. Рытов. Андрей Герасимович передал мне записку: «Выступите и расскажите более подробно».

Я попросил слова у министра Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

В своем выступлении я остановился на особенностях труда и быта летного состава, на специфике медобеспечения авиации. Сообщил, как обстоит дело с обеспечением авиаторов жильем, с организацией их отдыха и т. д. Просил помочь с созданием центров активного отдыха и целенаправленной физической подготовки по примеру Польской Народной Республики.

Министр обороны очень вежливо перебил меня в этом месте и спросил:

— А деньги у вас есть?

Я ответил, что денег у нас нет.

— Я не возражаю против создания центров, если у ВВС есть деньги, сказал Р. Я. Малиновский и насупил густые брови. — Подумайте, сколько таких центров потребуется!

Я понял, что, по крайней мере, на время от мысли о них придется отказаться.

3 сентября я снова вылетел в Польшу. В Варшаве проходило совещание по координации научных исследований. В работе секции авиационной медицины приняли участие: от ВНР — подполковник медицинской службы Эхтер Тибор, от ГДР — майор медицинской службы Отто Флейшхауэр, от ПНР — полковники медицинской службы Зигмунд Квечинский и Барциковский, от СССР — я и полковник медицинской службы П. К. Исаков, от ЧССР — полковник медицинской службы Мирослав Ганька.

В протоколе совещания было отмечено, что «проведена большая работа в части разработки вопросов специального медицинского обеспечения авиации и обмена научной информацией по ряду актуальных вопросов авиационной

физиологии, гигиены, психологии, медицинского обеспечения безопасности полетов, врачебно-летной экспертизы, которые были внедрены в практику медицинского обеспечения авиации каждой из стран».

А через две недели я очутился в Праге в составе делегации Советского Союза на XV международном конгрессе по авиационной и космической медицине. Нашу делегацию возглавлял академик В. В. Парин. Она была представительной: вместе с гостями конгресса насчитывала 62 человека. Заместителями В. В. Ларина являлись профессор В. И. Черниговский и я.

Прилетели мы за два дня до начала работы конгресса и получили возможность ознакомиться с достопримечательностями прекрасного города (в осеннем убранстве многочисленных скверов и парков Прага была действительно золотой). Открылся конгресс в старинном здании ратуши, которому насчитывается около шестисот лет.

После вступительного слова министра здравоохранения ЧССР доктора Плонгара в зал под звуки оркестра вошел гость конгресса — врач-космонавт Б. Б. Егоров. Затем был избран президиум. С приветствием к конгрессу обратился ректор Пражского университета.

За девять дней на пленарных заседаниях было заслушано 174 доклада. Обсуждались следующие проблемы: выносливость человека к воздействию экстремальных факторов, возникающих во время полета; врачебная оценка состояния здоровья летчиков среднего возраста; вопросы патологии у летного состава; главные принципы механизма ориентации в пространстве; вопросы радиобиологии; методы экспериментальных исследований.

Участие в конгрессе делегаций многих государств расширило наше представление о той работе, которая ведется там в области авиационной и космической медицины.

Руфф (США) сделал сообщение о контролировании физиологических реакций у космонавтов во время полета корабля «Меркурий». Он же с группой научных сотрудников изучал их психологические реакции. Это изучение начиналось задолго до полета в специальной студии, затем продолжалось на центрифуге, в барокамере, во время отдыха, знакомства между собой и т. д.

Во время полета от космонавтов требовалось решить математические задачи, установить свое местонахождение. В прошлом все они были летчиками, что позволяло им легче справляться с различными аварийными ситуациями.

Шмидт (Англия) говорил об изучении физиологических

функций летчика в самолете во время полета. Использовались специальные электроды для регистрации деятельности сердечной мышцы. Пульс исследовался в течение пяти минут до полета и при посадке в самолет. Разница составляла 5-10 %. В течение первых пятнадцати секунд полета он повышался на 50 %, затем понижался, но был выше, чем в состоянии покоя. Частота пульса при приземлении самолета зависела от места расположения аэродрома — в горах или на равнине. На величину пульса влияли также температура в кабине самолета и состояние погоды.

Берри (США) выступил с докладом «О некоторых результатах полетов на кораблях «Джемини» и «Аполло-проект». Докладчик подчеркнул, что после полета Ю. А. Гагарина стало ясно — ориентировка и подвижность в космосе сохраняются. Происходят многочисленные стрессы, но их нельзя избежать. Через восемь дней у космонавтов отмечалась сухость кожи, однако после применения специальных мазей она становилась обычной. Центральная нервная система функционировала хорошо, что подтверждается удачной посадкой корабля «Джемини-8» с помощью ручного управления в аварийной ситуации.

По возвращении на Землю у космонавтов наблюдалась инъекция конъюнктивы глаз в течение нескольких часов, закладывание носа в течение нескольких дней. Докладчик сказал, что он связывает это с дыханием чистым кислородом.

На кораблях «Джемини» у космонавтов повышалось кровяное давление в нижних конечностях, учащался пульс при восьмидневном пребывании в космосе. Все показатели физиологических функций возвращались к норме через 55 часов после полета. На земле отмечалось увеличение количества лейкоцитов в крови; оно приходило к норме через сутки. Наблюдалось понижение общего содержания плазмы в крови…

У американских космонавтов определялось общее количество азота и был выявлен отрицательный баланс его. Для питания космонавтов использовалась замороженная, дегидратированная пища (60 % суточного рациона). При полете до четырех дней суточный рацион составлял 2500 калорий. Космонавты после приема такой пищи чувствовали голод. Для восьмидневного полета количество продуктов было увеличено, из расчета 2700 калорий в сутки, но космонавты потребляли фактически всего 2000 калорий.

Изменения в костях (потеря солей кальция) увеличиваются до восьми дней полета, а потом уменьшаются. Чтобы удержать кальций в костях, было увеличено количество физических упражнений…

От СССР выступали профессор П. К. Исаков, В. В. Парин, И. А.

Акулиничев, Ю. М. Волынкин, Л. С. Исакян, я и другие.

14 января умер Сергей Павлович Королев. Смерть Главного конструктора ракетно-космических систем глубокой болью отозвалась в сердцах всех, кто знал его и работал с ним. В последние полтора-два года Королев иногда жаловался на боли неопределенного характера в брюшной полости. Однажды на космодроме я настойчиво советовал ему обязательно, не откладывая, обследоваться в клинике. Врачи, которым он показывался, считали его практически здоровым. Когда обнаружили небольшую опухоль, Сергей Павлович согласился лечь на операцию. По-видимому, ее нужно было сделать раньше…

17 января я стоял у гроба, утопавшего в венках, в Колонном зале. Вспомнилась его замечательная биография.

Родился С. П. Королев 30 декабря 1906 года (по старому стилю) в Житомире в семье учителя. В 1924 году, окончив 1-ю Одесскую стройпрофшколу, он поступил в Киевский политехнический институт, а в 1926 году, будучи студентом 3-го курса, перевелся в Московское высшее техническое училище, чтобы получить специальность аэромеханика. С 1927 года С. П. Королев работал в авиационной промышленности. В 1930 году без отрыва от производства окончил факультет аэромеханики МВТУ имени Баумана и в том же году — Московскую школу летчиков.

Познакомившись с К. Э. Циолковским и его идеями, Сергей Павлович увлекся ракетно-космической техникой и стал одним из ее основателей. В 1933 году при его участии была организована Группа по изучению реактивного движения (ГИРД), коллектив которой создал первые экспериментальные ракеты. В августе того же года С. П. Королев руководил пуском первой советской жидкостной ракеты «09» конструкции М. К. Тихомирова. С этого времени и до конца своей жизни все свои силы Сергей Павлович отдавал развитию советской ракетно-космической техники. Он прошел славный путь от рядового инженера до академика. В 1934 году в Военном издательстве вышла книга С. П. Королева «Ракетный полет в стратосфере». Разработанная и построенная им крылатая ракета класса «земля — земля» совершила 29 января и 8 марта 1939 года успешные полеты.

Сергей Павлович Королев был крупнейшим конструктором ракетно-космических систем, на которых впервые в мире осуществлены запуски искусственных спутников Земли, доставлен советский вымпел на Луну, совершен облет и фотографирование обратной стороны Луны.

Под руководством С. П. Королева были созданы пилотируемые космические корабли, на которых человек впервые

в истории совершил полет в космос и осуществил выход в космическое пространство.

Сергей Павлович Королев воспитал многочисленные кадры ученых и инженеров, работающих ныне во многих научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро в области ракетно-космической техники.

Неиссякаемая энергия и талант ученого-исследователя, прекрасная инженерная интуиция, большая творческая смелость при решении сложных научных и технических проблем сочетались у Сергея Павловича с блестящими организаторскими способностями и высокими душевными качествами.

Академик С. П. Королев отдавал все свои силы и знания космонавтике. Он был настоящим хозяином «шестого океана», жил в будущем, опережая время, как и подобает советскому ученому, гражданину Страны Советов, бойцу Коммунистической партии.

6 марта 1967 года проходило очередное заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов в космонавты. Проводил его II. П. Каманин.

Надо сказать, что с того дня, когда в космос поднялся Ю. А. Гагарин, в Академию наук, партийные и советские организации хлынул огромный поток писем от желающих быть зачисленными в космонавты. Писали люди разного возраста и разных профессий, главным образом, конечно, юноши и девушки. Причем многие из них прилагали к своим заявлениям характеристику с места работы, первичной комсомольской организации, справку о состоянии здоровья. Тысячи писем шли просто по такому адресу: «Москва, центр набора космонавтов».

Подавали, однако, рапорты по службе и сотни молодых летчиков, в основном истребительной авиации. Им разъясняли, что ни ВВС, ни Министерство обороны в целом не имеют отношения к организации космических полетов и подготовке к ним людей. Этим занимается исключительно Академия наук, которая, правда, привлекает для полетов в космос военнослужащих. Разбору рапортов особенно настойчивых товарищей — отряд космонавтов все-таки должен был пополняться — в тот раз и посвятили заседание мандатной комиссии.

В том же месяце в Центре подготовки космонавтов я в течение дня наблюдал за проведением комплексного испытания некоторых систем жизнеобеспечения экипажа нового корабля «Союз». Затем участвовал в заседании главной медицинской комиссии по допуску к полету двух командиров этого корабля — В. М. Комарова и Ю. А. Гагарина (дублер). Оба космонавта были

признаны здоровыми и готовыми к полету.

На пуск «Союза-1» я вылетел в Байконур 19 апреля. Старт был назначен на 5.35 по местному (3.35 по московскому) времени 23 апреля. После раннего подъема в этот день я беседовал с Владимиром Михайловичем Комаровым. Как всегда, сдержанный, спокойный, он сказал, что чувствует себя хорошо. После наклейки датчиков космонавты позавтракали. Комаров ел мало, а Гагарин съел завтрак с аппетитом. Потом Владимир Михайлович надел легкий шерстяной костюм и без головного убора вышел в вестибюль, где его ждали П. П. Каманин, Н. Ф. Кузнецов и другие. Все мы направились к выходу…

Владимир Михайлович Комаров провел в полете 26 часов. В программу полета входило: испытание космического корабля новой конструкции; оценка систем управления и систем жизнеобеспечения; проведение специальных исследований. Программу Владимир Михайлович выполнил полностью. Но произошла трагедия.

25 апреля, вернувшись в Москву самолетом Ан-12, сразу с аэродрома я поехал в Краснознаменный зал Дома Советской Армии, где уже была установлена урна с прахом дважды Героя. В глубокой скорби стоял в почетном карауле.

Путь в неизведанное не обходится без жертв. Погибали летчики, осваивая новые типы самолетов. Погибали ученые и путешественники. Погибли американские космонавты Вирджил И. Гриссом, Э. Уайт, Р. Чаффи, Крпфтон Уильяме… О Владимире Михайловиче Комарове навсегда сохранится память в нашем народе.

Глава двенадцать
В начале семидесятых…

Страна широко и торжественно отметила 50-летие Советской власти, а вскоре и 50-летие Вооруженных Сил СССР. Незабываем прием, состоявшийся во Дворце съездов. С приветствием к собравшимся обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Доклад о славном пути Советской Армии сделал Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Он горячо поблагодарил Коммунистическую партию и Советское правительство за постоянное внимание и заботу о Вооруженных Силах Родины.

Многие офицеры и генералы Главного штаба ВВС получили высокие правительственные награды. Я был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

К 50-летию Советских Вооруженных Сил авиационная медицина пришла с большими успехами. Ее зарождение и развитие неразрывно связаны с победой Великой Октябрьской революции и созданием частей красной авиации. В 1917 году по личному указанию В. И. Ленина был сформирован первый авиационный отряд для защиты Петрограда. Спустя год в этом отряде ввели должность авиационного врача для медицинского контроля и наблюдения за летным составом. В 1920 году на Юго-Западном фронте такая должность была введена во всех частях ВВС.

Огромную роль сыграли авиационные медики в годы Великой Отечественной войны. В преддверии большого праздника мы разыскали адреса бывших флагманских врачей воздушных армий и военных округов, начальников медико-санитарных служб авиационных корпусов и дивизий, многих отличившихся в боевых действиях врачей, фельдшеров, медсестер и послали им теплые, сердечные поздравления.

Незадолго до празднования 50-летия Вооруженных Сил были назначены новый член Военного совета — начальник политорганов ВВС и новые заместители главнокомандующего ВВС.

У Главного маршала авиации К. А. Вершинина стало два первых заместителя: маршал авиации С. И. Руденко и генерал-полковник авиации П. С. Кутахов.

После тяжелой болезни скончался Андрей Герасимович Рытов. Он остался в нашей памяти как исключительно внимательный к людям человек, принципиальный коммунист,

пользовавшийся всеобщим уважением. Я неоднократно навещал его в госпитале. До последнего часа Андрей Герасимович интересовался работой управлений Главного штаба ВВС, новостями из войск.

Пост члена Военного совета ВВС партия доверила генерал-лейтенанту авиации И. М. Морозу. Убыл на другую работу А. Н. Катрич. Заместителем главкома ВВС по боевой подготовке стал генерал-полковник авиации И. И. Пстыго.

В начале 1968 года проходила очередная военно-научная конференция ВВС. На секции авиамедицины с содержательными докладами выступили начальники медицинской службы авиационных соединений и частей: А. Д. Соловьев, Е. Е. Шуваев, В. И. Лобков, В. К. Кокочашвпли, Н. М. Волошин, И. И. Шпилевский, В. П. Седов (истребительная и истребительно-бомбардпровочная авиация), И. Н. Капустин, Г. А. Бабаев, В. Т. Свечинский (дальняя авиация), В. В. Толстов (военно-транспортная авиация) и др. Они рассказывали об особенностях медицинского обеспечения различных видов современной военной авиации.

С интересом выслушали доклад полковника медицинской службы О. С. Маршалкина. Темой его выступления было совершенствование форм и методов поиска и спасения летного состава в условиях мирного времени. В годы Великой Отечественной войны Олег Сергеевич служил дивизионным врачом 260 шад, входившей на 2-м Белорусском фронте в состав 4-й воздушной армии.

В том, что на конференции организовали самостоятельную секцию авиационной медицины, была большая заслуга генерал-майора авиации Н. М. Кожевникова. Он всегда доказывал нецелесообразность подчинения медицинской службы тылу ВВС, выдерживая упреки и нападки.

Большой неожиданностью и неприятностью в это же время явилось решение начальника ЦДСА превратить все дома отдыха Министерства обороны (в том числе и дома отдыха ВВС) в туристические базы. К сожалению, на эту точку зрения встал и заместитель начальника ЦВМУ генерал-лейтенант медицинской службы Г. П. Столяров. Мне пришлось приложить много усилий, чтобы доказать ему, как ошибочна такая постановка вопроса. Летчики после года напряженной учебно-боевой подготовки нуждаются в организованном отдыхе, их нельзя посылать в длительные туристические походы. Было принято решение обратиться с соответствующим письмом к заместителю Министра обороны Маршалу Советского Союза И. И. Якубовскому.

К нашему удовольствию, маршал И. И. Якубовский на

представлении начальника ЦДСА наложил такую резолюцию: «Начальнику ЦДСА: 1. Вы не понимаете разницы между туризмом и домами отдыха. Эти два понятия смешивать нельзя. 2. Маршалу Советского Союза И. Х. Баграмяну. Ликвидация домов отдыха и замена их туристскими базами в системе МО недопустима, прошу разобраться. 3. Дома отдыха ВВС из рассмотрения на повестке дня коллегии МО исключить». На состоявшейся вскоре коллегии Министерства обороны мнение И. И. Якубовского поддержал и Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

Я постоянно был озабочен развитием сети оздоровительных учреждений ВВС и всегда уделял этой проблеме много внимания и сил. В описываемое время, например, был готов проект дома отдыха на 500 мест в Адлере, но строительство еще не началось, и местные организации пытались отобрать выделенный нам участок земли в 6,5 га. В Ленинграде делали попытку забрать у нас санаторий на Каменном острове. В Судаке, на Южном берегу Крыма, не хватало воды для высаженного у санатория ВВС парка… Снова и снова приходилось обращаться за помощью к К. А. Вершинину, генерал-лейтенанту В. Я. Клокову, курировавшему вопросы строительства наших санаториев, начальнику инженерно-аэродромного управления ВВС генерал-лейтенанту К. А. Строганову, заместителю начальника Тыла Советской Армии по строительству генерал-полковнику Н. М. Попову и другим товарищам. Должен отметить большую работу, которую вел полковник медицинской службы М. Ф. Шапка, ответственный за вопросы санаторно-курортного обеспечения в ВВС.

Мне позвонил командующий военно-транспортной авиацией маршал авиации Н. С. Скрипко и высказал пожелание создать для их летного состава центр активного отдыха. Я ответил, что не теряю надежды увидеть такие центры, организованные по примеру Польской Народной Республики, и буду рад, если первый появится благодаря его активной поддержке.

Штат моих помощников в Главном штабе ВВС был невелик. Попросту говоря, людей не хватало. Я попросил, чтобы меня принял заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник С. М. Штеменко.

Сергей Матвеевич был широко известен в войсках еще в годы Великой Отечественной войны. Как представитель Генштаба он приезжал на фронты накануне крупных операций. Был он у нас на Северном Кавказе и на 2-м Белорусском фронте. Таким же подтянутым, моложавым, с пышными усами увидел я его и теперь. Заместитель начальника Генштаба встретил меня приветливо, внимательно выслушал и тут же позвонил начальнику Главного штаба ВВС П. И. Брайко.

Поскольку словесного указания было недостаточно — требовалась официальная директива, — позднее, зайдя к К. А. Вершинину, я попросил главкома напомнить С. М. Штеменко о нашей просьбе. Константин Андреевич вскипел, сказал, что я отрываю его от накопившихся важных дел — он только что вернулся из командировки, — но позвонил С. М. Штеменко в моем присутствии. Вскоре директива о небольшом усилении медслужбы поступила.

На одном из служебных совещаний К. А. Вершинин вдруг почувствовал себя плохо. Пришлось отправить его домой. Нужна была консультация главного хирурга Советской Армии академика АМН генерал-полковника медицинской службы А. А. Вишневского, и я поехал в его клинику.

Я бывал в клинике А. А. Вишневского не раз и не переставал удивляться, как обставлен кабинет хозяина. Вдоль стен шкафы с книгами, но книги лежат и на стульях, на подоконниках. Развешаны картины, там и тут чучела редких птиц, а у окон клетки с живыми птицами. Два стола. У Вишневского часто бывали иностранные гости.

Он принимал их, накрывая часть большого стола скатертью и ставя кофе и коньяк.

Он как раз беседовал с французскими врачами. Пришлось ждать, когда академик освободится. О консультации договорились быстро. Через несколько дней выяснилось, что для серьезного беспокойства о состоянии здоровья Главного маршала авиации оснований нет.

Хотя ежедневно я был занят до предела — кроме служебных обязанностей выполнял партийные поручения, — заместитель начальника Политического управления ВВС генерал Ю. Н. Артамошин привлек меня для чтения лекций и включил в лекторскую группу. Я всегда с удовольствием выполнял его поручения. Юрий Николаевич очень много помогал лично мне и медицинской службе ВВС в проведении политико-воспитательной работы, участвовал в заседаниях экспертной комиссии ВАК и других комиссиях.

С генерал-лейтенантом медицинской службы профессором А. С. Георгиевским, моим научным консультантом, я договорился, что буду высылать ему диссертацию по главам. Высококвалифицированный педагог, специалист в области организации и тактики медицинской службы Советской Армии, он скрупулезно разбирал и правил мою рукопись. За это я был ему безмерно благодарен.

В академии имени Н. Е. Жуковского и в одном из учреждений у меня было два рабочих места, где я мог трудиться до 23 часов.

Естественно, я не имел права брать различные документы домой.

27 марта днем мне сообщили трагическое известие: во время полета на учебно-тренировочном скоростном самолете погиб первый в мире космонавт Ю. А. Гагарин.

Я минута за минутой восстанавливал в памяти день 12 апреля 1961 года в Байконуре. Затем мысленно перебирал многие другие встречи с Юрием Алексеевичем. «Не может быть, — говорил себе, — самолет разбился, но Гагарин и Владимир Сергеевич Серегин, наверное, успели катапультироваться…»

В Звездном взглянул на окна шестого этажа дома, где жил Гагарин. Валентина Ивановна, жена Юрия Алексеевича, в это время находилась в больнице в Кунцево.

Когда прибыл в Звездный, уже было установлено место падения самолета: в лесу во Владимирской области.

29 марта тысячи людей проходили через Краснознаменный зал ЦДСА. В почетном карауле у урн с прахом двух Героев Советского Союза стоял и я. На следующий день после похорон на Красной площади состоялся траурный вечер, на котором выступали К. А. Вершинин, М. В. Келдыш, Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, начальник Главного политического управления Советской Армии А. А. Епишев, космонавты, летчики.

С новым непосредственным начальником у меня установились хорошие деловые взаимоотношения.

В мае генерал-полковник И. И. Пстыго находился в ЦНИАГе. Он проходил обследование как летчик. Приехав в Сокольники по делам, я навестил его. У нас состоялся непринужденный разговор по ряду важных вопросов. Заместитель главкома интересовался организацией врачебно-летной экспертизы при окружных госпиталях, высказал мнение о необходимости создать на территории СССР несколько центров по экспертизе летного состава, оснастив их соответствующим оборудованием, и в частности центрифугами.

В ЦНИАГе готовилась научная конференция по поводу пароксизмальных состояний у летного состава, и заместитель главкома изъявил желание присутствовать на ней. Конференция состоялась 20 мая. Доклады были сугубо медицинские. Обсуждались возможные причины потери сознания летчиком в воздухе и на земле (гипоксия, чрезмерное нервно-эмоциональное напряжение, перегрузки, скрытые формы эпилепсии и т. п.). Генерал И. И. Пстыго слушал доклады очень внимательно и после сказал, что конференция ему понравилась.

В конце того же дня я должен был вылететь на учения медицинской службы в БВО, но после конференции побывал еще в комитете, возглавляемом академиком В. В. Лариным.

Вернувшись с учений, я вылетел в Венгрию на конференцию по авиационной медицине европейских социалистических стран. А месяц спустя вновь участвовал в учениях, которые возглавил новый начальник Тыла Советской Армии генерал армии С. С. Маряхин.

Впервые я увидел его незадолго перед этим на торжественном заседании в Военно-медицинской академии в Ленинграде по случаю очередного выпуска военных врачей, в том числе и авиационных. Новый начальник тыла оказался человеком замкнутым, малоразговорчивым, прямой противоположностью И. Х. Баграмяну.

Тот выпуск в академии был одновременно и «выпуском» многих лиц из профессорско-преподавательского состава в отставку по возрасту, в том числе и начальника академии генерал-полковника медицинской службы П. П. Гончарова. Я хотел поговорить с С. С. Маряхнным по поводу некоторых новых назначений, он предложил обратиться к его заместителю.

Мы сформировали авиационный госпиталь, который своим ходом двинулся на новое место базирования. Прибыл он точно в срок и сразу развернулся в лесу. Генерал армии с большой группой сопровождающих лиц осмотрел его. Я доложил штатно-организационную структуру лечебного учреждения, провел проверяющих по отделениям. Они могли убедиться в том, что в характере работы авиагоспиталя много специфических особенностей, отличающих его от общевойсковых. Начальник тыла сказал: «Да, такие госпитали для авиации нужны». Через несколько недель приказом Министра обороны к наименованию должности «начальник медицинской службы ВВС» была восстановлена приставка: «заместитель начальника ЦВМУ по авиации».

В октябре поднялся «Союз-3», пилотируемый полковником Георгием Тимофеевичем Береговым. Мне не пришлось быть на пуске этого корабля. 13 ноября, когда космонавт прибыл на послеполетное обследование, собрались ведущие специалисты и попросили его рассказать о полете.

Георгий Тимофеевич пожаловался на сильное раздражение на коже от датчиков, которые крепятся для регистрации физиологических функций. Работают они незначительную часть полетного времени, но их нельзя отклеить, они остаются прикрепленными к телу. Одежда космонавта недостаточно защищает от холода при выходе из корабля после приземления. В пищу необходимо добавлять что-то острое, так как она пресна. В одном из четырех рационов была вобла, и он ел ее с удовольствием. Мясными консервами он воспользоваться не смог:

отвязался и затерялся нож для открывания банок. За время полета потеря веса космонавта составила 2,5 кг. Замечания представляли большой интерес и в дальнейшем были учтены конструкторами и медиками.

Надо сказать, что никто так четко и ясно не докладывал о влиянии полета на организм, как Георгий Тимофеевич. Это понятно: боевой летчик-штурмовик, заслуживший звание Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, он в послевоенное время окончил Военно-воздушную академию, которая ныне носит имя Ю. А. Гагарина, работал летчиком-испытателем. В отряд космонавтов он пришел в 1964 году с огромным опытом и знаниями. Ныне дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г. Т. Береговой — начальник Центра подготовки космонавтов.

В конце 1968 года маршал авиации Н. С. Скрипко добился разрешения Министра обороны использовать часть одной из южных турбаз под центр активного отдыха для летчиков военно-транспортной авиации. Мы договорились создать опытную исследовательскую группу из врачей-специалистов ЦНИАГа и других медицинских подразделений, которая будет контролировать его работу. Вскоре на эту турбазу приехали первые летчики. Научно-исследовательскую группу врачей-специалистов возглавил полковник медицинской службы Василий Григорьевич Терентьев.

Год завершился сбором врачей частей и соединений ВВС и авиации ПВО, а также начальников медицинской службы авиационных училищ. В числе рассматривавшихся на нем вопросов были: о единой документации (формы учета) старшего врача авиаполка, о врачебно-летной экспертизе, о специальной боевой подготовке медицинского состава. На сборе присутствовали генерал-полковник авиации И. Л. Туркель, заместитель начальника ЦВМУ генерал-лейтенант медицинской службы Г. П. Столяров, начальник медицинской службы ВМФ генерал-майор медслужбы Е. М. Иванов, с которым у нас в течение всей совместной работы были самые добрые отношения, и заместитель начальника управления боевой подготовки генерал-майор авиации Г. Т. Яценко. Была отмечена хорошая работа офицеров медслужбы Я. Н. Дивина, Д. Г. Одошашвили, Н. П. Еникеева, Г. А. Касьянова, А. Д. Сергакова, Г. М. Шерешкова и многих других, занимающихся разработкой вопросов боевой подготовки медицинского состава.

В первые дни 1969 года был подготовлен и окончательно уточнен состав нашей врачебной бригады, которая должна была вылететь в Байконур на пуск космических кораблей «Союз-4» и

«Союз-5».

«Союз-4» с космонавтом подполковником Владимиром Александровичем Шаталовым на борту был выведен на орбиту 14 января, а на следующий день в космос взлетел «Союз-5» с экипажем в составе подполковника Бориса Валентиновича Вольтова, инженера-исследователя подполковника Евгения Васильевича Хрунова и бортинженера кандидата технических наук Алексея Станиславовича Елисеева.

Во время совместного полета были осуществлены стыковка космических кораблей и переход А. С. Елисеева и Е. В. Хрунова из одного корабля в другой. Это были новые, чрезвычайно важные достижения советской космонавтики. Полет «Союза-4» продолжался 71 час 14 минут, полет «Союза-5» 72 часа 46 минут.

Космонавты прошли послеполетное обследование. Затем они встретились с врачами-специалистами. В. А. Шаталов рассказал, что при выходе на орбиту ощущал тяжесть в голове — она как бы переполнялась кровью. В первые сутки полета совсем не хотелось пить. По его словам, питание космонавтов неудовлетворительно по своим вкусовым качествам, очень густы соки. Неудачна упаковка пайков: целлофан крошится и его кусочки плавают в кабине. Необходимы шторки для иллюминаторов. Надо иметь резинки, чтобы закреплять предметы, которыми пользуешься.

А. С. Елисеев высказал мнение, что предполетная тренировка на центрифуге необязательна, нужно лишь ознакомление с воздействием перегрузок. Он также ощущал «наполнение головы кровью». В первые сутки полета пил много и охотно. При одевании скафандра было нестерпимо жарко. Выход из корабля и вход в него требуют больших физических усилий, но особого эмоционального напряжения он не испытывал.

Б. В. Волынов отметил, что требования к состоянию здоровья космонавтов снижать ни в коем случае нельзя. Он согласился с А. С. Елисеевым, что тренировки к воздействию ускорений (перегрузок) не нужны. Ознакомление с воздействием перегрузок достаточно осуществлять один раз в год.

Е. В. Хрунов присоединился к А. С. Елисееву и Б. В. Вольтову, сказав, что он тоже не видит надобности в тренировках на центрифуге. При подготовке космонавта к работе в открытом космосе необходимо больше тренировок в скафандре. Прилив крови к голове ощущал и он.

С 1961 года моим заместителем состоял полковник медицинской службы Н. М. Рудный. Это был хорошо знающий свое дело авиационный врач, имеющий склонность к научно-исследовательской работе. Теперь он получил новое назначение. Моим заместителем был утвержден полковник медицинской

службы И. П. Шинкаренко, работавший перед этим в центральном аппарате ВВС и хорошо знавший многочисленные вопросы медицинского обеспечения войск.

В начале марта я выехал в Ленинград, где присутствовал на защите кандидатской диссертации. Я был одним из научных руководителей его работы.

Вернувшись в Москву, узнал, что Главный маршал авиации К. А. Вершинин уходит на отдых. Константину Андреевичу исполнилось шестьдесят девять лет. Его здоровье стало сдавать. Почти пятьдесят лет жизни он отдал авиации.

Первому заместителю главкома ВВС генерал-полковнику авиации П. С. Кутахову присвоили звание маршала авиации. Было очевидно, что он заменит К. А. Вершинина на посту главнокомандующего Военно-Воздушными Силами.

Я не очень хорошо знал П. С. Кутахова. Поэтому, естественно, постарался использовать оставшееся у К. А. Вершинина время для решения ряда насущных вопросов медслужбы. Одним из них был вопрос о подчинении ее непосредственно главкому ВВС. Заместитель главкома по боевой подготовке не обладал возможностью пресечь поползновения подчинить медслужбу начальнику тыла. Между тем от этого зависело дальнейшее совершенствование и развитие службы авиационной медицины.

10 марта Министр обороны подписал приказ об освобождении К. А. Вершинина от обязанностей главкомандующего ВВС и назначении его генеральным инспектором МО. 15 марта в конференц-зале Главного штаба ВВС собрались все начальники управлений и служб, командующие ДА, ВТА, секретари партийных организаций штаба. После зачтения приказа министра К. А. Вершинин выступил с прощальным словом. Он призвал учиться лучше работать с людьми, поблагодарил всех за помощь, которую ему оказывали на посту главкома.

Неделю спустя маршал авиации П. С. Кутахов назначил мне время для доклада вопросов по службе. В кабинете главкома он ничего не изменил. Внимательно слушал мой доклад, вникал в детали штатно-организационной структуры. Попросил обратить особое внимание на психологическую подготовку летного состава. Я чувствовал его весьма лояльное отношение к медслужбе, и это меня порадовало.

По моему докладу главком ВВС выделил крупную сумму на развитие санатория ВВС в Судаке.

Я рассказал о центрах активного отдыха и первом опытном в Красной Поляне. Главком заинтересовался и обещал в будущем поддержать их распространение.

К. А. Вершинин лег в Кремлевскую больницу с воспалением легких. Я навестил его. Константин Андреевич встретил меня очень приветливо. Мы долго вспоминали военное время, людей нашей 4-й воздушной армии.

11-13 октября 1969 года был произведен запуск космических кораблей «Союз-6» (космонавты Г. С. Шонин и В. Н. Кубасов), «Союз-7» (космонавты А. В. Филипченко, В. Н. Волков и В. В. Горбатко) и «Союз-8» (космонавты В. А. Шаталов и А. С. Елисеев). Кандидат технических наук В. Н. Кубасов провел уникальный эксперимент — сварку в космосе. По телеметрии на Землю передавались данные электрокардиограмм, пневмограмм, сейсмокардиограмм, легочной вентиляции, газообмена, ЖЕЛ (жизненная емкость легких), величины артериального давления. После успешного окончания программы полета экипажи кораблей вернулись на космодром, где в течение нескольких дней проходили клинико-физиологическое обследование. Каких-либо отклонений в состоянии здоровья космонавтов выявлено не было. В. А. Шаталов и А. С. Елисеев совершили второй полет в космос в одном году.

В ночь на 10 января 1970 года скончался от общей интоксикации, отека легких и остановки сердечной деятельности П. И. Беляев. 13 января Москва проводила одного из пионеров освоения космоса в последний путь.

30 января состоялась партийная конференция Главного штаба ВВС. Я был ее делегатом.

4 апреля Маршал Советского Союза А. А. Гречко утвердил структуру, по которой медицинская служба ВВС отныне подчинялась непосредственно главнокомандующему. Это полностью соответствовало задачам и целям службы авиационной медицины. В своем дневнике я назвал это историческим событием для медслужбы ВВС.

Год спустя, однако, новый начальник тыла ВВС генерал В. С. Логинов вновь поставил вопрос о подчинении медслужбы тылу ВВС. Поддержал его и генерал И. И. Пстыго. Маршал авиации П. С. Кутахов не согласился с ними и оставил медицинскую службу в своем подчинении, поручив заниматься ее нуждами своему первому заместителю.

1 июня в космос поднялся корабль «Союз-9» с А. Г. Николаевым и В. И. Севастьяновым на борту. Их полет длился 18 суток. 20 июня космонавты прибыли в ЦПК. Их поместили в специальный профилакторий. Как и ожидали врачи и ученые, привыкание организма к земным условиям после длительной невесомости проходило труднее, чем привыкание к состоянию невесомости. Хождение сопровождалось покачиванием, поднять

руку или ногу стоило большого труда; лежа в постели, космонавты испытывали такое ощущение, словно их вдавливает в нее.

Тщательное медицинское обследование показало, что у космонавтов наблюдаются повышение кровяного давления и учащение пульса, некоторая атрофия мышц голени и другие явления. Со временем они прошли.

На заседании Государственной комиссии А. Г. Николаев говорил, что предусмотренная в полете физическая подготовка (2 часа в сутки) недостаточна, ее необходимо увеличить. В длительном полете надо обеспечить экипаж трехразовым горячим питанием (они ели горячую пищу один раз в день). В. И. Севастьянов под общий смех сообщил, что вернулся из космоса с носками, протертыми до дыр о стенки кабины — приходилось с помощью ног фиксировать свое положение, прекращая «плавание».

«Союз» — корабль надежный, — заявили космонавты, — и длительный полет в космическом пространстве возможен».

…В октябре в ЧССР проходила очередная научная конференция по авиационной медицине социалистических стран. В нашу делегацию кроме меня входили генерал-майор медицинской службы Н. М. Рудный, председатель ЦВЛК полковник медицинской службы П. Д. Мартимонов и главный терапевт ВВС полковник медицинской службы Е. Т. Малышкин. Конференция посвящалась вопросам врачебно-летной экспертизы. В пражском аэропорту нас встретил начальник медицинской службы авиации и ПВО ЧССР полковник Мирослав Ганька. Я уже длительное время был знаком с ним.

Ганька одновременно являлся начальником Института авиационной медицины. В этот раз мы осмотрели его. Он небольшой, но построен очень продуманно и позволяет вести актуальные научные исследования. Институт имеет отличную баролабораторию.

Во второй половине года я закончил работу над докторской диссертацией. С волнением ожидал дня ее защиты.

9 января 1971 года выехал в Ленинград в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова. Встретился со своим научным консультантом генерал-лейтенантом медицинской службы А. С. Георгиевским и начальником кафедры авиационной медицины полковником медицинской службы Г. И. Гурвичем. В их присутствии сделал пробный доклад Ученому совету.

Защита проходила 11 января. Из Москвы приехал один из официальных оппонентов, профессор П. П. Саксонов. Другими оппонентами были профессора М. Ф. Войтенко и Т. И. Гурвич.

Председательствовал на защите начальник одной из кафедр академии полковник медицинской службы А. А. Шпикин. Когда после подсчета голосов появился председатель комиссии, чтобы объявить результаты голосования, я по его лицу увидел, что защита прошла успешно. Действительно, среди белых не оказалось ни одного черного шара.

18 апреля 1971 года меня пригласили на запуск орбитальной станции «Салют» и космического корабля «Союз-10» с экипажем в составе дважды Героев Советского Союза полковника В. А. Шаталова и кандидата технических наук А. С. Елисеева, а также инженера-испытателя Н. Н. Рукавишникова.

На космодроме экипаж «Союза-10» прошел предполетное клинико-физиологическое обследование. В. А. Шаталов и А. С. Елисеев летели в космос третий раз. Они держались уверенно, спокойно.

19 апреля состоялся запуск станции «Салют», а 23 апреля транспортный «Союз-10» доставил к ней В. А. Шаталова, А. С. Елисеева и Н. Н. Рукавишникова. Они отработали элементы стыковки корабля со станцией, подтвердили ее готовность к приему экипажа.

6 июня транспортный корабль «Союз-11» поднял в космос Георгия Тимофеевича Добровольского, Владислава Николаевича Волкова и Виктора Ивановича Пацаева. На другой день они состыковались со станцией «Салют» и перешли в нее для многосуточной работы.

30 июня радио, газеты принесли горькую весть: погибли три наших отважных космонавта.

Все были потрясены. Более двадцати суток Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков и В. И. Пацаев успешно работали в космосе, мы видели на экранах телевизоров их жизнерадостные лица, слушали их содержательные доклады и репортажи…

Для выяснения причин катастрофы собрались министр здравоохранения академик Б. Н. Петровский, его заместитель А. И. Бурназян, другие виднейшие специалисты. А. А. Лебедев и врач Пинчук по очереди доложили о том, какие меры были приняты в первые же минуты после посадки космического корабля. С точки зрения организации медицинской помощи все возможное было сделано. Смерть космонавтов наступила от гипоксии вследствие резкого снижения барометрического давления в кабине с одновременным образованием большого количества газовых пузырьков в сосудах за счет выхождения из крови азота.

2 июля космонавтов похоронили у Кремлевской стены.

В конце 1971 года командование утвердило составленный центральным аппаратом медслужбы пятилетний план

строительства лечебных учреждений ВВС. Санаторий «Судак» завоевал Почетное Красное знамя, а его коллектив — звание коллектива коммунистического труда.

Я начал также добиваться, чтобы был организован центр активного отдыха летного состава с целенаправленной физической подготовкой. Меня энергично поддерживал новый заместитель главнокомандующего ВВС по боевой подготовке генерал-лейтенант авиации П. С. Кирсанов.

Хотя медслужба вышла из подчинения боевой подготовки, наша связь по всем вопросам медицинского обеспечения авиации, особенно безопасности полетов, оставалась самой дружеской и тесной.

В апреле 1972 года Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко провел трехдневное совещание военных медицинских работников. На нем присутствовали все главнокомандующие видами Вооруженных Сил. Я получил возможность выступить на второй день совещания. Говорил об усилиях медслужбы ВВС по повышению боеготовности летного состава и продлению летного долголетия.

В течение года прошло несколько интересных и важных учений. Мне пришлось также побывать в ГДР, Народной Республике Болгарии и Социалистической Республике Румынии на научных конференциях по вопросам авиационной медицины.

В мае 1973 года главнокомандующий ВВС принял решение о создании центра активного отдыха и целенаправленной физической подготовки летного состава.

В отличие от системы, принятой в ПНР, у нас двухнедельное пребывание летчика в центре активного отдыха не входит в отпуск, а является продолжением учебно-боевой подготовки.

Мой заместитель полковник медицинской службы Игорь Петрович Шинкаренко уходил в запас. Он назначался начальником медико-санитарного управления Министерства гражданской авиации. На его место был утвержден полковник медицинской службы Николай Васильевич Болтиков.

В конце мая я доложил генералу А. Н. Ефимову о тяжелой болезни Главного маршала авиации К. А. Вершинина. Он поступил в Кремлевскую больницу. А. Н. Ефимов просил меня навещать Константина Андреевича и сообщать ему о состоянии его здоровья.

В институте медико-биологических проблем Академии наук СССР прошло большое совещание по вопросам подготовки нового космического полета.

Врач ЦПК А. В. Еремин вместе с группой космонавтов провел две недели в США, где знакомился с результатами исследований

на американской орбитальном станции «Скайлэб». Он рассказал, что космонавты Ч. Конрад П. Вейц, Дж. Кервин, совершившие двадцативосьмисуточный полет, чувствовали себя хорошо. Это дало возможность специалистам США в 1972 году осуществить полет Алана Вина, Оуэна Герриота и Джека Лусмы длительностью пятьдесят девять суток.

Огромную роль в успехе этого эксперимента сыграла физическая тренировка космонавтов на борту станции Ежедневно они занимались на велоэргометре, с эспандерами, бегом по периметру кабины. После приземление космонавты сами вышли из корабля, хотя и чувствовала сильную слабость в ногах. Потеря их веса составила три-четыре килограмма.

Наши ученые и врачи давно разработали эффективные комплексы физических упражнений и соответствующее оборудование: «бегущую дорожку», вакуумные емкости и т. д. Но в космосе они применялись недостаточно Участники совещания поставили задачу перед конструкторами обеспечить условия для занятий физической подготовкой в длительном космическом полете на станции «Салют».

27 сентября в двухсуточный полет отправился космический корабль «Союз-12» с подполковником В. Г. Лазаревым и инженером О. Г. Макаровым. В. Г. Лазарев — летчик-истребитель, имеющий и высшее медицинское образование. Для нас, медиков, его полет представлял чрезвычайный интерес.

18 декабря майор П. И. Климук и бортинженер В. В. Лебедев начали восьмисуточный полет на корабле «Союз-13». 28 декабря во время беседы в ЦПК они одобрили программу усиленной физической подготовки в космосе. Хотя после полета они некоторое время еще ощущали последствия невесомости, но вернулись на Землю более бодрыми, чем космонавты, летавшие ранее.

25 декабря я поехал в очередной раз навестить К. А. Вершинина. Состояние его было тяжелым.

Я видел К. А. Вершинина в последний раз. Он скончался вечером 30 декабря.

Три года войны и десять лет в Главном штабе ВВС в послевоенный период я провел рядом с этим замечательным человеком, выдающимся военачальником. Навсегда останутся в памяти его заботливое отношение к людям, смелость в решении важнейших вопросов. Глубокий, поистине государственный ум, беззаветная преданность Коммунистической партии и советскому народу, не старевшая с годами любовь к авиации, к воздушным просторам, которые всегда должны быть чистыми над нашей Родиной, ставили К. А. Вершинина в первый ряд крупнейших

советских военных деятелей.

23 января 1974 года в Центральном военно-медицинском управлении я делал доклад по итогам работы медицинской службы ВВС в 1973 году и о задачах на 1974 год. Присутствовали начальник ЦВМУ генерал-полковник медицинской службы Д. Д. Кувшинский и все его заместители.

Подошло мое время увольняться в запас по возрасту. В оставшиеся месяцы службы в Вооруженных Силах я старался закрепить достигнутое, подчас в нелегкой борьбе с устоявшимися представлениями, непониманием или неверными взглядами. Развитие медицинской службы ВВС шло по правильному пути.

В Киеве состоялось совещание представителей медслужбы авиации социалистических стран. Мы обобщили накопленный опыт и приняли для руководства согласованные и очень нужные документы.

В августе я уволился в запас и перешел на научно-исследовательскую работу в системе Министерства гражданской авиации. Я счастлив, что почти сорок лет прослужил в Военно-Воздушных Силах и внес посильный вклад в их медицинское обеспечение. В годы войны и в годы мира советская авиационная медицина достойно справлялась и справляется со своими задачами, непрерывно совершенствуется, обогащается новыми достижениями. У нее большое будущее.

notes

Примечания

1

ПАРМ — подвижные авиационные ремонтные мастерские.

2

Вещество, обеззараживающее воду.

3

Ростов был освобожден 14 февраля 1943 года.

4

В послевоенные годы Э. М. Назарова защитила кандидатскую диссертацию, работала над докторской. Она была главным консультантом по детской неврологии Минздрава СССР. Ее жизнь оборвалась в 1961 году от руки бандита.

Впоследствии Герой Советского Союза.

Н. Ф. Шумейко был назначен командующим 15 ВА.

7

Управление Северо-Кавказского фронта существовало до 20 ноября 1943 года.

Впоследствии — генерал-лейтенант медицинской службы.

9

Ныне генерал-полковник-инженер в отставке, профессор.

10

В настоящее время полковник медицинской службы запаса, заслуженный врач РСФСР.

Асташенков П. Т. Главный конструктор. М., 1975.

Он заменил на этом посту генерал-полковника медицинской службы Е. И. Смирнова, перешедшего на другую работу.

Основные положения исследования в виде статьи были опубликованы в «Военно-медицинском журнале» № 1 за 1964 год.

ОБАТО — отдельный батальон аэродромно-технического обслуживания; АПСО — аэродромный пункт санитарной обработки.